

Мертвецы зимы (Dead of Winter)

Автор: Джеймс Госс
(James Goss)

Перевод: AlinaTARDIS

В клинике Доктора Блума, расположенного в курортном месте на итальянском побережье, в конце 18 века, не всё так, как кажется.

Мария - одинокая маленькая девочка, с которой некому играть. Она пишет письма матери из отдаленного курорта, в котором проживает. Она рассказывает о бледных английских аристократах, загадочных русских дворянах и их внимательных слугах. Она рассказывает об интригах и секретах и странных безликих фигурах, поднимающихся из моря. Она пишет о загадочной миссис Понд, прибывшей туда со своим мужем и семейным врачом, которая изменит всё.

Но чего она не сообщает матери - так это правды, которую все знают, но никто не говорит - что люди приходят сюда, чтобы умереть.

Что Эми забыла

ТАРДИС терпела аварию. Главным признаком этого было то, что пол накренился под 60-градусным углом. Я знала это, так как на это указал Доктор.

– 60 градусов! – воскликнул он радостно, словно приветствуя старого друга. – Эми, это серьезно!

Я усмехнулась, но затем заметила выражение лица мужа. Рори стоял, прижавшись к стулу, и жаловался. Жаловался в стиле: «О Боже, ты не говорила, что это японский ресторан!» У моего мужа лицо такого типа, которое лучше всего выглядит, когда он встревожен. С тех пор, как мы путешествуем в ТАРДИС, он тревожился неоднократно.

– Успокойся! – крикнула я. – Мы уже сталкивались с подобным креном в 60 градусов, не так ли, Доктор?

– О да, много раз! – согласился Доктор, перекрывая шум двигателей ТАРДИС, похожий на шум терпящего аварию паровоза. – Ну может, и не в 60 градусов. И не так часто. – На консоли управления вспыхнуло небольшое пламя.

– Хм... – вздохнул он печально. – Темпоральные соединения горят... Ну, а чего ты ожидала? 60 градусов – это действительно серьезно.

– Правильно! – проворчал Рори достаточно громко, чтобы перекрыть шум взрывающейся машины времени.

Доктор обреченно обвил руками гигантскую прозрачную колонну в сердце ТАРДИС. Она светилась нездоровым светом. Если бы ТАРДИС была девушкой на выданье, я бы сказал, что еще 30 секунд – и она разрыдается. – Держись, старушка! – прошептал Доктор. Вокруг его рук поднимался пар. – Хватайтесь за что-нибудь! – прокричал он нам.

Рори хотел было ответить: «Но я и так держусь...», как вдруг вся внутренность ТАРДИС совершила немыслимый кульбит. Комната завертелась как барабан стиральной машины, разбрасывая во все стороны мебель, книги и инопланетные приборы, и наконец, замерла. Вверх тормашками.

– Превосходно! – прохрипел Доктор. – Какой прекрасный у нас потолок. Забавно, что мы не ценим красоту потолка, до тех пор, пока не повиснем в двадцати футах над ним.

Я висела, вцепившись мертвой хваткой в какой-то прибор с консоли управления ТАРДИС. Казалось, он был сделан из старого банджо. Я надеялась, что он не был чем-то важным. Я чувствовала, как он трещит под моей тяжестью.

– Почему это происходит? – крикнула я.

– Угу! – поддакнул Рори. Я вдруг поняла, как далеко он был от меня, вцепившись в перила лестницы.

Доктор серьезно взглянул на нас. «Не могу сказать точно, не в данный момент», – ответил он. Он все еще висел вниз головой, как одетый в твид богомол, прижавшись к колонне, которая сейчас была окрашена в неправильный красный цвет. «Могу сказать вам только, что мы все еще терпим бедствие, и что временной ротор довольно сильно нагревается». Он посмотрел на меня. «Прости, не могла бы ты дотянуться до кабеля программного передатчика, Понд?» Он помолчал и повторил громче: «Кабель программного передатчика».

– Кричи сколько угодно, – сердито уставилась на него я. – Мне все равно не станет понятнее, что ты имеешь в виду.

– Хей-хо! – сказал Доктор, как-то умудрившись пожать плечами.

Взорвалось еще что-то, и корабль снова накренился. Вам знакомо это ужасное ощущение, когда ваш самолет попадает в зону турбулентности, и вы вспоминаете, что находитесь внутри тонкой металлической трубки, которая кувыркается в милях над землей? И здесь то же самое! Я могла лишь смотреть на большой экран, на котором было видно, как мы кувыркаемся во Временной воронке, словно перекасти-поле в засуху.

– Неподалеку в пространственно-временном континууме явно происходит что-то нехорошее, – прокричал Доктор сквозь шум. – ТАРДИС ужасно любопытна – как милая старушка, которая не может не замедлить ход, чтоб поглазеть на ДТП на соседней улице. Проклятье.

– Это не замедление, – заметил Рори.

– Верное замечание, – согласился Доктор, прижимая ногой прибившийся к нему оторванный кабель. – В лучшем случае, это объясняет, почему где и когда бы мы ни приземлились...

– Это всегда заканчивается бедой! – хихикнула я.

Несмотря ни на что, я веселилась. Плюс от путешествий с Доктором – рядом с ним ты забываешь о том, что под тобой нет страховочной сетки. Достаточно было одного взгляда на него, на восторг в его глазах, улыбку на

его лице, на его тщетные попытки удержаться на плавающей колонне, чтобы я перестала волноваться. «О Доктор, – подумала я, – я никогда тебя не забуду». Это прозвучало немного иронически.

На консоли начал звонить старомодный будильник, маленький медный молоточек бил по крошечному колокольчику снова и снова.

– Что это?! – крикнул Рори.

– Датчик сближения! – простонал Доктор, наконец, отцепившись от колонны. – Что означает...

Мы упали.

Письмо Марии

Сент-Кристоф,

4 декабря 1783

Дорогая мама! О, мне так скучно и холодно. Лето кончилось, и со мной больше некому играть. Мне уже гораздо лучше, спасибо большое, и когда же ты наконец приедешь за мной? Я так долго жду возвращения в Париж. Я скучаю по папе, по щенятам (на этой неделе я решила назвать их Антонием и Клеопатрой – ну разве это не забавно?), и конечно, больше всего я скучаю по тебе.

Кажется, прошла вечность с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз. Уверена, ты приобрела несколько чудесных новых платьев для меня. Боюсь, мои выглядят просто ужасно – здешняя прачка стирает хуже, чем Элоиза в самом дурном расположении духа. Поэтому, пожалуйста, расскажи мне, как выглядят новые платья, и не купили ли мы новых лошадей?

Клиника Доктора Блума выглядит так же, как и летом, разве что стало темнее и холоднее. Сейчас здесь тебе не понравится. Здесь почти нет солнца, и постоянно идет дождь. В комнатах сыро, и факелы чадят, заставляя пациентов надсадно кашлять.

Ты узнаешь, что люди здесь истощены и избегают разговоров. Единственное новое лицо – толстый англичанин, который громко бранит Доктора Блума и на всё жалуется. Милого Принца Бориса заперли в его палате. А остальные такие тихие и скучные. Мне не очень-то хочется с ними общаться.

Я имела в виду, мамочка, что мне не нравится с ними общаться. Конечно, они все очень больны, и их не следует беспокоить без особой необходимости, я знаю, но... теперь они стали другими.

Если хочешь, я скажу тебе, как именно они изменились. Но перед тем как скажу, я должна попросить тебя не бояться за меня. Может быть, то, что я собираюсь рассказать, тебя напугает, я бы не хотела этого.

Доктор Блум продолжает курс лечения свежим морским воздухом самых тяжелых больных – помнишь, как это было летом? Вереницу нянечек, выкатывающих их на колясках на берег и оставляющих их там? Ну, все так же, даже зимой. Мадам Блум утверждает, что мороз вымораживает все плохое из легких, но ведь это не очень хорошо – заставлять их сидеть там от

рассвета до заката, не так ли? Свет такой тусклый, а туман такой густой. Они похожи на мертвецов. И я не могу удержаться, чтобы не назвать их так – помнишь, ты запрещала мне это делать? Мертвецы ждут на берегу...

Но это не самое страшное, мама. Иногда я спускаюсь к ним, чтобы составить им компанию. Но мертвецы не одни. Потому что в тумане что-то есть, и оно говорит с ними.

Я все рассказала.

О мама, это ужасно пугает меня! Пожалуйста, забери меня домой. Скорее сообщи мне новости.

Всегда любящая тебя, Мария.

Что Эми вспомнила

Я проснулась. И сразу же пожалела об этом. У меня кружилась голова, и понадобилось время, чтобы понять, где я нахожусь. Это была большая, очень белая комната, и на моей кровати сидела маленькая девочка. Она была одета как героиня мюзикла «Кранфорд», только без шляпки.

– Ах! – вскрикнула она, радостно хлопнув в ладоши. Хьюстон, у нас проблемы – и зрители. Изматываяюще. – Вы очнулись! Я так рада, мадемуазель! – сказала она. Говорит по-французски. Интересно.

– Да, – прохрипела я. У меня в горле пересохло.

Она протянула мне стакан воды.

– Кто вы? – спросила она, тараща любопытные глаза.

Это смутило меня на мгновение. Я не была уверена. Я помню... хмм... Не так много, оказывается. О Боже!

– Я Мария, – важно объявила девочка, отбрасывая назад свои волосы, которые были действительно очень длинными и золотыми. Как в рекламе. Она уставилась на меня. – Мне 11. – Она помолчала, ожидая моего ответа.

– Хорошо, – я пила воду, оттягивая время. Я ощутила надвигающуюся панику. Как меня зовут?

– Вы не можете вспомнить, не так ли? – хитро улыбнулась Мария. – Они сказали, что Вы можете не вспомнить. – Она хихикнула, как будто это было смешно.

– Кто сказал, что я не смогу вспомнить? – спросила я.

– Люди, – она пожала плечами. – Я слышала, как люди говорили о тебе в коридоре. Ты здесь новенькая. У нас не так много новых гостей. И здесь трудно разговаривать. Но я все равно рада, что ты здесь. Надеюсь, тебе будет весело. Ты хочешь поиграть со мной?

Я была слегка этим ошарашена. Честно сказать, возросшая паника мало мне помогла. Я попыталась улыбнуться ей, но улыбка получилась слабой.

– Да, – сказала я, наконец, – я люблю игры. А они говорили, что со мной случилось?

Мария склонила голову набок.

– Твой экипаж разбился. Тебя доставили сюда сегодня утром.

Это что-то прояснило. В некотором роде. Я смутно припомнила что-то подобное – о перевернувшемся мире и сильном ударе, но... это было не всё. Было кое-что еще. Мокрый песок.

Я приподнялась на локтях, чтобы выглянуть в окно. Я увидела лишь серое небо и несколько скрюченных деревьев, трепещущих на ветру. Но я услышала...

– Мы находимся около моря? – спросила я.

Мария задумчиво кивнула.

– О да. Сент-Кристоф – это курорт. Он очень модный и самый дорогой. Сюда съезжаются туристы со всей Франции и Италии.

Я подскочила на кровати. – Так это отель?

Мария фыркнула, прикрыв рот ладошкой.

– В некотором роде – да. Отель для мертвецов.

Это насторожило меня. Не очень-то хорошо это прозвучало.

– Что ты имеешь в виду? – я сужала глаза, пока не заболела голова.

– Сюда приходят умирающие, – она скроила гримаску. – Я имею в виду, они надеются поправиться. Но они на самом деле мертвецы. Некоторые возвращаются домой, счастливчики. Мама вернулась. Она дома, в Париже. Я тебе не рассказывала, что мы живем в чудесном доме с пони?

Пони?! Я покачала головой и попыталась сосредоточиться. Моя голова кружится, я не помню даже собственного имени, и такой большой энтузиазм, и... Я одна и...

– Какой сейчас год? – спросила я внезапно. Как только я это сказала, я вдруг осознала, что это странный вопрос, и что я привыкла задавать его. Неужели даты всегда были для меня проблемой? В моей голове начала просыпаться память. Память о чем-то синем, лежащем на боку на песке. Холодная вода, синий свет, мокрый песок...

– 1783-ий, – гордо кивнула Мария.

– О, очень хорошо, Мария, это абсолютно точно, – сказала я, с трудом пошевелившись. Я стянула одеяло, только сейчас обратив внимание на то, что на мне была довольно милая старая кружевная ночная рубашка. Я спустила ноги на пол, узнав, что в комнате очень холодно. Я взглянула на девочку. – Ну вот, Мария, – сказала я серьезно. – Я собираюсь прогуляться. Затем я собираюсь выяснить, где я нахожусь.

– А потом мы поиграем? – Мария была очень возбуждена.

– Возможно в «Поймай меня, если сможешь», – фыркнула я. – Я побегу первая.

Я шагнула, мир закружился и пол зашатался подо мной.

В это время дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое мужчин. Кто-то сказал: «Эй! Держись!»

Еще кто-то крикнул: «Вот она!»

Две пары рук подхватили меня, и я вновь очутилась на кровати. Потолок надо мной дико кружился. Не хватало только пляшущих звездочек вокруг головы и птичьего щебета.

Когда головокружение прекратилось, я взглянула на обоих мужчин. Словно фейерверк сработал в голове. Один из них был одет в изорванный твидовый костюм, а другой – в рабочий халат. Лицо второго было встревожено. Он держал меня за руку, проверяя пульс.

– Мария! – крикнула я, довольная собой и всем миром в целом. – Меня зовут Эми Понд, а это – мои мальчики!

Дневник Доктора Блума

5 декабря 1783

Черт, черт, черт, черт, черт!

Косов нашел троих незнакомцев, лежащих на берегу, сегодня утром, как только встало солнце. Косов любит прогулки. Я говорил ему, столько раз говорил не оставлять Принца Бориса без присмотра, но этот Косов вечно своевольничает. Он слишком любит гулять по берегу, вероятно, беседуя с... ну, ты понимаешь, о чем я.

По словам Косова, он нашел этих троих, скрючившихся рядом на песке, мокрых с головы до ног. Удивительно, что они не замерзли насмерть ночью, – это было бы благословением для всех нас, если бы они умерли, без сомнения. Девушка была без сознания, но двое мужчин уже начали подниматься на ноги, потирая головы и постанывая. Их бесчисленные жалобы и стоны и заставили Косова заподозрить, что они англичане. Ха-ха! Милый Косов – не дурак. Всем известно, что нам приходится ежедневно выслушивать бесконечные крики и жалобы этого лондонского сноба Невилла. Потому что Мистер Невилл не понимает, что он здесь для того, чтобы поправить здоровье, а не в отпуске. Этот глупец совсем мне не доверяет.

– Разрешите мне вас вылечить, сэр! – попросил я его в день приезда.

– Меня исцелит Бог! – важно заявил он, затем начал жаловаться на питание.

Этот глупец не понимает, что существуют причины, почему комнаты так хорошо проветриваются, почему пища такая простая, и почему существует абсолютный запрет на употребление пива, вина или портера. Честно сказать, человек он пренеприятный, но это неважно. О, он бесит меня – но я вылечу его. Я вылечу всех! Да, я вылечу даже мистера Невилла.

Так, о чем это я? Ах да, как всегда, море...

Косов видел, как утренний туман сгущается вокруг них, и решил действовать быстро, пока он не скрыл их – мужчины поддерживали друг друга, а он сам всю дорогу назад нес на руках девушку. Только представьте – этот неуклюжий гигант втащил ее словно связку хвороста! Я только начал свой завтрак, когда он ввалился в комнату с ней, а два других дурака, тараторя, топтались позади него.

– Что все это означает, Косов? – потребовал разъяснений я (о Боже, и когда я стал таким напыщенным?), вскочив и помогая ему уложить девушку на кушетку. Я видел, что она дышала, что все в порядке, и что те двое мужчин очень беспокоились о ней.

Я выпрямился, подтянул рубашку и ободряюще улыбнулся им.

– Не стоит изводить себя зря, джентльмены, – начал я. – Нет веских причин для беспокойства. Ваша подруга просто очень крепко спит – вероятно, следствие легкого сотрясения. Вы попали в аварию? К счастью, теперь вы в надежных руках. Я с удовольствием временно позабочусь о ней в этом учреждении.

– Учреждении? – один из мужчин моргнул. – Это больница или отель?

– И то, и другое, – усмехнулся я. – Меня зовут доктор Блум.

Мужчина с жаром потряс мне руку.

– А я – Доктор... – он осекся, скривившись. – О Боже, – вздохнул он.

– Ну ладно, пока просто «Доктор». Уверен, остальное вспомнится позже.

Я изогнул бровь. «Вы тоже медик?»

Он кивнул. «Ну, я так думаю. Это все немного запутанно».

Я хлопнул его по плечу.

– Вы провели ужасную ночь на берегу. Погода довольно сурова. Ледяные пальцы зимы дотянулись даже до Лазурного берега.

– Ах! – сказал этот странный Доктор, и на мгновение мне показалось, будто он не знает, где находится. Он пробормотал что-то себе под нос. Что-то вроде «Кабель программного передатчика». Ох уж эти «Ростбифы»!

Его коллега – такого же роста, но более солидный – вышел вперед.

– На стыке Франции и Италии. Чудесное местечко, – сказал он с акцентом. У этих англичан такой ужасный акцент! – Я мистер Понд. Ну во всяком случае, я так думаю, – он смущенно улыбнулся. – Да, я думаю, что у нас случилась небольшая авария. Просто авария.

Он помолчал, затем начал повторять последнее слово, словно пробуя его на вкус, и затем отбросил его как неподходящее. Затем, пожав плечами, продолжил: «Как бы то ни было, мы здесь, вы – доктор Блум, и я уверен, что милая Эми – кстати, я думаю, что она моя жена, – будет более чем довольна той помощью, которую вы сможете ей оказать».

Он внезапно замолчал, словно он сказал слов больше, чем за всю свою жизнь. Его друг, Доктор Как-его-там, кашлянул.

– Ну ладно, мы здесь. Может быть, мы можем одолжить у вас какую-нибудь одежду, пока не высохнет эта?

Я взглянул на их одежду. Она была более чем замечательной.

Он перехватил мой взгляд и улыбнулся. – Дорожный наряд. Вы знаете, каково это. Скорее удобна, чем презентабельна.

Затем этот глупец сунул руки в карманы с влажным всхлипывающим звуком и постарался принять горделивый вид.

Я слабо улыбнулся ему. «Да, конечно. Конечно, мы очень рады предложить вам гостеприимство. Я найду комнату для Мадам Понд, а потом моя жена принесет вам новую одежду».

Через несколько минут появилась моя дорогая Пердита, образец успокаивающей надежности. Она отнесла бедную неподвижную девочку в комнату, мужчины получили возможность погреться у жаркого огня и по паре мешковатой ненужной одежды, а я остался стоять у окна, глядя на скалы и берег и размышляя, что бы это могло значить. Неужели они действительно оказались здесь случайно?

Я не слышал, как она вошла, но милая Пердита неожиданно оказалась у меня за спиной. Она обвила руками мои руки, прижалась подбородком к моему плечу.

– Не волнуйся, милый, – сказала она, улыбаясь. – Я позаботилась о них. Всё будет хорошо.

– Правда? – я сжал ее руку, а она сжала в ответ мою. – Я слегка обеспокоен, вот и все.

– Ну конечно, ты беспокоишься, – ее смех был таким заразительным, он мог бы прогнать любую самую ужасную беду. – Конечно. Но ты ведь золотой человек. Ты делаешь волшебные вещи. А это... это лишь небольшое неудобство.

– Как неудобно! – я протянул последнее слово, утрируя свой легкий немецкий акцент, пока она не улыбнулась. У Пердиты самая прекрасная улыбка на свете. – В это место ушли годы работы. Неисчислимые усилия. Мы уже практически на финишной прямой. И знаешь, что? За все эти годы труда, я ни разу не боялся. Появились эти три незнакомца, и вдруг... вдруг я забеспокоился.

Мы стояли у окна, держась за руки и глядя на море.

Письмо от Марии

*Сент-Кристоф,
5 декабря 1783 года*

Дорогая мамочка, щенята и лошадки!

У нас гости, и они такие, такие интересные! Сегодня я познакомилась с Месье и Мадам Понд. Они остановились здесь – их экипаж попал в аварию на шоссе неподалеку и их принесли сюда вчера ночью. Мадам Понд зовут Амелия, и она очень забавная. Она говорит, что очень хочет играть со мной и любит щенят. У нее чудесные длинные рыжие волосы (длиннее даже чем у нашей кухарки Сесиль) и очень громкий смех. Она родом из Шотландии, и ее акцент очень смешной, хотя она очень хорошо говорит по-французски, намного лучше, чем противный месье Невилл.

Месье Понд тоже очень милый, хотя он кажется немного растерянным. Они оба страдают от сотрясения мозга, вызванного аварией их экипажа, во всяком случае, так утверждает их семейный врач. Он говорит, что его зовут Доктор Смит, и мне он очень нравится, несмотря на то, что он немного нервный.

В то время как месье Понд часто выглядит встревоженным и строгим, Доктор Смит всегда улыбается. Иногда он такой неуклюжий, и я не думаю, что его одежда ему подходит, но он такой забавный. Он любит болтать с девочками – в отличие от нелюдимого доктора Блума. Он приятно пахнет, приятнее, чем месье Невилл – я думаю, что не все англичане грязные неряхи. Доктор Смит все время говорит мне, что он не настоящий доктор, но мадам Понд все равно, как мне кажется, без ума от него и считает его самым лучшим в мире. Месье Понд не так уверен в этом, и я не удивлюсь, если он немного ревнует.

Доктор Смит и мадам Понд говорили о какой-то игре в мяч, но месье Понд не захотел к ним присоединиться. Он сказал, что из этого не выйдет ничего хорошего. Я сказала ему, что он не прав, и он посмотрел на меня так враждебно, как будто ему все говорили, что он не прав.

Потом открылась дверь, и вошел доктор Блум. Я должна сказать, что мадам Понд – она попросила меня называть ее Эми – итак, что Эми никогда раньше его не видела. Его присутствие напугало ее – я уже привыкла к тому, что он врывается в комнату подобно большому сердитому фламинго. Она не

показывала страха, просто смотрела на него. Я расскажу тебе, что произошло дальше, я помню, что ты всегда находила доктора Блума забавным.

– О, уже очнулись, моя дорогая? – сказал он, хлопая ее по плечу. – О, прекрасно, прекрасно. Вы выглядите лучше, значительно лучше. Какой здесь воздух, просто волшебный. Это чудо, скажу я вам. Только наполните им ваши легкие, и вы мгновенно поправитесь.

Он вздернул очки на свой орлиный нос и уставился на нее сверху вниз. Он всегда так делает – думаю, для того, чтобы казаться серьезнее, но как он может этого добиться, пока носит этот смешной белый колпак? Он пригладил его, но тот продолжал нелепо торчать над ушами, придавая доктору вид спаниеля. Не глядя на меня, он рассмеялся: «Вижу, вы уже познакомились с нашей самой юной гостьей, милой маленькой Марией. Не позволяйте ей утомлять вас, мадам Понд. Вам действительно лучше отдохнуть, до тех пор пока не почувствуете себя лучше».

Он нежно погладил ее по запястью и повернулся к Доктору Смит.

– Ну, я должен сказать, это очень перспективная пациентка. Уверен, вы согласитесь, дорогой Доктор...

– Смит, – с улыбкой поклонился Доктор Смит. – Я вспомнил, что моя фамилия Смит. Почти определенно. Старая добрая английская фамилия – Смит. Скорее всего, означает «благородный отважный воин», а вовсе не «тот, кто убивает котят молотом». Вы будете удивлены происхождением типичных фамилий английской глубинки...

Он замолчал, заметив, что мы все таращимся на него, и кашлянул.

– Прощу прощения, вы сказали, Эми лучше? – Он снова кашлянул. – Ну, это рано, еще очень рано, – и смолк. – Доктор..э-э? Я вспомнил свою фамилию, чтобы забыть вашу. Упс.

– Его зовут доктор Блум, – пробурчал месье Понд. Он стоял у окна и, хмурясь, глядел на берег. Он не оборачивался, просто выглядел сердито. Ты ведь помнишь, как выглядит папа, когда подгорает каша? Ну вот так примерно.

– Доктор Блум, конечно! – Доктор Смит хлопнул себя по лбу. – Прощу прощения. Я не хотел... Думаю, прошлая ночь потрясла меня больше, чем я думал.

Доктор Блум протянул руку к его плечу и ободряюще похлопал. Он хотел, чтобы они ему доверяли, а ведь никто не доверяет, не так ли, мама?

– Ничего, дорогой друг, ничего страшного. Вам всем крупно повезло. Ведь, когда вас нашли на пляже, я совершенно оставил надежду спасти вас.

– И ни малейших признаков нашего экипажа? – Месье Понд еле сдерживался. Я знаю, если бы ты была здесь, мама, ты одарила бы его таким взглядом. Англичане такие грубые! Бедный доктор Блум как-то справляется с этим, к счастью.

– Ни малейших, месье. Видимо, лошади умчались вместе с экипажем. Мне жаль. Совсем ничего не нашли. Но как только ваш семейный врач скажет, что вы полностью восстановились, я с превеликим удовольствием распоряжусь насчет предоставления вам альтернативного транспорта.

– Хм, – сказал месье Понд. Он этому совсем не обрадовался.

Доктор Смит поспешно сказал: «Может, тебе лучше сесть. Может, ты чувствуешь себя не очень хорошо...»

– Вовсе нет, – сердито возразил месье Понд. – Я чувствую себя нормально, Доктор Смит, – он произнес это таким тоном, будто винил во всем Доктора Смита, хотя это несправедливо.

Эми состроила гримаску.

– Они всегда так, – сказала она мне. – Увидимся позже, ладно?

Я поняла ее намек и вышла. Выходя, я услышала, как она сказала доктору Блуму: «Если бы мои мальчики были повежливее, уверена, они сказали бы, что очень благодарны вам за то, что вы приютили нас здесь. Может, вы расскажете нам больше об этом месте?»

Я не люблю ходить на пляж. Но я хотела уйти подальше от доктора Блума. И еще думала, не на пляже ли потерпел крушение экипаж Эми. Может быть, я найду его следы или даже одну из лошадей, блуждающую неподалеку, или еще что-нибудь.

Погода не была слишком плохой, и, помня о том, что ты велела мне укутаться потеплее, я пошла по дорожке. Был серый, хмурый день. Даже с вершины холма я видела, что пляж полон народу.

Мертвецы были здесь, как всегда. Они никогда не шевелятся, ни один из них. Они просто сидят на своих колясках, даже не замечая дождя, просто смотрят на море, пока не сядет солнце, и кто-нибудь не придет забрать их. Я знаю, что свежий воздух должен быть им полезен, но мне в это не верится.

Ты знаешь, что пляж пугает меня. Поэтому я не собиралась задерживаться, пока... пока снова не произошло Это. Сначала все было как обычно. На берегу сидели только Мертвецы. Затем с моря налетел туман.

Было похоже на сумерки, свет тускнел, в то время как туман становился гуще и гуще, обвиваясь вокруг ног больных, продолжающих сидеть неподвижно, до тех пор, пока не скрыл их из виду. Я не хотела смотреть дальше. Мне стало холодно и страшно.

Затем Мертвецы начали разговаривать с туманом. Я стояла недостаточно близко, чтобы слышать, что они говорят, я только слышала, что они разговаривали с ним. И туман запел, отвечая им! Затем из моря начали подниматься фигуры, они проходили сквозь туман и становились рядом с Мертвецами. Я не смогла рассмотреть их лица, только их очертания, зыбкие как туман. В воздухе звенела песня, одинокий высокий печальный голос, как будто пело само море.

Затем каждая фигура подняла пациента с коляски и начала танцевать, двигаясь по песку в такт грустной песне. О, мама, я никогда не видела ничего подобного – они двигались красиво и пугающе в одно и то же время. Я почувствовала дрожь в животе от этого странного зрелища. Что если они заметят меня?

– Интересно, – сказал голос за моим плечом. Задыхаясь, я обернулась. Доктор Смит стоял рядом, глядя на пляж и танцующие фигуры. Его лицо было печально. – Я не думаю, что видел раньше что-то подобное.

Мы еще немного постояли, наблюдая, как Мертвецы танцуют с призраками. Доктор Смит повернулся ко мне.

– Не хочешь спуститься к ним? – спросил он.

Я покачала головой. Я не хотела спускаться на берег. Я поняла, что прикусила губу, а я знаю, как тебя это злит. Я снова покачала головой.

– Ты боишься их? – спросил он мягко.

Я кивнула.

– Я тоже, – кивнул он, потом улыбнулся. – Ты умная девочка, Мария.

Мы вернулись назад в отель, и сели ждать заказанный горячий шоколад в столовой. В углу сестры Элквитин уже играли музыку.

– Как мило! – сказал Доктор Смит, поклонившись им.

Я рассказала ему все о сестрах Элквитин – худенькой и толстенькой. Ты помнишь, как они и тебя пытались научить музицировать? Ну, сегодня обе сестры достаточно хорошо играли – худенькая на виолончели, полненькая на скрипке. Им подыгрывала мрачная леди из Зальцбурга на скрипке. Бледный парень из Нанта пытался помогать им на флейте, но как ты говорила, ему не хватало дыхания.

– Экстраординарно! – вздохнул Доктор Смит, подхватив мелодию. – Довольно мило.

Я согласилась. «Сегодня хороший день, месье. Иногда не все из них способны играть».

– О, конечно, квартет, – Доктор Смит печально кивнул. – Это, наверно, их подработка.

– Сестры Элквитин говорят, что это им полезно. Ну, полненькая говорит. А худая... она не может говорить.

– Правда?

Я печально покачала головой. «Ну не совсем так. Ее сестра говорит, что ее легкие так слабы, что она сохраняет оставшееся дыхание для себя».

– Ах, – Доктор Смит огляделся. – Это клиника для больных чахоткой?

– Помимо всего прочего – да. Доктор Блум знаменит этим.

– Место, где пациенты танцуют с созданиями из моря? Немного странно, не так ли? – он усмехнулся.

Думаю, что тебе он понравится.

– Я знаю. Доктор Блум не похож на обычных докторов.

– Не похож, – улыбка Доктора Смита исчезла. – Что-то тут не так.

Когда сестры Элквитин закончили игру, Доктор Смит захотел поговорить с ними. Оливия, старшая и полненькая, завела милую беседу, в то время как Хелена, худенькая и безмолвная, села и начала что-то быстро писать. Доктор Смит беседовал с Оливией, но я видела, как он шарит глазами в том, что писала Хелена. Её каракули были непонятны мне, но он был так ими заинтересован, что это заметила даже Хелена, и закрыла свою работу рукой, совсем как Клоди, когда думает, что я списываю у нее контрольную (чего я никогда не делала).

– Прощу прощения, – извинился Доктор Смит, глядя на Хелену своими огромными глазами, – это замечательные уравнения.

Хелена ничего не ответила, но заговорила Оливия, неодобрительно поджав губы: «Моя сестра всегда предпочитала числа людям».

– Ну, я не могу сказать, что это плохо, – ослепительно улыбнулся Доктор Смит. – Это очень милые числа.

Хелена вспыхнула, торопливо подхватила листки и выбежала из комнаты.

Доктор хотел сказать еще что-то, но был прерван появлением того сердитого англичанина, месье Невилла. Он с трудом вошел в комнату и уже жаловался на плохой завтрак.

Он кричал на одну из официанток как злобная жаба: «Это яйцо сварено неправильно. Я не хочу, чтобы оно снова потекло». Он стукнул огромным кулаком по столу, заставив подпрыгнуть свою маленькую корзинку с выпечкой, и затем уставился на Доктора Смита и меня.

– Что? – спросил он. – Ты привела сюда чужого, девочка?

Я представила Доктора Смита, и месье Невилл просто пролаял:

– Ах, еще один шарлатан! Еще один мясник! Я не удивлен, что этот старый мошенник Блум притащил еще кого-то. Давно пора. Я все время твержу ему, что мне нужен настоящий врач. Не то что я хочу Вас обидеть, сэр. Просто я предоставил Блуму список известных врачей, которым лично я доверяю и могу их порекомендовать. А он – ноль внимания. Говорит, что мое состояние ухудшилось из-за неправильной диеты. Неправильной диеты, я умоляю! В этом месте даже сверчок не потолстеет! Где та девчонка? – он обернулся, вращая большими щеками и глазами.

Доктор Смит подмигнул мне. «Вообще-то, месье, – сказал он мягко, – я слышал, доктор Блум добился ошеломляющих результатов. Вы разве не видели других пациентов на берегу?»

– Эту толпу? – сплюнул месье Невилл. – У меня нет времени на упражнения. Мне нужно работать. Важные бумаги и государственные документы и необходимая работа, которая продвигается очень хорошо и не должна быть прервана ерундой. – Он помахал рукой, покидая нас.

Доктор Смит увел меня как можно дальше от месье Невилла. Мы наблюдали, как он кричит на грейпфрут.

Доктор Смит улыбнулся: «Ну, теперь я вижу, почему тебе одиноко здесь, Мария».

Я рассказала ему, как сильно я скучаю по тебе, пони и щенятам, и он печально кивнул.

– Я тоже скучаю по дому, – сказал он, – может быть, однажды мы вернемся туда, когда Эми... – он закрыл глаза. – Прошу прощения, – сказал он, встряхнув головой. – Получил серьезную встряску прошлой ночью. Неудивительно, что я не в лучшем состоянии, чем она.

– Вы давно ее знаете, месье? – спросила я.

– С детства, – ответил он, широко улыбнувшись, прежде чем снова посерьезнеть. – Скажи мне, что ты думаешь о произошедшем на пляже. Это действительно странно, не так ли?

Вот какой он, Доктор Смит – его лицо мягкое, милое и доброе, но он говорит грубейшие слова, и его глаза бегают вокруг, как у сумасшедшего.

Я пожала плечами: «Если вы о том, что мы видели, месье Доктор, то я этого не понимаю. Я не хочу говорить об этом, так как никто не поверит. Я хочу рассказать об этом маме. Может, тогда она заберет меня домой».

Доктор Смит скрестил руки. «Думаю, тебе следует ей рассказать, – его голос был печальным. – Здесь не место для ребенка».

И вот я рассказываю тебе это, мама. На пляже происходит что-то ужасное, и это пугает меня. Милый Доктор Смит говорит, что ты должна забрать меня домой. Пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста, могу я вернуться домой?!

Всегда любящая тебя, Мария.

Что Эми вспомнила

Я проснулась от криков Доктора Смита и моего мужа.

– Мальчики! – простонала я. – У меня все еще раскалывается голова. Вы мне не помогаете. Изобретите парацетамол или заткнитесь!

– Хорошо, – кивнул Доктор Смит и, ссутулясь, отошел к окну.

Мой супруг присел на краешек кровати.

– Это место немного неправильное, – сказал свет моей жизни.

– Это лепрозорий, – сказал Доктор Смит.

Я тотчас села в кровати.

– Ну, нечто вроде того, – добавил он. – Большинство людей здесь больны туберкулезом. Ужасная болезнь – абсолютно смертельная. Конечно, в наше время она тоже опасна, но все-таки излечима.

Мой муж (учившийся медицине, спасибо) вскочил.

– Его даже еще туберкулезом не называют, не так ли? Просто чахоткой.

– Что? – я чуть не рассмеялась. – Болезнь, от которой умирают поэты на диванах?

– Точно. – Доктор Смит помрачнел. – Ужасная, медленно прогрессирующая болезнь. Веками люди принимали ее за вампиризм. Знаете... – он всплеснул руками. – Худые и бледные, как модели, красные глаза, кровь на губах... Не любитель солнечного света. Плюс, если вы подхватили эту болезнь, ваша семья избегает вас. В лучшем случае, они считают это опасной заразой, которую они могут подцепить от вас. А если они не столь просвещены, то могут решить, что вы пьете их кровь по ночам.

– Мило, – сказала я.

Мой муж кивнул: «Но ведь сейчас то время, когда доктора отправляли людей лечиться на море, не так ли?»

– Ну... – Доктор покачал ладонью – жест, означающий «более-менее». – Это место опередило свое время. На целую сотню лет. Придется ждать правления Королевы Виктории, пока кто-нибудь не откроет настоящий санаторий для туберкулезников.

– Минуточку! – сказала я. – Это значит... ну, либо это место особенное...

Я вытянула ноги, готовясь спрыгнуть с кровати, но мой муж остановил меня.

– Или что-то в нем не так, – закончил он хмуро.

– Точно, – сказала я, возбужденно столкнув его с кровати и поднимаясь на ноги. – Это просто один из видов того, что мы любим. Это то, для чего мы живем. – Я шагнула к Доктору Смиту на неустойчивых шпильках. – И то, что мы делаем. Не так ли?

Доктор Смит повернулся и посмотрел на меня, его милое лицо было встревожено. – Ты уверена? Это... Мне ужасно жаль, но я не могу вспомнить, что мы делаем.

– Или как мы сюда попали, – вздохнул мой супруг.

– Или даже кто мы такие, – откликнулся Доктор Смит, опускаясь на край кровати. – Хотя у меня есть странное ощущение, что мы путешествуем во времени.

Слишком много информации, чтобы переварить.

Я уперла руки в бока и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– Что ты сказал?! – переспросила я.

Мужчины всей моей жизни посмотрели друг на друга, затем снова на меня.

Наконец, мой муж заговорил:

– Эми, мы в затруднительном положении, – сказал он мягко.

Дневник Доктора Блума

5 декабря 1783

Я так и знал! Эти незнакомцы принесли беду.

Пердита рассказала мне, что встретила мистера Понда на берегу. Он стоял рядом с пациентами, наблюдая за их сном.

– Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, месье? – спросила она вежливо.

– Нет, нет, – он был очень груб. – Я жду шоу.

– Здесь нет никакого шоу, – сказала она довольно жестко. – Просто тяжелобольные люди лечатся.

– Я слышал, – ответил этот мерзавец. Он обвел рукой пляж и море вокруг него. – Но, кажется, здесь происходят необычные вещи.

Пердита вежливо рассмеялась.

– Боюсь, здесь нет чудес, месье. Мы просто помогаем им наполнить легкие чистым свежим воздухом. Но теперь солнце садится и им уже пора возвращаться в здание, – она хлопотала возле них, здесь поправляя одеяло, там трогая лоб. Она такая заботливая.

Мистер Понд продолжал свои странные расспросы.

– Но ведь не только это, не так ли?

Пердита подняла голову от очередного поправляемого одеяла, встретившись с его испытующим взглядом.

– Месье?

– Я слышал, что море поет для них.

Пердита покачала головой.

– Я еще слышал, – продолжил он, – что из моря приходят люди и танцуют с ними.

Пердита позволила себе улыбнуться. Вот мерзавец!

– Я ошибаюсь? – спросил он.

Пердита махнула рукой в сторону дремлющих больных.

– Как Вы можете видеть, месье, здесь нет ни песен, ни танцев. Пациенты моего мужа слишком больны, даже чтобы двигаться, и их нельзя беспокоить, – помолчав, она продолжила как можно более жестким и суровым голосом: – Может быть, вам лучше зайти внутрь, месье? Прошло не так много времени после вашей аварии. Боюсь, как бы вы не заболели.

– Это что, угроза? – сказал грубиян, словно обвиняя ее.

Она посмеялась над его грубостью.

– Боюсь, я вас не понимаю.

– Уверен, что нет, – сказал мистер Понд печально.

– Пожалуйста, месье, я настаиваю, чтобы вы зашли, для вашего же здоровья. Я вам гарантирую, что вы ничего не пропустите. Сегодня на пляже не будет никаких танцев.

– Вот как? – Мистер Понд стал еще более несносным. – А что, если я приглашу вас на танец?

Моя жена просто и твердо подавила его порыв.

– Я не танцую.

Мистер Понд постоял еще немного, глядя на пациентов и на море. Вечер был холодный, и куски брезента над колясками начали трепетать, как паруса корабля. Моя жена продолжала настаивать, довольно твердо, пока не пришли санитары, чтобы завезти пациентов внутрь.

Наконец, мистер Понд повернулся, чтобы уйти.

Его остановил голос моей жены.

– Вы заинтересовали нас, сэр.

– Надеюсь, что да, – откликнулся он, уходя.

Когда Пердита передала мне этот разговор, я похолодел. В этих трех людях есть что-то ужасное. Я знаю. Что они могут разнюхать и натворить? Мне не следовало их впускать сюда! Но Косов уверяет, что их следует здесь задержать. Море сильно заинтересовано в них.

Я должен узнать о них как можно больше. Я должен! Для этого я приглашу Доктора Смита на обед.

Письмо от Мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
5 декабря 1783*

Мой дорогой Октавиус!

Приветствую, старый ты мошенник! Как ты посмел отправить меня в этот рассадник шарлатанов? Неслыханно! Так как я не купился на услуги подсовываемых тобой английских шарлатанов, ты отправил меня сюда, как ненужную, неудобную вещь, чтобы на мне практиковались зарубежные дураки, которые небрежно говорят по-английски и бегло несут вздор.

Знаешь ли ты, как они собираются лечить мои бедные старые легкие? Превратить их в мороженое! Это чистая правда, Богом клянусь, – если я им разрешу, они выставят меня на берег моря на покрытой брезентом неуклюжей коляске, с одеялом и газетой. А ведь сейчас, если помнишь, Декабрь!! Я вмерзну в лед! Они называют это «свежий морской воздух», я же называю помощью гробовщику.

Общество здесь в основном жалкое и бедное. Ходят слухи, что здесь лечится русский князь, но он не выходит из своей комнаты. Признаюсь, я его не виню.

И в довершение неприятностей, я вынужден делить общие комнаты с сумасшедшими. Сент-Кристоф? Нет, это скорее Бедлам¹ – здесь есть бормочущий лунатик в очень примечательном галстуке, который только и бегаёт, уверяя, что с ним разговаривает туман... Сюда впускают молодых женщин без проверки, а еда... О, еда просто отвратительна!

Чудак с выпученными глазами и галстуком, оказался не только медиком (неудивительно, дорогой Октавиус – вы, врачи, все идиоты), но еще и, к моему огромному стыду, земляком-англичанином. Этот Доктор Смит, увидев меня в первый раз сегодня утром, сразу же сел ко мне за стол, прервав мой сырный завтрак (легкая выпечка с сыром – настолько легкая, что ее может унести ветром).

Он сел напротив меня, улыбаясь как простачок, по всей видимости, ожидая какой-нибудь любезности. Он нервничал, как ухаживающий ловелас.

– Ну? – спросил я.

– Доброе утро, – сказал этот странный человек, нервно облизав губы. – Скажите, пожалуйста, вам случалось спускаться на берег?

¹ Клиника для душевнобольных в Лондоне (прим. переводчика).

– В зависимости от того, что конкретно вы имеете в виду, – холодно ответил я. – Если вы имеете в виду любой пляж вообще, то я должен признаться, что посетил несколько из них. Если же вы намекаете на тот, что виден из этого окна, то ответ мой, к сожалению, будет отрицательным.

– Хорошо, – ответил он.

– Могу ли я узнать, почему вы меня об этом спрашиваете? – спросил я тоном, холодным, как сидение лавки в соборе Витсуна.

– Я не думаю, что это безопасно, – поведал Доктор Смит.

– Это ваше мнение, как медика? – спросил я. – Тогда я склонен согласиться с вами. Я даже думаю, что весь этот свежий воздух – чепуха. Нет ничего такого в моих легких, чего нельзя было бы вылечить с помощью пинты портера² и старой доброй глиняной трубки.

Доктор Смит еще больше вытаращил глаза, впрочем, как все его коллеги, когда при них обсуждается что-то, кроме черствого хлеба и овсяной каши. «Ах, я скорее... Я имел в виду, что не считаю само нахождение на пляже, сам пляж безопасным, – сказал он. – Это не... Думаю, это очень необычно».

– Объясните, – потребовал я.

– Это трудно сделать. Понимаете, там люди танцуют...

– Танцуют?! – я округлил глаза. – Какая-то ужасная местная традиция.

– И еще туман, – он говорил очень серьезно. – Он разговаривает, – он даже позеленел, сказав это, будто осознал всю абсурдность слов, сорвавшихся у него с языка.

– Разговаривает?! – переспросил я.

Доктор Смит мрачно кивнул: «Знаю, это звучит странно».

– А вам, сэр, не кажется, что это разговаривают танцующие?

– Нет, именно туман, – его лицо было иллюстрацией помешательства. Если бы он был одним из моих слуг дома, я бы его выпорол на месте, но так как он был моим единственным земляком в этом учреждении, я со всей учтивостью просто попросил его передать мне джем. Что он послушно и исполнил.

Воцарилась мертвая тишина, и я накинута на булочку, которая была такой рассыпчатой, что крошки разлетелись по полу.

² Сорт темного пива (прим. переводчика).

– Хм... итак, послушайте, – начал Доктор Смит. – Я уверен, что на берегу что-то происходит. Что-то очень непонятное и неправильное. И если вы там еще не были – держитесь от него подальше.

Я смерил его проницательным взглядом, который заставлял дрожать браконьеров.

– Я приму это к сведению. Хорошего вам дня, сэр!

Он понял намек, встал и пошел портить жизнь кому-то еще.

Через несколько минут ко мне подошла жена владельца. Она толстая и веселая, как барменша, но не уродина, как здешние фройляйн.

– Вам понравился завтрак, мистер Невилл? – спросила она, не ожидая от меня ответа. – Так как вы благополучно устроились, не могу ли я предложить вам начать лечение свежим морским воздухом? На берегу вас ждет милое местечко...

Я поднял руку.

– Не сегодня, мадам, – сказал я твердо. – Мне это не нравится.

Мягкие как бархат пальчики коснулись моего рукава.

– Может быть, мистер Невилл, вам понравится, если вы только попробуете разок...

– Мадам, – пробурчал я. – Единственное, что мне нравится и поможет – нормальная еда. Не можете ли вы дать мне ее? Если нет, советую отвести ваше стадо на этот благословенный берег. А я останусь здесь, мечтая о беконе и яичнице.

Она тотчас выбежала прочь, и я наконец-то смог отдохнуть. Свободное время я использовал на поиски пера и бумаги и написание этого послания тебе. Сейчас меня зовут на обед, и, боюсь, что это будет такая ужасная еда, какую только можно представить.

Итак, Октавиус, я тебя, считай, предупредил – это место не соответствует ожиданиям и больше напоминает ужасное мошенничество. Желаю хорошего вечера.

Твой покорный слуга, Генри Невилл.

Дневник Доктора Блума

5 декабря 1783

Больше шарма! Шарм! Шарм!

Доброе лицо успокоит и победит любого врага! Это всегда было моим девизом. Поэтому для меня приглашение Доктора Смита на обед стало самым простым делом.

Я встретил его в дверях, расплываясь в улыбке.

– Заходите, Доктор Смит, садитесь, садитесь!

– Мое почтение, Доктор Блум!

– Мое почтение, Доктор Смит!

Мы учтиво раскланялись. Я обставил свою столовую очень красиво. В камине весело потрескивал огонек, и только отчаянно барабанившая по стеклу ветка дерева указывала на бушующий снаружи шторм. Доктор Смит хотел было сесть, но вдруг повернувшись к дверям, с почтением поклонился Марии, вбежавшей в комнату.

– Добрый вечер, Мадемуазель!

Мария хихикнула.

Нервничая, я пригладил свой лучший парик (его завитки вечно торчат, вот черт): «Ах, Мария... ну, она наша большая ручная зверушка». Я натужно рассмеялся, хотя это не было забавно. Как объяснить ему все про ребенка?

Доктор Смит поднял брови.

– Зверушка? – он повернулся к Марии, понизив голос: – По-моему, ты не похожа на зверушку, Мария.

– Я люблю щенят, – сказала Мария гордо. – У меня есть два щенка в Париже.

– Ее мама оставила бедную Марию у нас, – поспешно объяснил я. – На зиму. Из-за ее здоровья.

Мария грустно кивнула: «Маме уже лучше сейчас».

– Вижу, – сказал Доктор Смит. Он остро взглянул на меня.

Я кивнул, распираемый гордостью.

– Именно. Это удивило вас, не так ли, мой дорогой сэр, но это чистая правда. Полное выздоровление. Лекарство против чахотки! Но не начать ли нам обед? Мария, моя милая, не могла бы ты...

Мария коротко кивнула и побежала к столу за тарелками.

Доктор Смит заинтересованно повернулся ко мне.

– О, Марии нравится обслуживать нас, – сказал я поспешно. – Это для нее как игра, и Господь знает, что не так уж много для нее здесь игр.

Мария продолжала накрывать на стол, бросая на него тяжелые блюда и утварь с энтузиазмом, но без аккуратности. Она бегала туда и сюда, насвистывая какой-то незамысловатый мотивчик.

– Это как сервировка чайного столика для моих кукол, месье, – пояснила она, пошатываясь под тяжестью кастрюли с супом, – только немного тяжелее.

Доктор Смит бросился к ней на помощь, поставив суп на стол с грохотом и брызгами. Мария фыркнула, чертов ребенок. Честно сказать, она так старалась. Но Доктору Смиту, казалось, было все равно – интересно, он там в Англии когда-нибудь имел дело с детьми? Или, судя по мистеру и миссис Понд, он специализируется на слабоумных?

– Очень мило, Мария, – прошептал Доктор Смит, слегка ссутулившись.

Мария встав на цыпочки, прошептала ему на ухо:

– Не волнуйтесь, месье. Я не готовлю для них.

Доктор Смит выглядел слегка разочарованным.

– Жаль. А что бы ты для нас могла приготовить? У меня есть друг, который любит рыбные палочки с заварным кремом. Ты когда-нибудь пробовала это?

Мария отрицательно покачала головой, скривившись. Воистину, Доктор Смит подтвердил все ужасные слухи об английской кухне!

– Нет, нет, я думаю, это не для всех, – признался Доктор Смит. Он выглядел так, будто болтал часами.

Хватит. День был длинный, и я проголодался. Я подошел к столу, потирая руки. «Ах, ах, какое масло! – сказал я. – К сожалению, моя жена не сможет присоединиться к нам. У нее легкое недомогание».

– Может, в другой раз, – сказал он.

– Ах, да, – я повернулся к Марии, отпуская ее. – Очень хорошо, милая. Если теперь ты поскорее вернешься в свою комнату, я позову к тебе нянечку, чтобы она почитала тебе сказку. Ты хочешь этого?

Мария печально кивнула, затем, повернувшись к Доктору Смит, слегка покачала головой.

Доктор Смит подмигнул ей. К черту его!

Когда она ушла, остались только два медика, чтобы насладиться приятным вечером. Как замечательно, подумал я. Как давно я не сидел за

одним столом с таким же учеником Гиппократы. Это шанс похвалиться моей замечательной работой. Я решил рассказать ему всё. Ведь от этого не будет вреда?

Вместо того, чтобы расспросить меня о моих успехах, этот глупец всего лишь хотел поговорить со мной об этой треклятой Марии!

– Она очень умная девочка, – улыбнулся он мне. Выжидательно.

Я чуть кивнул.

– Ну да, схватывает всё на лету. Боюсь, мы не очень подходящая компания для нее. Но, увы, мы должны ждать, ждать, пока ее не заберут домой.

– Как она? – спросил Доктор Смит.

Я пожал плечами. Итак, он любопытен, не так ли? Ну ладно, пускай.

– Она поправляется, сэр, поправляется. Всегда трудно говорить о болезни, когда дело касается ребенка, – я придвинул к себе кувшин вина и перешел к делу: – Но скажите мне, Доктор Смит, скажите честно – что вы думаете о моей клинике?

– Ах.. – Доктор Смит неспешно потягивал вино. – Ну...

Я ощутил его неодобрение. Он оказался таким же скептиком, как эти швейцарские болваны.

– Вы не одобряете?

– Нет, нет, – ответил Доктор Смит поспешно. – Чахотка – ужасная болезнь. Учитывая, против чего вы боретесь, это место – ваш триумф. – Он запнулся, будто не зная, что сказать, потом просиял. – И довольно значительный.

Я замер с вилок на полпути ко рту. Он – дурак. Но и дурака надо поощрить. Я улыбнулся ему.

– Дальше?

– Да, – сказал Доктор Смит немного растерянно.

Я наблюдал, как он жевал свой стейк (мой оказался немного жестковат, а соус слишком жгуч), проглотил и удовлетворенно вздохнул. Я подумал, что его нужно немного простимулировать. Может, на него все еще влияло сотрясение мозга.

– Так-так, – сказал я, позволив себе крохотнейшую издевку, которую Доктор Смит, казалось, не заметил. – Это правда, что мы мало что можем сделать для большинства находящихся здесь людей. Слишком мало. Болезни легких, органов пищеварения, почек, ужасные раковые опухоли... мы

слишком мало можем предложить им, и все же, все же... – я обвел рукой комнату. – Я решил попытаться сделать хоть что-нибудь. В этом скромном месте произошли удивительные исцеления. Просто настоящие чудеса. – Я потер руки и взял со стола несколько морковок, ожидая, когда подействуют мои слова. – Воистину замечательно.

– Да уж, – сказал Доктор Смит, увлеченно рассматривая узор из ивовых ветвей на своей тарелке.

Он кашлянул и затем заговорил. Чего он только не наговорил! Я должен это записать... это был словно обзор нашего времени, сделанный в будущем. Он рассказывал, что 18 век был ужасно смертельным временем. О том, как мучительно вы и ваша мать трудились, чтобы родиться живым, затем старались нормально прожить детство, вы могли умереть от множества ужасных вещей... и даже от простых недомоганий, которые в свое время можно будет легко вылечить пригоршней таблеток. Он говорил, как мало людей в наше жуткое время умерло от старости. Он сказал, что наше время – ужасно грязный период, хотя люди начали пользоваться водой в больших количествах для питья и умывания, но они не умеют как следует ее очищать. Гораздо счастливее, сказал он, мы жили 100 лет назад и будем жить 100 лет спустя. Затем, он резко встряхнул головой и уставился на меня.

– Прошу прощения, – сказал он, кашлянув снова. – Много миль спустя. Много лет спустя.

– Ничего, ничего, – отмахнулся я, как от какой-нибудь чепухи. Но вдруг... вдруг я ощутил ледяное дурное предчувствие. Я наблюдал за ним поверх тарелки с картошкой, думая о его словах. Странное беспокойство не покидало меня. Мне захотелось узнать, что заставило Косова сказать, будто наши странные друзья на пляже заинтересованы в этом непонятном Докторе.

Конечно, он сидел спиной к окнам. Я тщательно это спланировал. Поэтому он не имел ни малейшего понятия, что находилось там, за его спиной. Оно прислушивалось к каждому его слову. Оно наблюдало за ним.

– Скажите мне, – сказал вдруг Смит, кашлянув, – что на самом деле происходит там на берегу?

Я чуть не поперхнулся. Как будто он читает мои мысли, как будто он знает о том, что там снаружи... Но как он узнал? Я изучил его лицо. Он просто таращился на меня. Большеглазый и невинный как молодой щенок.

– На берегу? – у меня в горле пересохло. Я поспешно глотнул вина, и оно пролилось мимо рта, стекая на подбородок. Прекрати, Блум, ты

показываешь ему, как ты напуган. Его взгляд продолжал меня нервировать. Немигающий – как я вдруг подумал, словно у змеи, гипнотизирующей добычу.

– Да, – ответил он. – Берег. Он очень замечательный. И все эти пациенты, которые там сидят.

– Вы видели, как они...? – я сглотнул. Прямота парня встревожила меня. И он, и мистер Понд возвращались на берег – это пугало. Как много они узнали?

– Да, – кивнул он, его улыбка стала шире. – Я бродил там сегодня. Действительно, очень интересно.

– Простое лечение свежим воздухом, – проямлил я утратившим твердость голосом.

– Я бы это так не назвал, – хмыкнул он. *Как много он увидел?*

Шум. Легкое постукивание. Кто-нибудь другой подумал бы, что это просто ветка скребется в окно. Но я знал, что это не так. Я знал, что это было. Я посмотрел сквозь стекло. Простым сигналом я покончу с этим. Я могу пригласить создание сюда. И с Доктором Смитом будет покончено.

Но стоит ли? Это ли мне нужно? Я облизал губы, пытаюсь собраться с мыслями.

Я был спасен, когда открылась дверь, и вошла моя жена. Она была иллюстрацией доброго здоровья, такая красивая, такая добрая, такая заботливая. Я вскочил со стула.

– Мой милый, ты в порядке?

При свете свечей моя жена сияла хрупкой красотой, как бумажный фонарик. Ее волосы были уложены тугими колечками, обрамлявшими ее лицо милыми завитками. Она нежно улыбнулась мне, и элегантно поклонилась Доктору Смигу.

Тот присвистнул. «Кто-то рвется прочь из их лиги», – пробормотал он.

– Что? – спросил я.

Доктор Смит растерялся. «Мадам, я рад, что вы поправились и можете присоединиться к нам», – сказал он, улыбаясь.

– Благодарю вас, – моя дорогая жена пожала руку Доктора Смита, твердо и вежливо. – Добрый вечер, месье. Я рада, что моему мужу составил компанию его соратник по профессии, – она подняла руку, успокаивая мои отчаянные призывы к ней вернуться в постель.

– Нет, пожалуйста, не смотри на меня так, – сказала она мягко. – Это просто головная боль, вот и всё. Мне трудно справляться с повышенным вниманием милого Йохана к моему самочувствию, даже когда у меня простой насморк, – она любовно улыбнулась мне, благослови ее Бог.

– Может, мне принести вам немного сыра? Могу подбросить дров в огонь, – она решительно отклонила наши предложения помощи. – Слуги здесь слишком слабые и худые, Доктор Смит. Нам приходится делать все самим зимой. Все очень хорошо относится к нашему управлению домом, – она осеклась.

Доктор Смит помог ей бросить несколько полешек на тлеющие угли.

– Все, за исключением бедного мистера Невилла? – спросил он, усмехнувшись.

Пердита выпрямилась, стряхнув с рук пыль, прежде чем упереть их в бока: «Однако! Как, ради всего святого, вы практикуете медицину в Англии, если все ваши пациенты так жалуются?»

Доктор Смит посмотрел на нее, и его лицо погрузнело.

– Мне очень жаль, – признался он грустно. – Знаете, что? Я не могу припомнить ни одного случая из моей медицинской практики.

Она, сочувственно кивнув, передала ему сыр. Доктор Смит съел несколько виноградин, выплевывая косточки прямо в огонь, не заботясь о приличиях.

Он попытался вернуться к теме происшествий на берегу, но моя Пердита безжалостно отвергала любые попытки заговорить об этом. Каждое ее слово было хвалебной песнью моим успехам, чудесной местности, кристальной чистоте воздуха, чудесной погоде, ее несказанному удовольствию, когда безнадежные больные уезжали домой полностью здоровыми.

Наконец, после кофе (не очень хорошего, увы – надо бы поговорить с поваром), Доктор Смит встал и поклонился нам обоим, благодаря нас за приятный вечер. Затем он повернулся и посмотрел в окно. Не было ни малейших признаков того, что там что-то было. Он кашлянул, вздохнул и вышел.

После того, как Доктор Смит оставил нас, милая Пердита повернулась ко мне. «Ну, – сказала она, улыбнувшись, – я не думаю, что он пришел из моря, не так ли?» И мы засмеялись.

Что подумал Доктор Смит

Я Доктор.

Я в комнате. Комната очень большая и очень темная. В центре комнаты – маленькая коробочка, которая еще темнее. С надписями мелом: «Открывать здесь», «Пользоваться с осторожностью» и «Не открывать до Рождества»

Еще не время открывать коробочку.

В комнате есть окно. Из него я могу видеть берег и все, что на нем происходит. Я вижу Марию. Я знаю, что она очень важна, но она этого не понимает. Я вижу, Доктор Блум полагает, будто он – самый главный в клинике. Но это не так. Может, главная – его жена? Пердита Блум, такая милая, которая носит удивительные платья. А как насчет сестер Элквитин – особенно той, тихой, которая снова и снова пишет замысловатые математические формулы?

Кто на самом деле управляет этим местом? Что происходит на берегу? Что случилось с Эми?

Есть разница между хорошим соусом чатни и хорошим джемом. Особенная разница. И то и другое получается при варке фруктов с сахаром. Разница в ингредиентах или в способе приготовления? Вы можете оспорить факт, что чатни и джем – одно и то же. Разница хрупка, как тонкий лед. Но в то же время ощутима.

Коробочка в центре комнаты очень черная и очень маленькая. Пока не время открывать ее.

Впервые джем был сварен из чудесных севильских апельсинов. Как ни странно, сейчас как раз то время, когда был изобретен джем – легенда гласит, что Мария Антуанетта была больна и однажды велела приготовить чудесный апельсиновый пирог (она так любила пироги). Ее повариха помешивала кипящую апельсиновую смесь, повторяя «*Madame est malade*»³. Она так волновалась, что испортила начинку для пирога, зато изобрела джем. Так гласит легенда.

Здесь происходит что-то ужасное. Клиника похожа на снежный ком, на лавину, которая готова вот-вот сойти...

Это действительно больница? Только потому что этим людям становится лучше, что значит, что их лечат? Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Джем – чатни, чатни – джем... Как в старом стишке-считалке:

³ Мадам больна – франц., сродни marmalade – джем (прим. переводчика).

*Я знаю старика по имени Майкл Финеган,
Он потолстел, потом похудел снова,
У него было 12 жизней,
Потом он начал все сначала,
Бедный старый Майкл Финеган,
Начни все сначала.*

I know an old man called Michael Finnegan,
He grew fat and then grew thin again,
He had twelve lives,
Then had to begin again
Poor old Michael Finnegan,
Begin again.

Письмо от Марии

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Милая мамочка!

У меня хорошие новости! Сегодня моей новой подруге Эми значительно лучше, поэтому можешь не волноваться, что мне одиноко. Я решила навестить ее после завтрака и нашла ее сидящей на кровати с хитрым видом, словно у нашей служанки, которая прикарманивала наши чайные ложечки.

– Доброе утро, дитя! – сказала она. – Я подумывала, не поможешь ли ты мне в моей секретной миссии.

Она что-то задумала, было ясно. Но мне не было страшно, так как Эми – большая добрая выдумщица и никогда не причинит никому вреда.

– Что за секрет? – спросила я, надеясь, что он не будет похож на «секрет» Элоизы, собиравшейся сбежать с кучером.

Ее глаза возбужденно заблестели.

– Ну, он вот какой, – сказала она, усаживая меня рядом с собой на кровать. – Доктор Смит...

– Он мне нравится, – сказала я.

– И мне тоже, – призналась она. – И даже очень. Он красивый, тебе не кажется? Ну, он хочет узнать, нет ли здесь каких-нибудь... загадочных пациентов. Может, каких-нибудь знаменитостей или важных персон, скрывающихся в здании. Ничего неприличного или опасного. Просто люди, которых Доктор Блум почему-либо скрывает от нас.

Я задумалась.

– Не припомню ничего такого, – ответила я. – Не думаю, что Доктор Блум будет возражать, если ты будешь искать и расспрашивать. Но мадам Блум... Она очень рассердится, если увидит тебя там, где тебе быть нельзя, – я помолчала. – Или, может быть, это касается только меня...

– Ну давай, расскажи мне, Мария, – попросила она. – Куда тебе не разрешают ходить?

Я задумчиво уставилась на пол. Я решила, что должна ей сказать. Но только не надо слишком уж настойчиво.

– Ладно, – сказала я. – В комнаты князя Бориса.

Эми весело рассмеялась.

– Князя Бориса? – она восторженно хлопнула в ладоши.

– Он очень красивый, – вздохнула я, – и русский.

Эми встрепала мне волосы. «Горячий русский парень с холодными глазами киллера? Это интересно!» – она была заинтригована.

Я засомневалась: «Не думаю, что он кого-то убил. Говорят, он убил много крестьян, но это в порядке вещей в России».

– Хм, – сказала Эми.

– Но он очень милый. У него есть шоколад.

Эми с улыбкой откинулась на подушку.

– Похоже на моего идеального мужчину.

Вот как я покатила Эми на встречу с князем Борисом. Я нашла старое кресло на роликах, на котором больных возили мыться в одном из коридоров, и, усадив туда Эми, легко повезла ее. Она сказала, что это напоминает ей путешествие по супермаркету с тележкой. Какие же у них там магазины в Англии, если по ним можно ездить на тележках! Мам, я так хочу посетить английский магазин! Супермаркеты «Белая Роза», конечно, не так хороши, как парижские гастрономы, но все же их владельцы, семья Теско продают так много вещей.

Кресло скрипело, вызывая у нас смех, и было, честно, совсем нетрудно везти Эми. Хотя она почему-то протестовала и извинялась, что «ее мальчишки» справились бы лучше. Она скорчила рожу.

– Честно сказать, когда ты подрастешь, то поймешь, что проще пасти кошек, чем удерживать мужчин в одном месте, – сказала она мне печально, и я поклялась это запомнить.

Князь Борис все еще живет в тех милых уютных комнатах в западном крыле здания. Обычно рядом бродит ужасный месье Косов и прогоняет меня, а иногда играет со мной в карты, но сегодня его не было и я просто постучала в дверь.

– Войдите! – крикнул князь Борис. Он говорит по-французски и даже очень хорошо.

Эми была очень потрясена видом князя Бориса. Он же такой красавчик, не правда ли, мама? Он сидел на своей кровати, читая книгу, весь закутанный в меха. Выглядел он во всем так, как и должен выглядеть настоящий русский князь – красивый, благородный, в искусно вышитой ночной рубашке, длинная борода аккуратно подстрижена.

– Вы похожи на йети, – выдохнула Эми.

Князь Борис засмеялся.

– А Вы...

– Амелия Понд, – представилась Эми, – Ваша светлость. Прошу прощения, но я не могу встать. Мария, сделай книксен для прекрасного князя.

Я сделала книксен, и Эми удовлетворенно кивнула.

– Она делает это очень изящно, не так ли?

Князь Борис печально склонил голову.

– Боюсь, я слегка нездоров. Простите, что я не могу встать. Сожалею. Я вынужден торчать в постели неделями, – он вздохнул, отложив книгу в сторону. – Вы ведь не думаете, что я когда-то был атлетом, не так ли?

– Итак, что же привело вас сюда? – спросила Эми. Шотландские женщины, я думаю, несколько прямолинейны.

– Лень! – князь Борис снова рассмеялся глубоким приятным смехом. – О, я бездельничаю, как и многие другие!

В его голосе была слышна тончайшая издевка и легкая хрипотца.

– Моя семья не любит присматривать за мной, поэтому они отправили меня сюда, чтобы я не попадался им на глаза, – продолжил он. – Что я с удовольствием и делаю. Это настоящее облегчение. Здесь нет угодий, за которыми нужно присматривать, нет крепостных. Я читаю много умных книг. Но я скучаю по охоте, танцам и... – помолчав, учтиво, – компании прекрасной юной барышни, мадемуазель.

– Мадам, – твердо поправила его Эми, придвигаясь к кровати. – Я замужняя женщина, – пояснила она мягко.

– Но ведь не все же девушки замужем? – хохотнул князь Борис с легким отзвуком в груди. – Я и не сомневался, что вы замужем, моя дорогая. Ну а какова же ваша история? Что вы делаете среди мертвецов?

Она склонила голову набок.

– Наш экипаж попал в аварию на дороге неподалеку, и я все еще не оправилась от этого, – она поморщилась. – Сотрясение мозга, но, думаю, через день я буду в порядке.

– О... – у князя Бориса такие приятные манеры. – Как жаль, что я не долго смогу наслаждаться вашим присутствием. Я бы очень хотел предложить вам небольшую прогулку верхом.

– Вы все еще можете ездить верхом?

Борис кивнул.

– Пока нет, может быть, вскоре. Мой слуга Косов научил меня ездить верхом, когда я был еще мальчишкой. Он со мной с детства. Приехал со мной даже в это тусклое место. Он говорит, что мое состояние улучшается, верите ли? Благодаря свежему морскому воздуху! С чего он это взял, не знаю. Благослови его Бог, он наблюдает за мной, когда я сплю. Я так тронут его преданностью. Он служит мне совсем как верный пес.

– Наверно, это он занимается глажкой и стиркой, – проворчала Эми себе под нос.

Князь Борис заметил, что мне становится скучно от этих разговоров.

– Ах, и что вы думаете о нашей милой питомице, очаровательной Марии?

Эми взглянула на меня, улыбнувшись, словно она стащила конфеты.

– Она сокровище. Если бы я была ее мамой, я бы никогда ее не оставила.

Прости, мам, но она сказала именно так! Я думаю, что ты жестокая, раз бросила меня здесь!

– Вот именно, – согласился Борис (видишь, даже его светлость так считает!) – Но она ведь здесь из-за своего здоровья, не так ли, милая?

– Мне уже лучше, спасибо, ваша светлость, – буркнула я хмуро.

– Ну, ну, только не надо этих титулов, – скривился он. – Особенно в присутствии мадам Понд. Зови меня просто Борис. Итак, и как же нам тебя развеселить? – он так мило улыбнулся.

Мы решили провести веселые гонки на «колесницах». Эми запротестовала, но Борис пересадил ее на свою кровать, и мы заняли свои места на креслах с роликами.

– Не могу поверить, что вы это делаете, – сказала Эми.

– Ерунда, – фыркнул Борис. – Это маленькое упражнение принесет мне немало пользы, – он проверил колесики на своем кресле. – Все прочно, – объявил он.

– Не дайте мне выиграть, Борис! – предостерегла его я.

Он важно взглянул на меня.

– Милая моя, я – Романов. Нас растили так, чтобы мы никогда не позволяли другим обыграть себя в чем бы то ни было, – он повернулся к Эми, отрывая кресло от пола: – Итак, не соизволите ли вы дать старт нашей

гонке, как королева Гвиневра, уронившая платок в начале рыцарского турнира? Позвольте мне передать вам платочек.

Через минуту один из вышитых шелковых платочков князя Бориса слетел на пол, и мы стартовали. Объехали комнату и выехали в коридор. Честно сказать, это оказалось труднее, чем я представляла, мои руки затекли, вращая скрипящие колеса, и само кресло было таким тяжелым.

Князь Борис сильно оторвался от меня и громко смеялся, и его обидный смех заставлял меня двигаться быстрее и упорнее. Колеса скрежетали на твердом полу, и я мчалась быстрее и быстрее, и вот уже почти поравнялась с его креслом. Когда я начала его обгонять, он издал дикий яростный рев, и, схватив свои колеса, повернул свое кресло так, что оно врезалось в мое.

– Я не люблю играть по правилам! – прошипел он с горящими злобой глазами.

Я слышала крики Эми: «Нечестно!», но я рванулась вперед и скрылась за углом.

Я проехала сотню ярдов, пока не поняла, что что-то не так.

О, мама! Простят ли меня, если я убью его?

Что вспомнила Эми

Князь Борис свалился с кресла, потянув его за собой. Этот мужчина, похожий на нелепого, забавного медведя, ударился об пол со скрипучим стоном. Он жадно хватал ртом воздух, как задыхающаяся рыба, лягая его одной ногой.

Я подбежала к нему так быстро, как только могла, и погладила его густую гриву. Внезапно он задержал дыхание, словно борясь с икотой, и затем поспешно прошептал: «Не хочу, чтобы девочка видела меня в таком виде». Затем его сотряс приступ кашля. Кашель был похож на сбой большого мотора, разрывающий его на части.

Я поднялась на ноги, стараясь не паниковать, и осмотрелась в поисках Марии.

Но вместо ее милого личика надо мной нависло гигантское багровое лицо мужчины, обрамленное рыжими волосами. Он был взбешен.

– Что вы наделали? – прорычал он с сильным русским акцентом.

– Это была просто игра, – запротестовала я дрожащим, как у нашкодившей шестилетки голосом.

Мужчина с легкостью поднял обмякшее тело князя Бориса с пола, внес его в комнату, с грохотом закрыв за собой дверь. Злополучное кресло валялось в коридоре, и одно из его колес все еще вертелось. Я с горечью поставила его вертикально, оперевшись на него. Немного пройдя по коридору, я почувствовала, что силы оставляют меня, и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

С отчаянным скрипом из-за угла выехала Мария на кресле, с расширенными от ужаса глазами.

– Где князь Борис? Что случилось? – спросила она.

– Он... э... – я выразительно посмотрела на дверь, потом на нее. Она встревожено, непонимающе уставилась на меня. – Он пошел к себе, немного полежать, – сказала я.

Она продолжала смотреть на меня, ее губы задрожали.

– Мне грозит беда? – проскулила она.

Я покачала головой: «Нет-нет-нет! Он просто устал. Ну а ты? Может, ты тоже хочешь вздремнуть после обеда?»

Мария, не мигая, уставилась на меня.

– Ты ужасная лгунья, – обвиняюще сказала она.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но тут дверь в комнату Бориса начала открываться.

– Беги! – прошипела я, и она подчинилась.

Гигантская рука опустилась на мое плечо. Это был тот странный великан, и он не выглядел радостнее.

– Думаю, вам, мисс, лучше зайти внутрь, – прорычал он.

Письмо от Мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Дорогой Октавиус, старый плут!

Это ужасное место продолжает преподносить мне неприятные сюрпризы и нестерпимо угнетает меня. Здесь командуют скупой гусак Блум и его жена – ведьма, еда ужасная, а лечение смехотворное.

Остальные пациенты такие психи, что невозможно и представить – без сомнения, ты молишься, чтобы и я присоединился к их безумию.

Четверо придурков целыми днями пиликают свою музыку – точнее, трое, так как четвертый, слава Богу, занемог. Это противная вульгарная немецкая музыка, главные исполнители – две высохшие старые вешалки с берегов Дуная – сестры Элквитин.

Толстая сестра сносно говорит по-английски и кажется довольно умной, но вторая, тощая, только невнятно бурчит и исписывает лист за листом какими-то цифрами – без сомнения списки белья для прачечной.

И конечно, новые гости из Англии не оставляют их в покое. Это Мистер Понд обидел тощую сестру. Он выхватил у нее один лист бумаги, что взбесило ее.

– Прошу прощения, – сказал он запоздало. – Но это в самом деле экстраординарно. Это поразительно.

Его коллега, именующий себя Доктором (но на самом деле им не являющийся) кивнул.

– А я гадал, когда ты заметишь.

Он улыбнулся широкой добродушной улыбкой – такой же, какую я не раз замечал у браконьеров, несущих домой рюкзаки, полные тушек моих кроликов.

– Это.. это...

Этот с позволения сказать Доктор Смит снова кивнул, шагнул вперед, возвращая лист очень рассерженной сестре Элквитин.

– Хелена, – сказал он проникновенно. – Вы поразительны. Намного опередили свое время. Это так необычно.

– Похоже на компьютерный код, – пробормотал мистер Понд. Какая чушь!

– Да, точно, – согласился Доктор Смит. – Это логично. Вы секси, Хелена. И, занимаясь подобной работой...

Оливия, толстая сестра, прочистила горло, и затем громко выразила свое неодобрение.

– Если вы обращаетесь к моей сестре, джентльмены, то должна напомнить вам, что она не может говорить. Моя сестра всегда блистала в математике. Но ей пришлось оставить занятия, когда болезнь сломила меня. Потом она сама заболела, без сомнения подхватив эту ужасную болезнь, когда выхаживала меня. Теперь ей удастся работать лишь несколько часов в день. Чувствую, я сломала ей жизнь, – она гневно посмотрела на них – слишком возбужденно для старой перечницы.

– Вместо математики мы теперь занимаемся музыкой, – продолжила она. – Которая сама по себе чудо, думаю, вы согласитесь.

Она поклонилась Доктору Смиту, помогла подняться сестре, и они покинули комнату. Мы смотрели им вслед. Когда они скрылись за поворотом, я высказал этим глупцам все, что я о них думаю. Такая грубость по отношению к леди! Что иностранцы подумают об англичанах? К сожалению, я кричал на них слишком громко, и это мне аукнулось. Мое дыхание стало прерывистым и свистящим, и, кажется, я по-настоящему заболел.

И это называется «исцеление»! Исцеление, я умоляю!

Твой вечный друг, Генри Невилл.

Дневник Доктора Блума

6 декабря 1783

Любители!

– Прошу прощения, что побеспокоил вас, – промямлил мистер Понд, нервно запуская пятерню в волосы, – но, думаю, бедному мистеру Невиллу сильно нездоровится.

Я сердито уставился на него. Этого еще не хватало!

Я бросился в ресторан, мистер Понд семенил за мной, словно нервное насекомое. Оказалось, они с Доктором Смитом спокойно сидели за столиком, попивая травяной отвар, как вдруг появился мистер Невилл и начал кричать, как обычно жалуясь на... всё и вся. По словам мистера Понда, Невилл навис над их столиком из-за какой-то воображаемой обиды, потом вдруг побагровел и упал.

Я увидел, как Доктор Смит пытается расстегнуть рубашку задыхающегося мужчины. Нелепый парик Невилла свалился с головы, и открывшаяся огромная блестящая лысина была такой же багровой, как лицо. Из его рта текла пена, но и это не удержало его от ругани, полившейся при моем появлении.

Я начал проверять его пульс и температуру, стараясь не обращать внимания на оскорбления.

Доктор Смит пробубнил что-то насчет повышенного артериального давления. Извивающийся Невилл чуть не откусил Доктору Смиту палец, когда тот пытался помешать ему проглотить запавший язык. Зрелище не из приятных.

– Будьте вы прокляты, сэр, будьте вы прокляты! – яростно выкрикнул Невилл с пеной у рта. – Я приехал сюда лечиться, а вы чуть меня вконец не угробили! Что со мной происходит?

– Успокойтесь, мой дорогой сэр! – сказал я профессиональным успокаивающим тоном. – Дышите глубже, так глубоко, как только можете. Вы ведь сами нарушили режим лечения.

– Режим, ха! – фыркнул он. – Сидеть на берегу и помирать от мороза. У нас и без того плохая погода в Англии, не хватало еще наслаждаться ею за границей!

– Уверяю вас, получаются замечательные результаты. Вы должны доверять мне.

– Доверить свое здоровье зарубежному шарлатану?! Да я скорее доверю его Длинному Тому-Мяснику! – Невилл с отвращением сплюнул. Я тут же кинул наметанный взгляд на плевок, чтобы посмотреть, много ли в нем крови. Кровь была, но немного, так что ничего страшного, слава Богу.

Мы уложили Невилла на лавку, и он постепенно восстановил дыхание. Первым же делом он хотел было заказать себе бренди, но я решительно воспротивился такому желанию. И смерил его строгим взглядом.

– Мистер Невилл, мое терпение не безгранично. Я последний раз прошу вас принять мой метод лечения, то есть сидеть на берегу с другими пациентами.

– Конечно, я не собираюсь этого делать! – возмутился он, снова нахлобучивая свой парик, дыша тяжело со всхлипами. – Это просто мой холерический темперамент, ничего более.

Я покачал головой: «Это не просто вспыльчивость, сэр, и вы это знаете. Мне жаль, но вам нужно взглянуть правде в глаза. Вы очень больны».

– Я требую второго мнения! – прорычал он.

Доктор Смит деликатно кашлянул. Я кинул на него гневный взгляд, растянув губы в максимально вежливой профессиональной улыбке, как полагается. «Да, Доктор Смит?» – спросил я.

– Я буду счастлив поделиться с вами своим скромным мнением, – ответил он. Мне бы следовало, наверно, избить его, или хотя бы обругать за это, но я просто кивнул.

– Мне будет очень интересно услышать его, дорогой сэр, – я натужно улыбнулся.

Доктор Смит выдержал паузу, выжидая, пока внимание Невилла сфокусируется на нем, затем сказал: «Боюсь, дорогой мистер Невилл, но я могу лишь согласиться с доктором Блумом. Вы очень серьезно больны».

Невилл поник, опускаясь обратно на лавку.

– Вижу, вижу, – прохрипел он, бешено вращая глазами.

Я благодарно кивнул Доктору Смиту, затем продолжил мягко:

– И, как я уже говорил, хватит упрямства. Если Вы не хотите принимать наше лечение свежим морским воздухом, тогда я вынужден буду принять альтернативные меры. Пожалуйста, приходите сегодня в 8 вечера в мой кабинет. Если Вы не придете, я буду вынужден принудительно выставить Вас за пределы моего учреждения. Все ясно?

Я не стал ждать ответа, просто повернулся и вышел. Ох уж эти англичане! Они просто омерзительны!

Пердита, как всегда, поддержала меня, когда я рассказал ей эту историю.

– Ты все сделал правильно, Йохан, – одобрительно сказала она. – Эти грубияны заслуживают сурового обращения.

Я кивнул: «Да, я знаю, но это несколько противоречит нашей обычной деликатности».

Она провела ладонью по моему лицу.

– Но он ведь будет доволен результатом. Мистер Невилл – очень влиятельный человек у себя в Англии. Он замолвит словечко о твоей замечательной работе и это привлечет сюда других влиятельных людей, – она улыбнулась, мягко щелкнув меня по носу. – И ты исцелишь их всех, мой золотой муженек.

Я взял ее руки в свои и улыбнулся, глядя в ее бесконечно любящие глаза.

– Да, – согласился я. – Я вылечу их всех!

Пришлось немало повозиться с приготовлениями, но к восьми все было готово.

Невилл ввалился в мой кабинет без стука. Он сразу заметил раскрытые настежь окна.

– Напустили сюда холода, – пожаловался он. – Этот Смит попытался увязаться за мной. Никак не хочет оставить меня в покое, чтоб его. Должно быть, этот мерзавец мечтает запустить руки в мое богатство! Но меня так просто не проведешь. Вы собираетесь что-нибудь сделать с этим мерзким сквозняком или как? – он ткнул толстым пальцем в сторону открытой двери, хлопающей на вечернем ветру.

Я отрицательно покачал головой. Мне было не до его жалоб: я с огромным нетерпением ждал того, что должно было произойти.

– Боюсь, это необходимо.

– Проклятье! – проквашал он словно взбешенная жаба. – Вы совсем как моя няня, она вечно заставляла меня спать с раскрытым настежь окном, и летом, и зимой. Она чуть не убила меня в детстве, и с тех пор я не выношу холода. И к тому же я не намерен тратить время, скорчившись под одеялом на вашем благословенном берегу. Будем откровенны – вы обещали мне

надежду и хорошее питание, и все, что я получил – жидкий суп с куском дешевого мяса!

Я кивнул и отдернул штору, показывая открытую дверь, террасу и существо на ней. Существо, которое сидело там, поджидая его.

Мистер Невилл в ужасе смотрел, как существо поднялось и влетело в комнату.

– Что... Что это? – взвизгнул он.

– Это, сэр? – сказал я спокойно. – Это – ваше исцеление!

Существо нависло над ним, собираясь поглотить его.

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Милая мамочка!!!

Случилось самое-самое ужасное!!! ПОЖАЛУЙСТА, приезжай и заведи меня! О, пожалуйста!

Я искала месье Понда или Доктора Смита, чтобы рассказать им, что случилось с Эми. Вскоре я увидела месье Понда, стоящего на веранде рядом с кабинетом Доктора Блума. Он любовался стоящими там искусственными цветами.

– Ах, привет, Мария, твоё платье очень милое, – сказал он, протягивая мне цветок. Он сам был одет тоже довольно красиво, заметила я.

– Ну спасибо, – ответила я, впервые подумав о нём хорошо. – Что вы здесь делаете?

– Прогуливаюсь, – ответил он после минутного молчания. – Просто совершаю невинную прогулку. Что, звучит недостаточно убедительно? Но это чистая правда.

Я, улыбаясь, покачала головой.

– А что вы делаете на самом деле, месье?

Он сунул руки в карманы.

– Я хочу посмотреть, что случится. Тише, тише, маленькая обезьянка. Это наш маленький секрет, – он осекся и прикусил язык, словно он ляпнул что-то не то. – Итак, – начал он, посерьезнев, – я услышал шум и уловил какое-то движение вон в тех кустах. Это была не ты?

Я снова покачала головой.

– О Боже! – сказал он. – Ну, что-то слишком большое для крысы. Итак, что же это? И куда оно делось?

Я уже набралась смелости, чтобы рассказать ему о его жене и князе Борисе, как вдруг из кабинета Доктора Блума послышался жуткий крик. Я ощутила, как рука месье Понда вцепилась в мою, но я вырвалась и бросилась к кабинету, отчаянно спеша на помощь.

Я вошла в раскрытое окно и замерла как вкопанная. Что я увидела... О, мама, я не могу это описать, но знаю, что видела это раньше. Оно было просто жуткое, и казалось, заполнило собой всю комнату... Я закричала и кричала до тех пор, пока не вошёл месье Понд.

Он вошел спустя всего несколько секунд, но к его приходу все уже вернулось в норму. Месье Невилл сидел на стуле, тяжело дыша, Доктор Блум стоял у огня с очень злым видом, а посредине комнаты стояла я, съежившись под его испепеляющим взглядом. Страшное существо исчезло.

– Что случилось? – спросил месье Понд.

Доктор Блум натужно рассмеялся, поспешно сжав мое плечо.

– Бедная малышка просто испугалась, только и всего. Но на самом деле ничего не было. Знаете, у страха глаза велики, – сказал он.

– Оно было здесь! Оно было ужасно! – запротестовала я, разрыдавшись. Да, знаю, мам, я вела себя неподобающе, но я ничего не могла с собой поделать.

Месье Понд опустился на колени, глядя мне прямо в глаза. Его голос был взволнован, но довольно мягок.

– Итак, Мария, что здесь было? Что ты видела?

– Я не могу сказать! – вскрикнула я, заливаясь слезами. Я и вправду не могла.

Месье Понд осмотрел комнату, потом перевел взгляд на двух мужчин.

– А вы видели? Что тут было? Мы просто слышали крик...

Месье Невилл, пыхтящий и кряхтящий, только покачал головой.

Я могу сказать, что доктор Блум был просто вне себя от ярости, так зол, что я испугалась еще больше, и слезы хлынули с новой силой.

Я посмотрела на месье Понда, отчаянно пытаюсь рассказать ему, что я видела, но язык не повиновался мне.

Вместо того чтобы ругать меня, он просто взглянул на меня, спокойно и ласково. Он принялся.

– Здесь какой-то странный запах, – заметил он. Затем он пробормотал «Кабель программного передатчика», почти про себя.

Тут как по волшебству появилась страшная мадам Блум и потащила меня в мою комнату, держа меня за руку как злая гувернантка. Она начала вытирать мне слезы фланелевой тряпкой, так грубо, словно хотела снять с меня скальп.

– Итак, Мария, – ее голос был тверд как камень и холоден как лед, – мы ведь не собираемся рассказывать сказки и небылицы, не так ли?

– Но я это видела! Видела! – запротестовала я.

Она снова поднесла к моему лицу мокрую тряпку.

– Что ты видела, девочка? Там ничего не было!

Я стояла, дерзко глядя на нее. Я не сказала ни слова. Просто зло смотрела на нее, совсем как ты, когда портной приносит счет.

Мадам Блум уперла руки в бока.

– Очень хорошо, Мария. Вижу, с тобой бесполезно разговаривать.

Она вздохнула, как будто устала и выдохлась. Я никогда ее не любила, особенно после того, как она запретила мне вернуться домой вместе с тобой.

– О, мое бедное дитя! – сказала она. – Что же нам с тобой делать? – она поджала губы, и на мгновение стала очень печальной.

– Отпустите меня домой! – взмолилась я. – Пожалуйста, отпустите! Я хочу к маме!

Мадам Блум покачала головой, затем, улыбаясь, пригладила волосы. Она посмотрела на свое отражение в зеркале, затем усмехнулась. Это была недобрая усмешка.

– Нет, Мария. Боюсь, что нет.

Сказав это, она вышла, закрыв меня на замок. О, мама, она НИКОГДА не отпустит меня! И я никогда не увижу тебя, не увижу щенят (может, назвать их Луи и Антуанетта?)

Я немного поплакала, затем меня стало клонить в сон. Я лежала, уткнувшись лицом в подушку, как вдруг услышала легкий стук в окно. Как ты думаешь, кто это был? Это был Доктор Смит!!

– Привет, Мария! – сказал он весело.

– Но месье! Как вы сюда попали? Карниз такой узкий, а земля так далеко.

Он скорчил рожу: «Ой, я только сейчас это заметил. Но может, ты будешь столь любезна и вступишь меня, а?»

Я бросилась к окну и открыла его. Доктор Смит, перевалившись через подоконник, оказался на ковре.

– Спасибо, – улыбнулся он, отряхивая пыль с колен.

– Вы забрались сюда, чтобы помочь мне? – спросила я.

Он покачал головой: «Это было бы неуместно... Нет, я пытался найти мою пациентку, Эми. Ты не видела ее?»

Мое лицо вспыхнуло от ощущения вины. Я прижала руки к пылающим щекам.

– Месье Доктор, мне очень-очень жаль. Я совсем забыла! Я хотела рассказать Месье Понду, но это происшествие отвлекло меня. Все это так

запутанно. Знаете, я видела что-то ужасное внизу. Я не знаю что, но оно собиралось сделать что-то ужасное с месье Невиллом!

– Что оно собиралось с ним сделать? – спросил он, нахмурившись.

– Я не знаю, не могу сказать, – сказала я обреченно. – Но пожалуйста, месье, это очень важно! Я хочу рассказать вам про Эми. Мы навещали князя в его башне, и я думаю, что ее поймал людоед!

– Людоед? – он моргнул. – Не могла бы ты рассказать все сначала, только помедленнее?

Я как можно подробнее рассказала ему о князе Борисе, его ужасном слуге Косове и гонке на колесницах. Дважды.

Наконец Доктор Смит встал.

– Спасибо, Мария. Ты была очень храброй.

Я покраснела от гордости и смущения.

– Но... я думаю, ты в очень большой беде. Слишком большой для такой маленькой девочки, неважно, насколько она храбра.

– Все в порядке, месье, – сказала я. Слова и улыбка Доктора Смита согрели меня. Он такой добрый! – И все точно будет хорошо!

Он печально покачал головой.

– Нет, не в порядке, – он сунул руки в карманы. – Эми пропала, здесь находится странный пациент под охраной, на пациентов нападают чудовища, тебя не пускают домой, и что-то странное происходит на пляже... Кажется, пришло время сказать тебе кое-что особенное.

Он посмотрел на меня очень, очень серьезно.

– Итак, Мария. Пожалуйста, слушай предельно внимательно. Если ты попадешь в беду, я хочу, чтобы ты прокричала те слова, которые я сейчас тебе скажу, изо всех сил, во все горло! Я услышу, и тут же прибегу. Идет?

Я послушно кивнула.

– Хорошо, – улыбнулся он, – а сейчас я пойду выручать Эми. Но сначала пообещай мне не влипать в неприятности, – он снова улыбнулся, но улыбка эта была невеселой. – Мария, я собираюсь сказать тебе мое секретное имя. Оно очень необычное и важное. Могу ли я попросить тебя использовать его только в минуту опасности?

– Чтоб мое сердце разорвалось! – поклялась я.

И потом, мама, он сказал мне свое секретное имя. Я бы хотела сказать его тебе, но обещание есть обещание.

Любящая тебя Мария.

Дневник Доктора Блума

6 декабря 1783

Чертов ребенок! Чертова Мария!

Если ее мать не заберет ее, я... не вижу причин, почему мне не стоит это делать. Я сыт по горло ее поведением и довольно давно! Я больше этого не потерплю! Не потерплю ни секунды. Хватит. Я положу этому конец!

Пердита очень хорошо поняла меня.

– Конечно, ты прав, мой милый муженек, – сказала она, поглаживая меня по плечу. – С этой Марией нужно что-то делать.

– Она чуть не испортила мое представление для этого дурака Невилла! – сказал я в сердцах, пытаюсь растолковать ей мое намерение отомстить девчонке.

– Но теперь-то все в порядке, – заметила она успокаивающе.

Она налила мне чашку чая, и я с благодарностью выпил его. Моя Пердита заваривает восхитительный чай.

– Не волнуйся, – сказала она. – Ты ведь не можешь вылечить всех. В любом случае... – она улыбнулась своей особенной прекрасной, понимающей улыбкой. – Мы что-нибудь сделаем с девочкой вечером. Мы вместе позаботимся о ней.

Я подошел к окну. В темноте я смог разглядеть гигантскую фигуру Косова, идущего по берегу.

– О Боже, – вздохнул я. – Интересно, что он им рассказывает.

Пердита неодобрительно хмыкнула.

– Уверена, он рассказывает им всю правду. Все будет хорошо, любимый, очень хорошо. Они очень понятливы.

Она всегда может подбодрить меня. И я рад, что мы скоро позаботимся как следует об этой противной девчонке.

Что вспомнила Эми

Без всякого сомнения, мы были заперты в комнате князя Бориса его ужасным слугой. Непростительное оскорбление, если хотите знать.

Князь, конечно, извинялся за непочтительное поведение своего слуги, но как-то слишком спокойно, даже вяло. После того, как перестал кашлять. Я предложила ему стакан воды, но он решительно отмахнулся.

– Дайте... мне... восстановить... дыхание... – попросил он.

Пока я ждала, я попыталась выбраться через окно. Оказалось, что мы слишком высоко над землей. Так что побег отменяется.

– Полагаю, что мы здесь вдвоем – только вы и я, ваша светлость, – проворчала я. – Не думаю, что у вас есть канал связи № 4, не так ли?

Как ни странно, я восприняла это заточение довольно спокойно, будто мне не впервой было сидеть взаперти. Я покопалась в памяти. Что за жизнь я вела? Почему я не могу вспомнить?

– Что за канал связи № 4? – спросил Борис. Хороший вопрос. Вот, оказывается, еще одна вещь, которую я не в состоянии вспомнить. Поэтому я воспользовалась Отвлекающим Маневром Понд № 3, то есть сменила тему разговора.

– Как вы себя чувствуете?

Борис осторожно встал.

– Приступ прошел. Косов – святой, знаете ли. Если бы я не приехал сюда, если бы он не присматривал за мной... говорили, что я умру в течение месяца. Врачи там, дома, совсем отказались от меня. Они даже боялись меня! Я уж думал – не доживу до весны. А теперь – посмотрите на меня! – он гордо выпятил грудь, испортив, правда, весь эффект легким покашливанием.

– Поразительно, что может сделать свежий воздух, не так ли?

– Да ну? – сказала я, почему-то не поверив ему. Он умирал, так ведь, а теперь он снова почти в полном порядке спустя каких-то пару минут. Спящая Красавица была права – с Принцем что-то не так.

Борис заварил нам чай в самоваре, как я поняла. Он был уже больше похож на себя.

– Не волнуйтесь, мадам Понд, – сказал он. – Мне гораздо лучше. Приступы бывают все реже и менее интенсивны. Вам действительно не стоит волноваться. Лучше уделите внимание более приятным вещам, и одна из них – этот вкусный чай.

Он протянул мне красиво украшенные чашечку и блюдце.

– Ну, выпейте это и расскажите мне все о себе, – он улыбнулся. Поистине очаровательной улыбкой.

И я рассказала. По крайней мере, то, что вспомнилось. Чем больше я рассказывала, тем больше пугалась, потому что поняла, что знаю о себе до обидного мало. Я замолчала.

В окно бился ветер, и море с ревом обрушивалось на скалы. Далекие деревья танцевали на ветру. Было впечатление, словно ты снова девочка, сидишь с друзьями дома в такой же шторм, и молишься, чтобы никто не начал рассказывать страшилки о привидениях. Мы сидели на постели князя Бориса, пили горячий, сладкий чай и смотрели друг на друга. Он был таким добрым и так внимательно меня слушал, изредка деликатно позевывая. В его глазах застыло странное выражение, будто, несмотря на видимую лень, он что-то считал в уме, как бородатый компьютер.

Я рассказала ему все, что смогла о моих мальчиках и себе – но все это было похоже на бред. Я смогла вспомнить так мало. Я знала, что мы много путешествовали и делали удивительные вещи. Было что-то еще – что-то темное и неправильное, что я никак не могла вспомнить. О, и еще я зачем-то брякнула, что соблазняла Доктора Смита. Что в 1780-е годы каралось побиванием камнями или ношением пояса верности.

– Бедная Эми, – сказал он, когда я закончила. – Это все последствия того удара головой.

Я кивнула.

– Что со мной не так? – простонала я.

Прошло время. Завывал ветер, скрипели окна. Мы болтали и пили чай. Нет, мы не нашли канал связи № 4, но Борис отыскал где-то шашки. Оказывается, играть в шашки не очень просто, учитывая, что в последний раз ты играла будучи ребенком, поэтому он с легкостью меня обыграл. Несколько раз.

– Ой! – пожаловалась я. – Ну дайте мне хоть разок отыграться. Это было бы по-джентльменски.

Борис расхохотался.

– Я же говорил вам: я – Романов, и...

– Да-да, никогда не позволяйте себя обыграть, – продолжила я. – Ваша жена, должно быть, очень несчастна.

Он пожал плечами.

– Мадам Понд! Мы закрыты здесь вдвоем. Что нам за дело до мужей и жен?

Я ощутила внезапное беспокойство – что, если мой муж увидит, как я бегаю вокруг кровати, преследуемая озабоченным отпрыском Русской Королевской Семьи? Получится... как там? Ха-ха, Распутин...

Но внимание Бориса, казалось, было сосредоточено на другом. Он то и дело проверял время, посматривая на очень красивые часы, похожие на украшенную драгоценностями карету, стоявшие возле кровати.

– Где Косов? – простонал он вдруг. – Он опаздывает.

– Может его светлости надо взбить подушки? – спросила я. Честно сказать, я не горела желанием встретиться снова с этим грубым медведеподобным гигантом.

Борис покачал головой.

– Нет, нет, я не об этом...

Шторм бушевал. Что-то было не так.

Я выглянула в окно. Сквозь покрытое каплями дождя стекло я увидела... Это было похоже на Марию, идущую на берег. Я забарабанила по стеклу. Но она меня не слышала.

Борис рылся в ящике стола в поисках игральных карт. Но вдруг замер и упал обратно на кровать.

– С вами все в порядке? – спросила я встревоженно. Его лицо было очень странного цвета, или точнее, странно бесцветным.

– Он обычно никогда не оставлял меня так надолго... – прохрипел князь Борис. Он покачал головой, раскрыл рот, словно задыхаясь. – Позовите Косова, мне нужен Косов...

Теперь он стал похож на собственную тень. Я уложила его на подушки.

– Я так слаб, пожалуйста... – прошептал он, закрыв глаза. И вдруг, вытаращив их, уставился на меня.

– Кто вы? – спросил он хрипло. – Что вы здесь делаете?

Затем он снова начал кашлять и задыхаться.

Вскочив, я бросилась к двери и забарабанила в нее ногами и руками, зовя Доктора, моего мужа, Косова, кого-нибудь...

Но никто не пришел.

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Милая мама!

Я знаю, что обещала не ходить на берег, но я ничего не могла с собой поделать, правда не смогла. Даже после всего, что произошло, я захотела узнать, что же творится там.

Мертвецы сидели там, бубня и насвистывая. Вокруг них бушевал шторм, но они словно не замечали его. Я чувствовала, что моя душа уходит в пятки, когда ползла к ним, но они не обращали на меня внимания – они словно вмерзли в берег в ожидании. Они пугали меня. Я попятилась от них и наткнулась на месье Понда.

– Привет, Мария! – сказал он мягко и ласково. – Чем я могу тебе помочь?

– Вы прячетесь за скалой, – сказала я.

– Ну да, – послушно согласился месье Понд. – Здесь есть еще одно место, – он приглашающе похлопал по холодному песку рядом с собой.

Я устроилась рядом с ним.

– Почему мы прячемся? – спросила я.

– Может, это будет наш секрет?

Внезапно. Все сообщают мне свои секреты. Я горжусь этим. Я сказала ему очень серьезно, что он может мне доверять. Ведь Доктор Смит тоже сказал мне свой секрет. Месье Понда эта новость не обрадовала.

– Что он тебе сказал? – спросил он мрачно.

– Ох, месье! – засмеялась я. – Меня так легко не проведешь!

Он ничего не ответил. Я показала ему язык.

Он сначала сделал вид, будто ничего не заметил, но потом улыбнулся и указал на море.

– Мария, я прячусь, потому что творится что-то очень плохое.

– Согласна, – кивнула я очень серьезно. – Что вы видели, месье?

Месье Понд начал закатывать глаза совсем как тот школьный учитель, от которого мы избавились.

– О, Мария, Мария, я не уверен, что могу перечислить все, что неправильно и плохо. Эми больна, я тоже чувствую себя не очень, мы в больнице, на сто лет опережающей свое время, сейчас середина зимы, и

странные пациенты, которые сидят на берегу в разгар шторма, – он замолчал. Сейчас он говорил совсем как Доктор Смит. Затем его лицо стало испуганным. – О, и за твоей спиной стоит очень высокий человек.

Я повернулась и увидела, что над нами возвышается Косов.

Мою руку сжала успокаивающая рука. Рука месье Понда.

– Не бойся, – прошептал он, мягко сжимая ее. Он выпрямился, глядя на великана: – Добрый вечер. Моя фамилия Понд.

Косов сердито уставился на него, что-то проворчав.

– О, вы русский? – месье Понд улыбнулся. – Ну а мы гуляем. Очень весело.

Косов подошел ближе. Он усмехнулся. Что-то было не так.

– Кабель программного передатчика, – сказал месье Понд и затем встряхнулся, как мокрый щенок. – Прошу прощения. Я продолжаю повторять это, сам не знаю почему. Я хочу сказать, что у вас что-то не так с походкой.

Косов замер.

– Ну, я имел в виду – у вас отличная выправка и все такое. Но вы как будто парите в нескольких дюймах над землей.

Я уставилась на гиганта. Косов, великан Косов, висел в воздухе. Как привидение. Я вскрикнула.

Косов взглянул на свои ноги, потом на месье Понда.

– Заставил вас обратить внимание, ха-ха! – воскликнул месье Понд. Он сильнее сжал мою руку. – Бежим! – крикнул он.

Мы побежали. О, мама, это было захватывающе. И мне даже понравилось, если бы не Косов, который бежал за нами, или точнее... летел. Как какое-нибудь привидение, или кошмар, или что-то более ужасное, следовал по пятам.

Но я чувствовала себя в относительной безопасности с месье Пондом. Очень напуганной, но все же в безопасности.

Мы бежали сквозь туман к морю, Косов бежал или скользил за нами. На миг мы потеряли его в тумане, а затем, не знаю как, я подвернула ногу, и отпустила руку месье Понда, и осталась одна в тумане. Я повернулась, но туман был такой густой. Слишком густой!

Я повернулась снова, зовя месье Понда. Я слышала, как он зовет меня, и вдруг прямо передо мной из тумана вырос Косов с каменным лицом и попытался схватить меня.

Закричав, я бросилась прочь от него, спотыкаясь и чуть не падая.

Вдруг я оказалась в море, прямо в волнах.

– Мария! – услышала я крик месье Понда. – Выйди из воды! Выйди из воды!

– Но месье! – крикнула я в ответ, барахтаясь. – Здесь неглубоко. Где вы?

Он не ответил. Я барахталась в волнах и в тумане, мое сердце бухало где-то в горле.

Что-то схватило меня за ногу. Сначала я подумала, что это повышение уровня ледяной воды.

Но оно потянуло, и я упала лицом в обжигающе холодные волны. Натяжение росло, затягивая меня в глубину.

Мне в рот хлынула ледяная соленая вода, волны разбивались о мою голову и тянули меня на дно. Нет, это *что-то другое* тянуло меня вниз.

Что-то схватило мою левую руку и еще сильнее потянуло меня вниз. Я чувствовала, что меня тащат сквозь воду, и только цепочка пузырьков поднимается вверх. Я сражалась за глоток воздуха, извивалась снова и снова, опускаясь вниз, вниз, вниз...

Рывком я оказалась на поверхности, попыталась закричать, но смогла лишь кашлять и отплевываться, морская вода жгла мое горло и глаза. Все это казалось таким знакомым. Но почему?

Туман рассеялся. Я могла разглядеть берег. Я была не так далеко от него. Я рванулась к нему, но что-то упорно не пускало меня. Тянуло назад и вниз. Я не могла пошевелиться.

А на берегу, сидя на своих колясках, были мертвецы. И наблюдали, как я тону.

Я закричала, пытаясь привлечь их внимание, снова и снова.

Но они не двигались. Просто сидели и пели.

Мне было так холодно. Холодно и страшно.

Я подумала: «Не пора ли позвать Доктора Смита?» Но как Доктор Смит может помочь мне? Я уже хотела закричать его секретное имя, но соленая вода обжигала мое горло, и слова не желали выходить.

Туман сжимался вокруг меня, и ужасное нечто в воде крепко обвилось вокруг меня и сжало. Когда мое дыхание сперло, меня снова потащило вниз. Мои глаза чуть не лопались, а волны смыкались над головой.

Затем меня схватила рука. Настоящая, теплая, человеческая рука. И дернула.

– Отпустите ее! – услышала я голос.

Я открыла глаза. Ну конечно, это был чудесный месье Понд. Он стоял надо мной с суровым лицом, его рука цепко держала мое запястье и тянула, тянула...

Вокруг нас море бурлило, как кипящая вода в котле. Я видела странных существ, парящих в нем, и необычный свет, танцующий над ним. Наконец, волны словно отхлынули от нас, и я увидела дорожку, ведущую по мокрому песку.

Затем Месье Понд схватил меня еще крепче, его галстук касался моих волос.

– Я держу тебя, Мария, – сказал он. – Идем.

Мы прошли сквозь отступающие волны, и вышли на берег.

Там был Косов. Он стоял перед нами, скрестив руки.

– И снова здравствуйте, – вздохнул месье Понд.

Косов кивнул.

– Вы должны были позволить морю забрать ее, – сказал он.

– Этому не бывать! – сказал месье Понд очень жестко.

Помнишь Давида и Голиафа? Косов казался таким огромным, таким яростным, а месье Понд – таким маленьким и решительным – как маленький щенок перед большим волком. Он стоял твердо, и я видела, что он готов драться.

Вдруг Косов открыл рот, и из него вылетел сгусток тумана.

– О, это плохо, – охнул месье Понд. Он схватил меня за руку, и мы снова побежали.

Мы вскоре вернулись к отелю, недалеко от вершины холма.

Мы оба устали и тяжело дышали, мокрые с головы до ног, ледяная вода холодила и тяжелила нашу одежду.

Но месье Понд не собирался сдаваться, таща меня вверх по каменистой тропинке. Позади нас, я знала, был Косов, топя, как голем.

Огни клиники были такими теплыми и приветливыми, но они были еще так далеко.

Месье Понд толкнул меня вперед.

– Иди внутрь, Мария, – сказал он. Его лицо было грустное и суровое.

– Я разберусь с... что бы это ни было. Я справлюсь. Найди Эми. Беги.

Я постояла секунду, наблюдая, как он разворачивается к Косову, поднимающемуся по тропинке.

– О, добрый вечер. Рад встрече с вами, – сказал великан, стискивая месье Понда в медвежьих объятиях. Затем он повернулся, таща месье Понда к обрыву.

– Я предупреждаю вас, – прохрипел месье Понд, отчаянно молотя ногами воздух. – Я хорошо владею... а-ах!

Косов отпустил его. Месье Понд покатился вниз, и скоро исчез из виду. Косов повернулся ко мне.

Вскрикнув, я бросилась бежать к зданию клиники.

Каким-то образом я добралась до двери, плача и крича на бегу. Я захлопнула дверь за спиной, и, задыхаясь, прислонилась к ней. Прихожая была очень темной, но сквозь замерзшее стекло я различила светящийся силуэт Косова. Я даже не думала о том, как мне прогнать этого монстра. Я была слишком напугана.

На мое плечо опустилась рука. Я, сглотнув, обернулась. Это была мадам Блум, смотрящая на меня пустыми глазами, рассеянно приглаживая волосы свободной рукой. Другой рукой она сжимала мое плечо. Она улыбнулась.

– Добрый вечер, Мария, милочка. Мы так беспокоились о тебе.

Письмо от мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Октавиус, мой милый друг!

Чтоб все часы остановились и меня сдуло ветром, как перышко! Лечение действует! Я не знаю, как и почему, но оно поистине чудесно. Я чувствую себя намного лучше. Я могу с легкостью взбежать вверх по лестнице, и (только не говори ни одной живой душе!) я могу спокойно попыхивать трубкой без ощущения, что это последнее удовольствие в моей жизни.

Это прекрасно – хотя у меня лишь смутные воспоминания о том, как я начал получать это лечение, но могу сказать тебе: завтра я пойду на пляж вместе с другими за новой порцией свежего морского воздуха.

Я вошел в гостиную, заметив, что насвистываю легкомысленный мотивчик. Мрачные Сестрицы уже сидели там – Оливия и Хелена Элквитин, наигрывая довольно грустную песенку. При моем появлении они отложили инструменты. Хелена тотчас же схватила бумагу и начала строчить на ней свои дурацкие числа, а ее толстуха-сестрица вежливо заговорила со мной.

– Вижу, вам намного лучше, мистер Невилл, – сказала Оливия.

– Благодарю, мадам, вы очень добры, – ответил я. – А вы все еще бледны.

Странно, но я почувствовал, что краснею, когда заговорил с ней. Неожиданно.

Она вздохнула.

– Я уже давно не получала никакого лечения. Потому что мне ничего не помогает.

– Ох, – сказал я, опустив голову. – Я и не знал, что ваша болезнь так прогрессирует. Примите мои соболезнования, мадам, – слишком пафосно. Ну а что еще сказать женщине, когда она сообщает вам, что стоит одной ногой в гробу? Я осмотрел ее, ища признаки неизбежного поражения в борьбе с болезнью, но вместо этого впервые заметил, что Оливия Элквитин – очень даже симпатичная женщина. А ее кожа матовая как фарфор.

Хелена оторвалась от своей писанины и нахмурилась, черты ее лица еще больше заострились.

– Моя сестра, – начала Оливия, смутившись, – она все еще получает лечение. Но по какой-то причине... я... Боюсь, Доктор Блум не собирается давать мне исцеление.

Она закашлялась, и в первый раз я услышал жуткий хрип в ее груди.

– Но он очень добр, – она осеклась. – Да, очень добрый.

Мне сразу стало стыдно за то, что я так расхвастался перед ней улучшением здоровья. Я мягко коснулся ее руки.

– О, моя дорогая, – сказал я, впервые чувствуя нежность и жалость к кому-то другому. – Мне очень жаль это слышать.

– Спасибо за сочувствие, – ответила Оливия, и на мгновение я почувствовал, что эти слова были произнесены не просто вежливо. Странная женщина. При свете свечей она больше не выглядела ужасной толстухой – напротив, она казалась удивительно привлекательной. Вдруг я заметил, что продолжаю держать ее за руку, и смущенно отвернулся.

Некоторое время мы сидели в тишине, прерываемой лишь царапаньем пера ее сестры, все еще занятой своими числами.

Обязуюсь уведомлять тебя о малейших положительных изменениях в моем состоянии.

Твой преданный слуга, Генри Невилл.

Что вспомнила Эми

Дверь в комнату князя Бориса распахнулась. Мы спасены!

– Доктора вызывали? – весело прокричал Доктор Смит, вваливаясь в комнату. – Простите за опоздание, выламывание плечом запертой двери не так просто, как кажется.

Он вздохнул, потом оглядел комнату с героическим и безумным видом и просиял, заметив меня.

– Привет, Эми! О, я так рад тебя видеть!

И он обнял меня и поцеловал, прямо здесь и сейчас.

– О, как от тебя приятно пахнет!

Я должна была его поцеловать за спасение. И сделала это, а потом попыталась оттолкнуть его от себя.

– Осторожней, дорогой! – запротестовала я. – Не увлекайся, у меня есть муж!

– Разве? – Доктор Смит моргнул, на секунду опешив. Он осмотрел меня с головы до ног, заглянул мне в глаза, и мне на миг стало не по себе. – А ну да, думаю, что есть.

– Так она говорит все время, – пробурчал князь Борис с кровати.

– Расскажи мне об этом, – Доктор Смит зевнул, похлопав себя по рту. – Он довольно милый мальчик, если тебе нравится такой слабый апельсиновый сквош⁴, – он скорчил рожу, грубиян, и повернулся к Борису: – Привет! Кто вы?

Борис взглянул на него и представился.

– Мило, – фыркнула я. – Вы, мужчины, всегда так. Узнаёте друг друга получше и начинаете высмеивать мои предпочтения. Гениально.

Доктор Смит хрюкнул от смеха. Я ткнула его локтем в ребра, указав на князя Бориса.

– Можешь ли ты что-нибудь для него сделать? – спросила я шепотом. – Он очень болен.

– В самом деле? – тон Доктора стал заинтересованным. Он заглянул князю в глаза, проверяя зрачки. – Хм..

Он помолчал. Сделал паузу в стиле Саймона Ковелла⁵ перед удачным броском.

⁴ Слабоалкогольный коктейль (прим. переводчика).

⁵ Саймон Ковелл – британский теннисист (прим. переводчика).

Он полез в карман, достал оттуда какой-то предмет и прижал им язык князя Бориса.

– Скажите «А-а!»

– А-а! – откликнулся князь, подмигнув мне.

– Всё нормально, – сказал Доктор Смит. – Странно.

Он вытащил штуковину изо рта Бориса, помахивая ею.

– О черт! Это не ложечка. Что это?

Я уставилась на странную вещь. Она была похожа на забавную модную сувенирную ручку из магазина «Чессингтонский мир приключений». Где-то я ее видела... И вдруг я вспомнила...

– Доктор, это же твоя звуковая отвертка!

– Ах! – вздрогнул Доктор Смит. – Верно. Это она? О Боже, – и после паузы: – А что она делает?

– Ну... она открывает вещи и взрывает их... звуком... – ответила я, потом добавила: – Обычно с ее помощью мы сражаемся с монстрами.

– Монстрами? – переспросил Доктор, уставившись на отвертку, будто видел ее впервые в жизни. Затем нацелил ее на дверь, как ружье, и сказал с надеждой: – Пух-пух-пух! – и, повернувшись ко мне, спросил: – Вот так?

– По-другому, – ответила я мягко.

– Фу... – Доктор Смит плюхнулся на край кровати князя Бориса. – К счастью, мне не нужны звуковые штучки, чтобы сообщить вам хорошие новости. Князь, вы здоровы.

– Очень рад это слышать, дорогой сэр, – учтиво ответил тот.

Лицо Доктора Смита погрузнело.

– Бедная Эми с трудом может ходить, мой мозг как выжатый лимон, но вас кто-то только что вылечил от туберкулеза. Простите, это не будет называться так еще лет 40. Но ваша опасная болезнь уходит. Вы поправляетесь прямо на глазах. Это неправильно.

– Неправильно, сэр? – Князь Борис улыбнулся, но его глаза странно забегали.

– Что такое? – спросила я. Я поняла, что этот человек пытается что-то скрыть.

– Не спрашивайте меня как... но если мне становится лучше... это значит, что приближается Косов... – Князь выглядел встревоженным.

– Кто? – переспросил Доктор.

– Огромный, страшный, рычит, – пояснила я.

– О, мы встречались, – отмахнулся Доктор Смит, но тут же нахмурился.
– Вы сказали, что его присутствие помогает вам чувствовать себя лучше?
Хм...

В дверях послышался шум. Там стояли Доктор Блум и Косов.

– Добрый вечер, Доктор Смит, мадам Понд, князь! Я вижу, вы сломали мою дверь, – промурлыкал Блум голосом нежным, как дорогой шампунь. – Ну а теперь, вы же не хотите утомить князя Бориса, не так ли? Компания милая, но довольно утомительная, не так ли? Боюсь, мне придется попросить вас покинуть комнату и позволить князю отдохнуть.

– Нет необходимости, – резко сказал Доктор Смит, поднявшись на ноги. – Он в полном порядке. Абсолютно здоров! Готов биться об заклад и поставить под удар свою репутацию! И я догадываюсь, что, возможно, чудесное исцеление как-то связано с вами, дорогой мистер Косов.

Он влез на кровать и поднялся на цыпочки, стараясь оказаться на одном уровне с великаном и заглянуть ему в глаза. Но до глаз дотянуться не получилось, и он, прищурившись, уставился на подбородок Косова.

– Так ли это? И почему так, мистер Косов? Не могли бы вы объяснить?

– Не мог бы, – резко ответил за Косова доктор Блум. – Сегодня был длинный трудный день, и у меня еще много работы, Доктор Смит. Выходим, выходим! – он начал подталкивать нас к выходу.

Князь Борис встал, отбросив одеяло. Он быстро прошел по комнате, уверенной походкой абсолютно здорового человека.

– Думаю, нет, доктор Блум, – сказал он не допускающим возражений тоном. – Эти люди – под моей личной протекцией, – он был более энергичным, чем прежде. – Что вы собираетесь сделать с ними? – спросил он.

Блум отвернулся.

– Косов! – приказал он.

Огромный слуга повернулся и уставился на хозяина. Затем сделал небрежный пасс ручищей, словно кукловод, перерезающий ниточки марионетки. Князь Борис упал обратно на кровать, слабо моргая.

Блум, удовлетворенно хмыкнув, повернулся к нам, и, засунув руки в карманы, уставился на нас.

– Доктор Смит, мадам Понд, я думаю, что с вами не все так просто. Пришло время узнать, что в вас не так.

Он вытащил что-то из кармана, тряпку, пахнущую ужасно отвратительно. Я знаю это, потому что он резко закрыл ею мой рот и нос, и я

ощутила вонь, похожую на смесь запахов гниющей травы, протертого мастики пола и дешевого геля после бритья.

Когда я очнулась, то обнаружила, что привязана к коляске и сижу на берегу. Была ночь.

Я была не одна. Недалеко от меня стояли пустые кресла, скрипящие на ветру. Вокруг меня клубился туман. Я слышала голос в воздухе, поднимающийся из моря, поющий песню... Снова и снова, без слов, только мелодия. Туман струился вокруг меня, волны накатывали на берег и отступали. Было холодно и очень страшно.

Я попыталась встать или пошевелиться, но чем больше я дергалась, тем сильнее впивались в меня веревки.

Я вспомнила, как мой милый папочка пытался починить шезлонг на нашем семейном пляже. Шезлонг рухнул, прищемив ему палец, и мама сказала, что папе еще повезло, что палец не отняли. Я ощутила то же чувство беспомощности.

Эми Понд. Сидит на пляже, окруженная туманом. Туманом, который движется как живой, светится... И звучит этот высокий странный голос, эхом отдаваясь в скалах, словно голос оперного певца, от которого лопается стекло. Было так холодно. Я была так напугана. И отчаянно желала, чтобы пришел Доктор и спас меня. Я подумала о том, как сильно он мне сейчас нужен.

Недалеко от меня, в зеленоватой темноте, начал формироваться силуэт. Силуэт мужчины, идущего по волнам мне навстречу...

Дневник доктора Блума

6 декабря 1783

Боже, Боже, Боже, Боже мой!

Какой день! Но всё хорошо, что хорошо кончается.

Хорошие новости, очень хорошие новости. Косов сообщил мне, что позаботился о не в меру назойливом мистере Понде. Мы также убедились в том, что дражайшая женушка этого Понда надежно привязана на берегу, что значит, что мы вскоре получим от нее всю необходимую информацию. И что они оба больше не доставят нам проблем.

Значит, остались только Мария и Доктор Смит.

Пердита связала их обоих в моем кабинете. Она как всегда блистательно затянула узлы и теперь стояла позади моего кресла, положив руки на мои плечи.

– Чаю, милый? – спросила она, так заботливо.

Маленькая девочка открыла глаза, осмотрелась и заплакала.

– Ну же, Мария, моя дорогая, – посоветовал я, используя свой лучший Твердый-в-общении-с-детьми голос. – Не волнуйся. Не плачь. Мы принесли тебя сюда, чтобы ты получила лечение. Ты ведь помнишь о лечении, не так ли?

Девочка кивнула, но потом снова начала хныкать и звать свою маму. Моя дорогая Пердита быстро подошла к ней, вытерла платком слезы, а потом тем же платком заткнула ей рот.

– Не о чем волноваться, дитя, совершенно не о чем, – сказала она, мастерски успокаивая ее.

Скоро Мария могла лишь сопеть и таращиться на меня. Я снял платок с ее рта.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросила она жалобно. Она очень догадлива, эта девчонка. Но это ненадолго.

– Не бойся лечения, – ответил я. – Это будет очень быстро и совсем не больно. А после ты почувствуешь себя лучше, уверяю тебя.

Она повернулась, изогнувшись на стуле, чтобы посмотреть на Доктора Смита, который был все еще без сознания.

– О, он тебе не поможет, – сказала моя любимая жена твердо.

Эта маленькая дрянь рванулась к ней, укусив ее за руку. Моя милая Пердита с криком отскочила, хлестнув мерзавку по щеке другой рукой. Я

бросился к Пердите, с радостью удостоверившись, что укус несерьезен, и на коже не осталось ни следа. Затем я сердито взглянул на Марию.

– Мы слишком долго миндальничали с тобой, девчонка. Ты это понимаешь, не так ли? И теперь наше терпение подходит к концу.

Я щелкнул пальцами, и окно распахнулось, и дверь террасы распахнулась навстречу шторму, достаточно широко, чтобы впустить То, что ждало своего часа.

Мария начала кричать.

– О да, ты ведь хорошо это помнишь, не так ли, малышка? – прошипел я, когда Оно, влетев в комнату, устремилось к ней. – Поверь мне, Оно так же сердится на тебя, как и я. Ты была очень плохой девочкой. Не подчинялась приказам и была очень любопытной и неуправляемой. Ну, теперь мы заставим тебя подчиниться!

Создание замерло в воздухе, не долетев до ее стула, потом пролетело над ней, издавая недовольные звуки.

Мария начала жалобно, по-детски, хныкать и умолять меня о пощаде, но я ее надменно проигнорировал. Милая Пердита сжала мое плечо.

– Ты всё делаешь правильно, дорогой, – заверила она. – Скрепи сердце, это к лучшему, – она всегда знает, что нужно сказать.

– Прости и прощай, Мария! – ухмыльнулся я, не в силах сдержать радость. – Боюсь, что ты перестала быть нам полезной. Настало время поглощения!

Создание нависло над ней... О, как описать его в тот момент? Что-то среднее между дымом и пульсирующим сгустком зеленого мяса, одновременно влажное и холодное как глина и обжигающее как лава. Оно выглядело нелепо, вися между диванчиком-канапе и камином. Оно выглядело странно, неправильно и завораживающе. И оно было готово решить величайшие проблемы моей жизни.

Оно медлило – словно принималось. Чтобы ощутить ментальную энергию, которую оно собиралось поглотить. Я вспомнил день, когда Косов впервые доложил мне о трех незнакомцах – что у одного из них есть величайшие познания, величайшая власть. То, что очень-очень необходимо обитателям моря. Косов тогда был очень возбужден. И теперь я, наконец, смогу отдать Морю то, чего оно так жаждет. У него уже есть мистер Понд. Есть миссис Понд. Теперь я отдам им Доктора Смита.

Существо что-то прошептало. Оно было готово. Я наслаждался моментом и дал команду. Оно начало снижаться.

Мария перестала всхлипывать и уставилась на него. И заговорила спокойно и твердо. Я был поражен.

– Доктор Смит... – начала она храбро, – Доктор Смит сказал мне, что если я попаду в беду, и мне понадобится его помощь, на самом деле понадобится, я должна воспользоваться его секретным именем. Он сказал, что оно невероятно мощное, и я смогу использовать его, чтобы победить вас!

– Ну давай, дитя, попробуй, – хохотнул я. – Никакое имя тебе не поможет.

– А вот и поможет, – ответила она возбужденно. – Потому что Доктор Смит – самый удивительный человек в мире! И у меня больше нет ничего, кроме его секретного имени.

– Хватит! – рявкнул я. – Поглоти ее!

Мария, эта ужасная маленькая дрянь, уставилась на создание, открыла рот и закричала так громко и истерично, как могут только дети. Она прокричала всего одно слово.

– Рори!!!

Что подумал Доктор Смит.

Я Доктор.

Я в комнате. Комната очень большая и очень темная. В центре комнаты – маленькая коробочка, которая еще темнее. С надписями мелом: «Открывать здесь!», «Пользоваться с осторожностью» и «Не открывать до Рождества» на крышке и стенках.

Пришло время открыть коробочку. Время начать все сначала. Как в стишке про Майкла Финегана.

Я открываю коробочку.

О!

Я больше не Доктор.

Начинай сначала!

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Милая мамочка!

Сработало!! Я выкрикнула секретное имя Доктора Смита, и он очнулся, подпрыгнув, словно сел на подушечку для иголок.

Он увидел парящее надо мной существо и, дико взвизгнув, прижался к своему стулу. Это была не та храбрость, которую я ожидала от него, но я отлично его понимала. Ведь это существо, что бы это ни было, выглядело устрашающе и неприятно пахло. И оно пришло за нами.

– Рори! – вскрикнула я снова. – Вас зовут Рори!

Он резко повернулся и уставился на меня.

– Что?! – спросил он. Затем он облизнул губы. – Верно, верно... Да... – он моргнул. – Логично, – он кивнул, и, игнорируя ужасного монстра, повернулся к доктору Блуму: – Да, это так, – сказал он. – Я Рори Вильямс.

Блумы ошеломленно уставились на него.

– Я... Прошу прощения, но я не понимаю, – сказал доктор Блум. Он казался встревоженным. Даже испуганным.

– И я не понимаю, – ответил мужчина по имени Рори. – Но знаю одно: я не Доктор. Вы думаете, что победили, но это не так. Вы поймали не того, кого нужно, – он рассмеялся и смеялся до тех пор, пока не закашлялся.

– Что-о?! – взвыл доктор Блум. Это было странно, мама, как будто все в комнате изменилось в одно мгновение без чьей-либо помощи.

Доктор Смит... ну, или, точнее, месье Рори Вильямс смотрел на Блума и улыбался ему в лицо. Он был похож на героя книги, связанного, но непобежденного. И Рори был моим героем. Ты помнишь служанку, которая всё ломала и портила и так яростно отреклась от этого? Так вот, у Рори было такое же выражение лица, но более победоносное.

– Вы получили лишь утешительный приз, – поддразнил он Блума. – А Доктор в это время ходит где-то неподалеку, и, думаю, память уже вернулась к нему. Вы зря привязали меня к стулу. Я совершенно бесполезен для вас. Простите.

Ему удалось пожать плечами, несмотря на веревки, отточенным движением.

– Правда. Я, честно, не знаю, почему я притворяюсь им, но я определенно не он. Я обычный парень Рори Вильямс, из Лидворта. Это прелестная английская деревенька с почтовым отделением и прудом для уток. И больницей, где я работаю медбратом, – добавил он весело. Он улыбнулся, крайне довольный собой.

Его улыбка угасла, едва он вновь взглянул на жуткое существо. Он сощурился.

– Простите, что говорю очевидные вещи, Доктор Блум, но вы – мерзавец. Я имею в виду, вместе со мной вы связали и мучаете маленькую невинную девочку. А это существо вправду хочет нами полакомиться? – он шмыгнул носом и повернулся ко мне: – Знаешь, я должен бы привыкнуть к подобным вещам, но никак не привыкну.

Он не был похож на себя, мама. Менее странный, менее похож на школьного учителя, более дружелюбный и веселый и более привлекательный. Рори качнул головой в сторону жуткого существа. И подмигнул мне.

– Ну, Мария, не бойся этого существа, ибо Доктор с минуты на минуту взломает эту дверь и освободит нас!

– Доктор?! – переспросил Блум. – Кто этот героический Доктор, о котором вы говорите?

– Ах, – сказал Рори, приподнявшись на стуле насколько позволяли веревки. – Немного выше меня, немного страннее, любит во всё вмешиваться, врезаться, ломать вещи... Всегда спасает меня в последний миг, – он кашлянул и повторил громче: – В последний миг!

Его взгляд блуждал по комнате, по двери, словно Рори на что-то надеялся.

– А он носил галстук-бабочку? – спросила я, ощутив внезапный страх.

– Да, – ответил он. – Нелепо, не так ли? А что?

– Боюсь, что он мертв, – ответила я, вздрогнув.

– Очень может быть, – фыркнул Блум, улыбаясь, словно пьяный дядюшка. – Косов толкнул его с обрыва.

– Ох, – сказал Рори. Он выглядел ошарашенным и раздавленным этой новостью. Миг триумфа прошел. Мне стало очень жалко его, и в то же время я была разочарована – ведь я использовала секретное слово, но наша судьба от этого мало изменилась к лучшему...

Рори еще немного помолчал, потом поднял голову. И заговорил совсем другим тоном. Взмолненным. Дерзким. Очень сердитым.

– Где Эми? – спросил он.

Доктор Блум оперся на свой стол.

– Она связанная сидит на берегу, – признался он.

– Ох! – вздохнул Рори. Обдумал информацию и нахмурился. – Это очень плохо, – сказал он гневно.

– Да, ничего хорошего, – согласно кивнул Блум. – Так что, дорогой сэр, вы ничего этим не добились, не так ли?

Что вспомнила Эми

Я сидела на коляске на берегу, наблюдая за фигурой, выходящей из тумана и направляющейся ко мне. Было очень холодно, и я продолжала слышать отдаленное пение из моря.

Фигура шла через волны, с плеском при каждом шаге по бушующему морю. Накатила волна тумана, на мгновение скрыв ее из виду. Туман клубился везде, заставляя меня задыхаться. Я вдохнула его – он был густой, как холодный суп. Холодный светящийся суп. Я пыталась не дышать им, давясь и отплевываясь. И вдруг я поняла, что это туман издавал шепчущие и поющие звуки – и как будто звал меня по имени.

«Эми, Эми, Эми, Эми...» – снова и снова.

Я ничего не видела, даже собственных ног – лишь холодное светящееся зеленоватое марево. Я никогда не ощущала себя столь одинокой. Я скучала по своему мужу. Скучала по Доктору. Я так сильно скучала по моим мальчикам...

Что-то копошилось и гудело в моей голове, как гул и дрожь железнодорожных путей перед появлением поезда. Приближалось что-то важное. Что-то спешило вернуться на место.

Я была почти ослеплена и одинока, и я слышала, как что-то или кто-то идет ко мне. «Шлеп-шлеп» – влажные шаги по берегу. В панике я ухватилась за низ коляски, как-то повернув ее, отчаянно вцепилась в колеса, стараясь привести их в движение и уехать отсюда – но колеса намертво застряли в песке. Но чем больше я дергала их, тем больше слабели мои путы – может быть, я смогу освободиться, если буду раскачиваться.

Я начала качаться на коляске взад-вперед, все время слыша шаги и ежеминутно ожидая, что из тумана протянется рука и схватит меня. И вот, наконец, я с грохотом оторвалась от коляски и полетела кувырком, как блистательная ошибка Шотландской космической программы.

Я приземлилась на мокрый песок с глухим шлепком и попыталась встать – но мои ноги были все еще слабыми и отказывались повиноваться. Но я все равно не сдавалась. Кроме того, я не знала куда идти – полностью дезориентированная, я вдруг поняла, что и коляска исчезла в тумане. Я поползла на четвереньках по мокрому песку, совершенно растерянная.

Затем я подняла голову и увидела его. Туман слегка рассеялся. И там, в нескольких ярдах впереди, как герой, на маленьком каменистом выступе стоял... Это точно был он – я узнала бы этот силуэт где угодно.

Ой! Я ощутила резкий щелчок – будто хлестнуло эластичной лентой по уху. Я поняла, что это щелкнуло в моей голове. Словно кто-то нажал на выключатель, и она начала работать. Словно раскрылась коробка с утерянной информацией. Мой мозг сложился как гигантский паззл, все встало на места, за исключением одного кусочка с небом, закатившегося за диван. Я поняла все, что было не так. Вспомнила все, что забыла с тех пор, как в последний раз была на этом берегу. Я знала, кто стоял на скале у моря.

Доктор.

Я поползла к нему, плача от радости, снова и снова повторяя его имя. Он так много значит для меня. Мой Доктор. Тот, кого я...

Он начал поворачиваться ко мне и вдруг... что-то с шумом вылетело из тумана, сбило его с ног, и повлекло с собой вниз, в море. Я вскрикнула, попыталась встать – не вышло. Я так и осталась, скрючившись, на берегу – плачущая, одинокая, беспомощная. Я забарабанила кулачками по песку, зная, что это ни к чему не приведет.

Когда я прекратила барабанить, я вдруг кое-что поняла.

Шлеп-шлеп!

Опять шаги, все ближе.

Доктор вернулся, и что-то убило его. Что-то ужасное, что сейчас шло за мной.

Обезумев от страха, я поползла к морю, зовя Доктора, на случай, если он выжил и находился неподалеку. Вокруг меня зашумели волны, леденя мои руки и ноги, утяжеляя мою одежду. На меня снова накатил туман. И эти шаги все приближались – ближе, ближе...

Я не знала, что делать дальше. Я кое-как поднялась на ноги, и, конечно же, снова упала. Пока я барахталась, в мое запястье вцепилась холодная рука, сжав его как клещами. Я вскрикнула от боли и подняла голову – надо мной, наполовину скрытый туманом, возвышался мужчина.

Он был похож на Доктора. Но я знала, чувствовала... что это не он. И потом, когда он заговорил холодным мертвым голосом, я окончательно убедилась в этом.

– Эми Понд, – сказал он осторожно, будто пробуя мое имя на вкус. – Я пришел за тобой...

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
6 декабря 1783*

Милая мама!

Все было плохо. Очень плохо. Просто ужасно, и я была очень подавлена. Я так надеялась, что мой герой спасет меня, как сказочный принц принцессу из замка злодея. Но мы все еще были привязаны к стульям. Рори оказался не таким, каким я его представляла. Он был симпатичный, но, увы, не герой. А над нами – это странное облако или... Нет, я не могу описать его. Оно слишком ужасное. И вот Оно снова начало снижаться, медленно и неуклонно приближаясь к нам...

– Придумай что-нибудь, – прошептала я Рори.

– У меня ничего нет, – ответил он, пожав плечами.

Доктор Блум наблюдал за нами, откровенно веселясь. Его жена хлопотала рядом, как ни в чем ни бывало прибираясь в кабинете. Как будто факт, что нас сейчас съедят заживо, ее ничуть не интересовал. Я никогда не любила ее, мама, и ты знаешь почему. Она суежилась возле стола, расставляя в карандашнице разбросанные ручки доктора Блума.

– Ручки... – пробормотал вдруг Рори. И просиял: – Ну конечно!

– Что, месье? – переспросила я.

– Не могла бы ты дотянуться до моего левого кармана? – спросил он.

Я чудом извернулась на стуле, и, дотянувшись до Рори, извлекла из его кармана нечто, похожее на ручку.

– Очень хорошо, – сказал Рори. Он подмигнул мне. – Теперь нацель ее на То существо. Нет, другим концом. Вот так.

Я не имела ни малейшего понятия, что это за предмет и как он действует, но по наитию нажала на его кончик. Я надеялась, что это не ружье. На другом конце «ручки» зажегся очень милый зеленый огонек. Может быть, он отвлечет злодеев.

Вместо этого «ручка» издала звук... очень ужасный звук. Я взвыла.

Точно так же взвыло и существо, отпрянув.

– О, отлично, Мария! – воскликнул Рори, перекрывая шум.

– Что вы наделали?! – прохрипел доктор Блум. Он бросился к своей жене. Она согнулась пополам от боли. Как будто то, что я натворила, и в самом деле причинило ей боль. Хорошо.

Рори с трудом поднялся, все еще вместе со стулом. Он наклонился ко мне, и ему удалось ослабить мои путы. Затем он повернулся к Блумах.

– Мы убегаем, – сказал он. – Прощайте!

Все еще со стулом, привязанным к спине, он побежал вместе со мной прочь из комнаты. Я беру свои слова назад. Рори просто чудесный.

Всегда любящая тебя, Мария.

Дневник Доктора Блума

6 декабря 1783

О Боже! Вот черт! О, во имя Святого Петра! Какая катастрофа!

Один из чужаков и эта девчонка Мария сбежали!

Я видел, как они убегали.

– Нет! Стойте! – закричал я, подбегая к двери. – Стойте! Стойте! Стойте!

Затем я заметил, что кричу в пустоту и почувствовал себя неловко.

Преодолевая собственную боль, моя обожаемая Пердита мгновенно подбежала ко мне и стала меня успокаивать.

– Я позвонила и позвала помощь, – сказала она. – Они не могли убежать далеко.

Я взглянул на нее.

– Ты уверена?

Она кивнула.

– Я пойду и распоряжусь.

Она покинула комнату, шурша юбками.

Я остался один на один с Существом. Оно терпеливо висело на том же месте. Ожидая моих приказаний. Наконец, с тяжким вздохом, я отослал его. Оно улетело обратно к Морю.

Вернулась милая Пердита, закрыла окно. Она пригладила волосы, чуть помедлив, прежде чем повернуться ко мне с сочувствующим видом.

– Не печалься, дорогой. Все будет в порядке. Почему бы тебе не отдохнуть? Утро вечера мудренее.

И так будет. Потому что она так говорит.

Новый день! Чудесный новый день!

По крайней мере, для меня. Был жуткий мороз, вода в умывальнике замерзла, и даже ковер покрылся инеем. Служанка растопила камин в моей спальне, но жар еле выходил за пределы каминной решетки.

Пердита была уже одета и странно возбуждена.

– Иди сюда, милый, иди и посмотри! – сказала она дрожащим голосом.

У нее был такой же вид, как у моей мамы, когда она сообщила мне потрясающую новость о том, что выпал снег. Зрелище было восхитительное.

Я стоял у окна в кабинете и наблюдал, как пациентов везли по веранде и затем по тропинке вниз, на берег. Каждый из них, неподвижный и тихий, чуть покачивался на коляске, в сопровождении преданных помощников.

Я ощутил, как Пердита стиснула мою ладонь.

– Смотри! – прошептала она.

И тут я увидел ее. Девушку с длинными ярко-рыжими волосами, полулежащую на коляске и безучастно глядящую прямо перед собой, спокойно увозимую на берег. Миссис Понд, и фигуру позади нее, мрачную и невыразительную, фигуру мужчины, которого, как я теперь знал, звали Доктором. Только на самом деле это был не Доктор. Это его двойник, вышедший из Моря, чтобы разузнать все, что можно о Эми Понд. Она была полностью в его власти.

– Ах, какой чудесный день! – пропел я. По-настоящему пропел.

– Верно, – согласилась Пердита, прижав мою руку к своим губам. – О, любимый! Оно везет ее на берег. Скоро мы узнаем о них все!

Я вышел из кабинета и незаметно подкрался к нашим гостям, держась на расстоянии и с трудом сдерживаясь, чтобы не потирать руки от удовольствия. Я ощутил тот же детский восторг, который я ощущал всегда, когда мои подошвы касались мокрого песка, оставляя глубокие следы. Я вспомнил самый первый день, когда я впервые очутился здесь, на берегу, и понял, что здесь что-то есть, что-то в воде, зовущее меня... Что-то, что вышло из тумана и проникло в мой мозг, в каждую мою мысль и дало мне все, о чем я мечтал. С тех пор я обычно держался на почтительном расстоянии, наблюдая за тем, как духи колдовали над моими пациентами – каждый день больные приходили на берег и уходили исцеленными. Я не знаю, как это действует, но знаю, что это эффективно. Море дает им то, в чем они

действительно нуждаются – здоровье, покой. А взамен – Оно узнает о них все.

Оно хотело получить мадам Амелию Понд, я знал это. Оно уже пыталось поймать ее раньше, но потерпело неудачу, вынудив Косова привести их ко мне. Что-то странное было в этих трех незнакомцах – как они сюда попали? Кто они такие? Что-то, чего я не знаю, и не знает Море. Но оно отчаянно пытается наверстать упущенное.

И теперь у него появился шанс. Мальчишка по имени Рори не имеет значения. Жаль, что не удалось схватить человека по имени Доктор. Настоящий Доктор, наверно, погиб в волнах и возможно, его труп будет выловлен рыболовной сетью где-нибудь поблизости.

Но у нас есть Эми Понд. О! Море смогло проникнуть в ее мысли – оно узнало, что Доктор для нее – самое важное на свете, и создало его копию для нее. Если они проведут вместе достаточно времени и им никто не мешает, копия ничем не будет отличаться от реального Доктора. Двойник был рядом с ней, катил ее на берег, мягко поглаживая рукой ее плечи и вытягивая из нее все, что можно.

Вот она села, слегка покачивая головой, ее прекрасные глазки широко раскрылись. Она слушает Море, омывающее берег, волны накатывают снова и снова, повторяя «*Забудь-забудь-забудь...*» Ее волосы – самая яркая вещь на берегу этим утром, рыжие, пламенеющие на фоне всей этой серости. А кожа такая бледная, словно чистый лист бумаги. Конечно, ей было холодно – но она, казалось, не чувствовала этого, так как Море проникло в нее.

Я наблюдал, как из Моря выполз туман, окутывая берег, ощупывая его маленькими струйками-пальчиками, танцуя у ног Эми. Туман слегка светился, зеленоватым светом, словно в нем мерцали огоньки тысяч и тысяч свечей.

Теперь осталось совсем недолго – и Море узнает все, что ему нужно.

Фигура «Доктора» стояла позади Эми Понд, обвивая руками ее плечи. Ласково, но жестко. Она больше не сбежит. Никуда и никогда. Вскоре она все вспомнит, и тогда это «всё» будет принадлежать нам!

Что Эми забыла

Итак, ТАРДИС потерпела аварию и мы оказались на морском берегу, вышвырнутые из синей будки с бешеной скоростью.

Я и Рори были рады уже тому, что остались живы, но Доктор уже нарезал круги вокруг нас так возбужденно, как щенок, гонящийся за резиновым мячиком. Он держал перед собой звуковую отвертку, разгоняя ею ночную тьму как фонариком.

– Мы приехали! – прокричал он, затем повторил эту фразу еще раз, слушая эхо. – Лазурный берег, прекрасное место для отпуска, но только не в... ох, начало декабря. 1780-е годы. Немногим позже Великой Французской Революции. Вообще-то не самое лучшее время получать загар, почитывая Джона Гришэма⁶. Хотя, кто знает? Переоденьтесь. пляжные полотенца в одном из шкафов, где-то там, в ТАРДИС, и... ой!

Доктор замолк и замер как вкопанный.

Мы подбежали к нему. Слава Богу, мы не сильно пострадали в аварии, хотя ТАРДИС лежала на боку с открытой дверью, из-за которой струился слабый золотистый свет. Рори потирал ушибленный локоть.

– Скорее, это Балтика, – сказала я, прижимаясь к мужу, чтобы согреться. – Здесь ужасно холодно.

И тут я поняла, что Доктор стоит неподвижно, словно окаменев.

– С тобой все в порядке? Доктор!

– Ой, прошу прощения, – Доктор крутнулся на месте, повернувшись к нам лицом. – Простите. Ох. Здесь что-то есть. Маленькие психические субстанции лезут мне в голову. Читают мои мысли. Что Нельзя Делать Ни в Коем Случае!! Плохие Психические Штуки!

Доктор замахал руками.

– Прочь, прочь, прочь!

Он усмехнулся, постукивая себя по лбу.

– Я эксперт в установке ментального щита. Но ох, как же это изматывает! Держите!

Он швырнул нам звуковую отвертку, Рори чудом поймал ее, слава Богу.

– Фонарик установлен, – сказал Доктор, – следите, не увидите ли что-нибудь или кого-нибудь. А я не могу пошевелиться. Из-за...Ох!

⁶ Английский писатель 20 века (прим. переводчика).

Доктор пошатнулся.

– Если это опять ты, Деррен Браун⁷, покажись, скверный мальчишка, – воскликнул он.

– Это то, что привело нас сюда? – спросил Рори, обводя берег звуковой отверткой. Но все, что мы видели – лишь море и туман, туман и море.

– Хм, возможно, – Доктор нахмурился. – Что-то инопланетное и неправильное появилось в пространстве-времени. Моя старушка не смогла этому сопротивляться, и... О Боже!

– Кабель программного передатчика, – сказал Рори.

Лицо Доктора погрузнело.

– Я боялся, что ты это скажешь, – заметил он. И поморщился: – Проклятые психические штуки, все еще крутятся рядом. И колются. Вызывая заворот мозгов.

Он похлопал Рори по лбу.

– Прости, – тут же извинился он. – Если это можно считать утешением... Теперь я знаю, что ты не любишь копченую селедку. А кто любит-то?

Вдруг он скривился, словно от боли, потом грозно нахмурился.

– Прекратите это! – закричал он. – Прекратите сейчас же! Меня зовут Доктор, и я могу помочь вам, если только вы прекратите...

– Прекратите читать мои мысли, – неожиданно закончил за него Рори. – Берегитесь. Остерегайтесь Пса. Здесь есть драконы.

– Рори?! – затрясла его я. – С тобой все в порядке?

– Опасность, – голова Рори повернулась ко мне, но выражение его лица было очень странным.

– Эми Понд, – сказал он очень странным, не своим голосом, – Случится нечто очень плохое. Очень плохое и болезненное. Беги!

– Я тебя не оставлю, – твердо сказала я. – Никого из вас.

– Возвращайся обратно в ТАРДИС, пожалуйста! – взмолился Рори, когда вверх взметнулась рука Доктора, указывая мне путь. – Поспешите же, быстрее, ментальные существа повсюду. Уходи с их дороги. Они делают то же, что и я, но они еще хуже. Эти существа – не столько психогены, сколько процессоры пищи. Они пожирают мозг!

– Уизз! – сказал Доктор. Он упал на колени, стукнувшись ногами о песок.

⁷ Пришелец, гипнотизер, враг Доктора (прим. переводчика).

Лицо Рори искривилось, его голос задрожал.

– Он прав, Эми, – сказал он своим обычным голосом. – Я не знаю, что происходит, но это очень опасно и больно. Пожалуйста! Беги! Я люблю тебя! Уизз!

И Рори упал, засучив ногами.

Я побежала.

Мне стыдно. Я оставила их. Я не знала, что мне делать.

Я бежала, бежала со всех ног к лежащей ТАРДИС. Может быть, я найду там что-нибудь, что нам поможет. Вокруг меня был туман, танцующий туман со странными огнями, пытающийся ворваться мне в голову. ТАРДИС была уже близко. Я бежала. Я уже видела раскрытую дверь будки, откуда струился золотистый свет. Просто беги, Эми, только беги, выкинь все из головы, зайди внутрь и придумай, что делать. Спаси Рори. Спаси Доктора.

И тут... Дверь ТАРДИС с грохотом захлопнулась, и машина времени... исчезла! Оставив меня снаружи. В темноте на берегу. Единственным источником света был этот странный мерцающий туман, который сгущался вокруг меня с каждой секундой.

Я слышала голос в моей голове. Голос, который мог принадлежать только Доктору.

– Мне жаль, Эми, – прошептал он, и я ощутила, как у меня подкосились колени.

Я лежала там. Одно из трех тел, лежащих неподвижно на берегу, окутанных клубящимся туманом.

Затем мой мозг отключился.

Что Эми вспомнила

Мой мозг снова включился.

– Смотри! – прошептал голос Доктора прямо мне в ухо.

Фигуры начали выходить из моря. Из тумана. Я не могла разглядеть их во всех подробностях – но было непохоже, что они выпрыгивали из-под воды. Они сливались, двигаясь вперед, становясь все более и более плотными. Сначала тень, потом силуэт, но достигнув берега, существо превращалось в полностью сформированного человека в одежде. Некоторые фигуры были пожилыми, некоторые – молодые, были дети и даже одна собака. Они вышли из моря совершенно сухие и направились к пациентам. Туман рассеивался при их приближении, когда они шли по песку, сначала не оставляя следов, но постепенно они становились более плотными и реальными.

Бедные пациенты сидели на колясках, неподвижные и почти неживые. Но вот перед каждым появилась фигура, а то и несколько, нависая над ними. Странное пение слышалось из воды, и волны двигались ему в такт. Пожилой мужчина смотрел со своей коляски, как миниатюрная полная женщина танцевала перед ним, держа его руку в своей. Она улыбалась ему, и он улыбнулся в ответ, затем встал. Они начали танцевать, довольно красиво.

Устало выглядящая женщина с седыми волосами засмеялась, когда ее за руки подхватили двое детей, двое тихо смеющихся мальчишек, которые звали ее потанцевать.

Здесь был даже толстый бука мистер Невилл, похрапывающий под одеялом. Даже в бессознательном состоянии он хмурился. До тех пор, пока огромная собака с мокрым блестящим носом не положила свою морду ему на колени и не коснулась его лапой, заглядывая ему в лицо большими преданными глазами. И тогда мистер Невилл проснулся, встал, улыбаясь так, словно настало Рождество, и начал танцевать с собакой. Это было немного странно, но, казалось, никто не обращал на это внимания.

– Занятно, – прошептал «Доктор» в мое ухо. Я ощутила, как кончики его волос покалывают мою шею. – Может, потанцуем? – предложил он.

– А надо ли? – спросила я. Но затем дала ему руку, и мы начали танцевать на берегу, скованно и неуклюже. Я заметила, что ноги вновь повинуются мне. И подумала, не он ли причиной тому.

– Ты настоящий? – спросила я его.

– А ты? – парировал он.

Затем он наступил мне на ногу, и я поняла, что он настоящий.

– Прости, – Доктор нахмурился. – Все время перерождаюсь с обеими левыми ногами.

Я вздохнула.

– Ну, и каков твой план?

– Ну... – на миг смутился он, – сначала я убеждаю тебя, что я настоящий, затем втираюсь к тебе в доверие и, наконец, ментальный паразит во мне поглотит твой мозг.

– О, грандиозно! – фыркнула я. – Спасибо за честность.

– Не за что, – подмигнул он. – Не волнуйся, я защищаю тебя. Когда мы приземлились здесь, и эти твари впервые атаковали меня, я оказался застигнут врасплох со спущенными ментальными штанами. Но больше это не повторится. Я поставил мощное защитное психополе. Пояс и подтяжки. Подтяжки, кроме того, это очень круто, – он постучал себя по лбу. – Я поставил кирпичную стену вокруг твоего мозга, Понд. Ничто не сможет прорваться внутрь.

– А разве эти... – я нахмурилась, – ничего не заподозрили?

– Ну разве что немного, – усмехнулся он. – Но я на несколько часов погрузил тебя в транс, и пока ты спала, я распылил вдоль барьера ложные мысли маленькой Эми Понд. Множество чудесных воспоминаний о каникулах и наблюдении за птицами на острове Мэн.

– Но я никогда не была на острове Мэн! – прошипела я.

– Знаю, – ничуть не смутился Доктор, – в этом-то все и дело. Я импровизировал, – Доктор расплылся в самодовольной улыбке. – Паразит не скоро сообразит, что поглощает лишь воспоминания о каникулах на Великом Холме, и ничего пикантного. Ни намека на реальную Эми Понд, маленькую девочку, которая путешествовала по Вселенным. И абсолютно ничего о ее друге Докторе. Нет. Ему категорически нельзя снова позволять читать мои мысли.

Голос Доктора был очень жестким. Но затем он снова улыбнулся.

– Теперь я снова стал самим собой. Для этого понадобилось время. К счастью, кто-то сбросил меня со скалы прошлой ночью, и пока я катился вниз, все мысли встали на свои места. Отличный результат! Когда я пришел в себя, то понял, что снова стал самим собой. Не совсем уверен насчет правильного цветовосприятия, заметь, но это восстановится, я уверен. Как бы

то ни было, я вовремя вернулся в нормальное состояние, как раз вовремя, чтобы успеть остановить эту тварь, которая дурила тебя, посылая клонов. Столкнув своего двойника в море, я пришел и спас тебя. Все хорошо.

– А как же Рори? – спросила я. Это было очень важно.

– О, он тоже стал прежним, – ответил Доктор. – Множество моих воспоминаний надежно спрятаны в его голове – потому что там много свободного места. Правда, я побросал их туда как попало. Не самая хорошая моя задумка, но эти паразиты были повсюду. Мне пришлось в спешке перепрятать свои мысли – и, скажем прямо, голова Рори Вильямса – последнее место, куда кто-либо захочет заглянуть.

Я сердито воззрилась на него. Иногда он бывает таким грубияном. Я топнула ногой, и он вздрогнул.

– Прости, – смущенно сказал он. – Он теперь в полном порядке – все мои воспоминания вернулись на место. Вот только забыл мой любимый рецепт соуса чатни. Узнал кое-что новое – этот мальчик действительно ненавидит копченую селедку. Что меня раздражает, потому что я ее теперь люблю.

– К черту селедку! – оборвала его я, продолжая вальсировать под неземное пение. – С чем мы столкнулись? С инопланетной версией шоу "Танцы со звездами"?

– О, Эми Понд, я так тебя люблю, но иногда ты меня просто убиваешь, – вздохнул Доктор. – Приглядишься повнимательней к нашим больным. Еще три минуты назад каждый из них умирал от ужасной неизлечимой болезни. А теперь? Они танцуют!

Я пригляделась. Даже нелюдимый мистер Невилл казался моложе и счастливее.

– Это все ментальные паразиты, – начал объяснять Доктор. – Они изображают тех, кого любят пациенты. Маленькие частицы их душ, которым больные доверяют настолько, что готовы впустить их в себя. И исцеляют их.

– Ах, – сказала я. – Это довольно мило.

Но меня насторожило выражение лица Доктора.

– А что не так? – удивилась я.

– Нет, Амелия, – покачал головой он, – на самом деле это очень неправильно и плохо.

И пока мы стояли там, окруженные танцующими мертвецами и призраками, он объяснил мне почему. Это было действительно страшно.

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
7 декабря 1783*

Милая мама!

О, какая чудесная была ночь! Это было похоже на лучшую игру в прятки – ты помнишь вечеринку на мой седьмой день рождения, когда пришли все мои друзья, и мы бегали и прятались по всему дому, а потом ели меренги?

Так вот, было нечто подобное. Только без меренг. И немного страшнее.

Месье Рори Вильямс и я прятались по всей клинике доктора Блума. Мы прятались в шкафах, под кроватями, в подвале, и даже под столом в кабинете доктора Блума.

Именно когда мы были там, свернувшись калачиком, я прошептала Рори:

– Сэр, как вы думаете, что случится, когда они найдут нас?

Рори печально покачал головой и ответил еще более тихим голосом:

– Не знаю. Думаю, ничего хорошего. Я невезучий.

– А что это было за существо, которое мы видели сегодня? – спросила я.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил он, – я ведь не Доктор.

– Я видела нечто подобное раньше, – сказала я ему. И я видела, только не помню, как и почему. Но я помню, что видела его здесь. О, мама, когда ты получишь это письмо, может, ты вспомнишь это для меня? Если сможешь, расскажи мне это в ответном письме. Я знаю, что посылаю тебе сейчас слишком много писем, но сейчас – самое захватывающее время в моей жизни.

Мы провели большую часть ночи на кухне. Я съела немного сыра и два кусочка пирога. Рори есть не стал. Мы слышали скрип колес, и, выглянув в окно, увидели неподвижную Эми, которую катил на коляске мужчина, которого я считала месье Пондом, но Рори поправил меня.

– Это моя жена, – сказал он очень печально, – а тот мужчина с ней – и есть Доктор. Но что-то с ними не так.

– Нам нужно присоединиться к ним? – спросила я.

Рори покачал головой и плюхнулся обратно на стул повара.

– Творится что-то неправильное. Я очень хочу к ним. Но я слышу в своей голове голос Доктора, говорящий: «Нельзя!»

– Как?

– Я не знаю. Но это именно то, что беспокоит меня последние два дня. Думаю, во мне еще осталось что-то от него, – он скривился, будто выпил горькую микстуру от кашля.

Я кивнула. Эми, Рори и Доктор. Три чудесных, замечательных человека, живущих столь необыкновенной жизнью. О, мама, когда я вернусь домой, может, ты разрешишь им погостить у нас?

И вот мы вдвоем сидели на кухне до тех пор, пока не опустел ресторан, затем перешли туда и залезли под стол.

– Мы просто посидим здесь, пока что-нибудь не придумаем, – сказал Рори.

Мы провели там много часов. Я думаю, мне даже удалось немного вздремнуть. Я слышала, как тихо похрапывал месье Рори. Но потом начался завтрак и закончился, и мы вновь остались одни. Я подумала, не пора ли выбраться отсюда, но Рори хотел убедиться, что мы действительно одни.

И он беспокоился не зря.

– Месье! – прошептала я. – Кто-то идет!

Я слышала, как громко бьется мое сердце. Рори в испуге смотрел на меня. Мы слышали шаги – все ближе, ближе... Нас вот-вот найдут! Моя душа ушла в пятки.

Шаги замерли у нашего столика!

Тишина! Ой, мама!

Они нагнулись! Отдернули скатерть! И тут...

– Рори! Мария! – вскричала Эми. – Я так рада вас видеть!

Появилось еще одно знакомое лицо. Доктор. Он схватил Рори за лодыжку, и, несмотря на его протесты, вытащил его из-под стола.

– Рори! – усмехнулся он, стискивая друга в медвежьих объятиях, и едва не выдавив из того весь воздух. – Знаешь, дружище, а я был тобой!

– Верно, – буркнул Рори, отчаянно пытаясь вырваться.

– Уверен, ты неплохо повеселился, – фыркнул Доктор.

– Нет, ничего особенного не было... – смутился Рори.

Доктор выпустил его, отступил на шаг, уставившись на нас вытаращенными, дикими от восторга глазами.

– А вы сражались с какими-нибудь монстрами? А может, что-нибудь подожгли или взорвали? Я всегда так делаю. Честно. Сначала говорю монстрам: «Расскажите мне о ваших планах», а потом – Ба-бах! Мои счета за страховку просто астрономические, – Доктор использует такие странные слова! – Но ты теперь снова в норме, так?

– Да, – с появлением Доктора Рори стал странно немногословным.

Доктор ткнул его локтем в бок.

– Ну так давай, рассказывай. Каково это было – быть мной? Не было ли это превосходно? Не расширило ли это твой крошечный кругозор?

Рори выглядел немного смущенным.

– По-моему, мне лучше быть самим собой, – ответил он. – Я не герой.

– О, не скромничай, – Доктор похлопал его по плечу. – Ты совершил немало подвигов.

Доктор подмигнул мне и продолжил:

– Ты женился на Амелии Понд и можешь починить перегоревшие пробки. А у меня до этого никогда не доходили руки. Очень важно, – он повернулся ко мне и понизил голос. – Все ОК, Мария, тебе не нужно знать, что такое пробки. Это ерунда, не бери в голову.

Он снова повернулся к Рори.

– Как бы там ни было, ты вернул свой мозг назад.

Рори сел на стул и взглянул на Доктора. На секунду в его глазах сверкнул гнев.

– Ну а каково тебе было быть мной? – поинтересовался он.

Доктор смущенно поддернул подтяжки.

– О, не извиняйся – думаю, как-нибудь переживу, – отмахнулся он.

Тут Эми подошла ко мне и взяла меня за руку.

– Пойдем, Мария, поищем что-нибудь вкусненькое. Может, найдем пару булочек с корицей. А эти двое еще долго будут кричать друг на друга.

Вот так закончилось это приключение.

Любящая тебя Мария.

Письмо мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
7 декабря 1783*

Дорогой Октавиус!

Я сегодня завтракал с Оливией Элквитин.

– Ты не собираешься играть на скрипке? – спросил я ее, жуя запеканку (поневоле привыкаешь к таким вещам).

Она, улыбаясь, покачала головой.

– Мы никогда не играем по утрам. А моя сестра почти не спускается на завтрак. Она предпочитает сидеть в своей комнате.

– Чем она занимается? – спросил я. – Что это за странные цифры, которые она все время пишет? Счета портного?

И снова Оливия улыбнулась мне.

– Портной тут ни при чем. Моя сестра блестяще разбирается в математике, мистер Невилл.

– Интересно, интересно, – хмыкнул я, надеясь развеселить ее, но она не поняла иронии. Затем последовал развернутый и довольно утомительный рассказ о логарифмах и неравенствах. Я слушал ее и кивал, все время думая, что из Оливии получилась бы прекрасная хозяйка моего дома, и она отлично смотрелась бы на охоте – верхом на лошади, возглавляющая погоню.

Размечтавшись, я не сразу почувствовал легкое прикосновение к своему плечу. Это оказалась миссис Блум – сплошное шелковое очарование.

– Время утренних процедур, мистер Невилл, – пропела она.

Я взглянул на Оливию и сразу заметил, как она нахмурилась.

– Моя дорогая миссис Блум, – запротестовал я. – Может быть, ну может быть, можно один раз их пропустить?

Миссис Блум отрицательно покачала головой.

– Идемте сейчас, я вынуждена настаивать, – сказала она не допускающим возражений тоном.

– Ну хорошо, в таком случае, может, мне стоит... – я встал и поклонился Оливии, стараясь избегать ее взгляда.

Спускаясь на берег, я видел в окне эту чертову красотку, наблюдающую за мной. Она казалась расстроенной.

Ох уж эти женщины! Уверен, она меня простит.

Твой покорный слуга, Генри Невилл.

Что вспомнила Эми

С этим Доктором не соскучишься. Даже когда тебе кажется, что ты знаешь, что сейчас произойдет, ты неожиданно получаешь подарок в виде завтрака с русским князем. Когда Рори и Доктор прекратили спорить, Доктор настоял на том, чтобы мы укрылись в покоях князя Бориса.

Князь был очень рад видеть нас, даже чересчур.

– Ах, я люблю беглецов! – сказал он. – Однажды моя матушка приютила в одной из своих усадеб целый цыганский табор на пару месяцев. Сказала, что это принесет удачу курам. А вы, джентльмены, странствуете под чужими личинами! Как смело! Еще икры?

Да, это правда – мы ели на завтрак бутерброды с черной икрой. Если честно, на вкус эти бутерброды напоминали пиццу с слишком большим количеством анчоусов. А Доктор еще намазал их джемом, и клялся, что это просто божественно.

Рори, довольный возвращением к нормальному состоянию, полулежал на кровати, попивая чай, в то время как Доктор старался загладить свою вину.

– Еще раз прости за то, что использовал твою голову, Рори, – сказал он. – Это была экстренная, вынужденная мера.

– Ну ладно, проехали, – вежливо ответил Рори. – Теперь все снова в порядке.

– Ну, почти все, – проворчал Доктор. – Я не думаю, что ты помнишь...

– Ах да, – хлопнул себя по лбу мой муж, – есть еще рецепт лукового чатни, который мне явно не принадлежит...

– Спасибо! – Доктор крепко обнял его. – Я его потерял.

– Я в порядке, слава Богу, как бы там ни было, – сказал Рори, вырвавшись из объятий. – Все пришло в норму.

Ему бы не помешало немного нежной любви и заботы, и жарких объятий чуть позже, могла бы я сказать. Ну а пока... да, завтрак.

Даже сейчас Рори был немного обеспокоен.

– Где ваш ручной великан? – вдруг спросил он у князя.

– Косов? – Борис пожал плечами. – Небось, шныряет неподалеку, ищет вас, а?

Он засмеялся. Я заметила, что на этот раз его смех не сопровождался скрипом и свистом в груди. Он выглядел лучше чем прежде, иллюстрация

здоровья. Похож на Джорджа Клуни в роли Распутина, честно. Он даже носил такой же бархатный ночной колпак с кисточкой, который, как я заметила, с жадностью пожирает глазами Доктор. И если бы Бориса не насторожило столь пристальное внимание к головному убору, это осталось бы незамеченным и мы бы не услышали сакраментальную фразу «Ночные колпаки – это круто».

Пока Борис готовил кофе, густой и обжигающий как лава, Доктор разъяснил нам ситуацию, царапая странные символы лезвием на подоконнике. Маленькая Мария сидела в углу, рассеянно слизывая икру с пальцев и таращась на него расширенными от восхищения глазами. Он всегда сводит с ума девочек, даже не замечая этого. Ни разу.

– Итак, в общем – оказывается, мы путешественники во времени, – начал он. – Если где-то во Вселенной есть проблема, и никто не может помочь, тогда на сцену выходим мы. Команда А. Доктор и очаровательная Эми Понд!

Рори деликатно кашлянул.

– Ах да, – поправился Доктор, – и конечно, муж Эми, Роджер.

– Я Рори! – воскликнул парень.

– Неважно, – отмахнулся Доктор.

Мария восхищенно застонала.

Борис глубокомысленно кивнул.

– Значит, вы прибыли из будущего? – спросил он.

Доктор кивнул.

– Иногда из будущего, иногда из прошлого, а иногда просто перемещаемся на пару миль вправо. Вот такие мы.

– Ну а что не так в этом месте, что заставило вас прибыть сюда? – спросил Борис сурово.

– Я все ждал, мучился, когда кто-нибудь меня об этом спросит! – широко улыбнулся ему удовлетворенный Доктор. Вот тут-то и началась лекция. Однажды, я уверена, он сделает ее в Повер-Пойнте⁸.

– Итак. Давайте хоть ненадолго забудем о тех сумасшедших пришельцах на берегу...

Борис открыл было рот, но Доктор продолжил, слава Богу.

– Я сказал – забудем о них! Ни слова! Итак. Мы находимся в одном из наиболее важных годов в истории. В 1782!

⁸ Power Point – компьютерная программа для создания презентаций (прим. переводчика).

– В 1783-м! – прошептала Мария.

– А я что говорил! – хмыкнул Доктор, потом, кашлянув, исправился: – А, да, верно, 1783 год. Очень, очень важный год. Ну, в сам этот год не происходило ничего особенного, но он стоит на пороге целой вереницы интересных событий. Войны, революции, и все такое по всей Европе – то, что вы, люди, делаете слишком хорошо.

– Полагаю, вы здесь, чтобы это предотвратить? – хмуро поинтересовался князь. Надо отдать ему должное, он нормально воспринял заявление «привет, мы из будущего!» Казалось, все эти чудеса совершенно не интересовали его, таков уж князь Борис.

– Нет уж, позвольте будущему быть! – визгливо откликнулся Доктор. Тоном соседки, которую ругают за ор, устроенный ее котом на рассвете. Это всего-навсего кот. От него ничего другого не дождешься. Иногда тон Доктора может быть одновременно покровительственным и обвиняющим. Он крутнулся на месте.

– Вот в чем дело – Время подобно огромному беспорядочному карточному домику, который поднимается выше и выше до бесконечности. Такой прекрасный, такой хрупкий, такой огромный. И вы не захотите возиться с любой из этих карт в отдельности. Поверьте мне.

Он хлопнул в ладоши, и крупы икры, прилипшие к пальцам, разлетелись в разные стороны.

– Кругом разбитые сердца, – сказал он непонятно, и снова крутнулся на месте.

– Доктор Блум действительно поразителен, – продолжил он. – Он исцеляет людей от ужасной болезни, опережая свое время на сто лет. И это не есть хорошо.

Он посмотрел на пол, выглядя немного растерянно. Затем снова заговорил, неохотно роняя слова. В этот момент его большое, подвижное, словно резиновое, лицо было таким добрым и таким печальным.

– Вот что привело меня сюда, князь Борис. И мне жаль, но есть одна вещь... Я думаю, вы – один из самых милых русских аристократов, кого я когда-либо встречал и кто никогда не принуждал меня к браку. Вы добры и умны, делаете такой чудесный кофе, и наверняка следите за тем, чтобы каждый из ваших слуг получил жареного гуся на Рождество. Это хорошо. Но плохо то, что вы страдаете этой ужасной болезнью, болезнью, которая

сокращает вашу жизнь. Вот только она вас теперь беспокоит меньше, не так ли?

Вдруг, резко развернувшись, Доктор уставился в окно, избегая смотреть Борису в глаза. Будто не осмеливался. Борис смотрел на него, лежа очень тихо и неподвижно, и каждое слово Доктора было для него словно удар зловещего колокола.

– Вы идете на поправку, – вновь заговорил Доктор. – Но я не думаю, что вы должны... Дело не только в вас, скорее...

Рори взял меня за руку. Он догадывался, что произойдет.

– Видите ли, это очень дорогое, престижное место. Нужно быть богатым, чтобы попасть сюда, – Доктор вздохнул. – Что в это время, как ни печально, означает – нужно быть влиятельным. У мамы Марии есть милый домик в Париже. Действительно очень милый домик в Париже. Можно сказать, дворец, не так ли, Мария?

Девочка печально кивнула. Она выглядела напуганной. Я поманила ее рукой, она подбежала и залезла мне на колени.

Нас было четверо напротив него. Четверо одиноких, испуганных людей таращатся на ужасного пришельца. Который никак не хочет заткнуться.

– Даже противный мистер Невилл на самом деле – член Парламента. В это верится с трудом, учитывая его дурные манеры за столом. Мне самому неприятно говорить об этом, но если он проживет еще с десятков лет, за эти десять лет люди подумают о его замене на кого-нибудь получше.

Доктор смолк, сунул руки в карманы, глядя из окна на бушующее море.

– Или вот тихоня Хелена Элквитин, – снова заговорил он, – она решает сложные логарифмические уравнения за десятилетие до того, как родится человек, который изобретет компьютер. Она просто уникальна – представьте, что будет, когда она закончит работу – у Наполеона появятся радары и радиоуправляемые ракеты.

Он строго взглянул на Марию и князя Бориса.

– Пожалуйста, немедленно забудьте все, что я сказал о Наполеоне и радарах, – велел он.

Князь по-прежнему делал вид, будто помирает от скуки, но я видела, что он сильно заинтересован.

Доктор меж тем продолжал:

– Каждый пациент здесь – часть того карточного домика, который зовется историей. Если бы здесь был хоть один человек, на которого я мог бы

взглянуть под другим углом... но нет. Это касается каждого из вас, – он печально вздохнул и повторил: – Каждого!

Доктор опустился на край кровати, не глядя на нас. Снаружи завыл ветер, хлопая раскрытым окном, гоня в комнату холодный воздух. Голос Доктора стал таким тихим, что я еле могла различить его в этом шуме.

– Иногда я ненавижу свою жизнь, – вздохнул он. Потом добавил: – Все свои жизни.

Тут заговорил Рори. Если я когда-нибудь забуду, за что я его люблю, так это только из-за подобных моментов. Когда нас обсчитывают в ресторане, или когда Доктора вместе с целой толпой невинных людей осуждают на смерть. Никто не знает, что сказать, и только Рори обязательно что-нибудь ляпнет, чтобы разрядить обстановку.

Сейчас мой муж выглядел таким же подавленным, как и Доктор, – неудивительно, учитывая то, что он носил воспоминания Доктора в своей голове.

– Это надо остановить – но что тому причиной?

– Только не доктор Блум, бедный старый недотепа, – фыркнул Доктор, намазывая икру на печенье и царапая его ножом снова и снова. Я знала, что он не собирается его есть. Ему лишь надо было занять чем-нибудь руки.

– Это те создания из моря, – заговорил он снова. – Их называют Знакомцами. Вы найдете их на протяжении всей истории Земли – в рассказах об одиноких путешественниках, которых вели через опасную трясину то фигура давно умершей любимой, то дух старого друга. Это одна из их разновидностей. Живые призраки, кочующие из мира в мир, разумные и очень чувствительные, зависящий от воды рой. Они... Самое ужасное – что они по сути своей благородны. Но... о, вы ведь знаете, каково это – вы приземляетесь на странной незнакомой планете, встречаете симпатичного незнакомца, который выглядит круто... их так легко обмануть. И что-то... здесь есть что-то или кто-то, имеющее отрицательное влияние на Знакомцев. Они сформировали мощную психическую связь с кем-то или чем-то неподалеку, и это не есть хорошо.

– Занятно, – пробормотал князь Борис.

Доктор начал крошить печенье, наблюдая, как крошки сыплются на покрывало. «Кому-то придется убирать этот мусор», – с грустью подумала я.

– Они даже не подозревают, что их используют, благослови их Бог, – сказал Доктор. Потом издал горестный стон. – Это все так запутанно, такой бардак!

Он всплеснул руками.

– Карты времени повсюду... – он грустно улыбнулся.

Борис начал было протестовать. Он напустил на себя аристократический вид, и это очень ему шло. Он сказал, что потребует от Блума объяснений, что происходило здесь все эти месяцы, он бушевал, кипел, угрожал, а потом резко затих.

– Косов, – вдруг сказал он.

– Да? – переспросил Доктор мягко и терпеливо. Вот всегда он так.

– Если я скажу вам, что у меня было трудное детство, вы мне, пожалуй, не поверите, – начал свой рассказ Борис. – Единственный сын очень богатых родителей, рос на всем готовом, в отличие от тысяч и тысяч детей, которые вынуждены были трудиться на моих полях, выдергивая овощи из мерзлой земли.

– На моей родине очень холодно, – пояснил Борис, помолчав. – Я никогда не оставался наедине с родителями. Всегда в больших, мрачных комнатах с пылающей печью и множеством наблюдающих за мной людей. Мой отец был строгим, всегда мрачным – если в его глазах и появлялся веселый блеск, то я всегда находился недостаточно близко от него, чтобы это заметить. А моя мама, о, когда я видел ее раз в день, она казалась мне богиней из другого мира. Все остальное время я проводил сначала в яслях, потом в школе. Единственным человеком, которому я нравился, который заботился обо мне, был Косов. Он работал конюхом, он смеялся и шутил, когда учил меня ездить верхом, и подбадривал меня, и гордился мной – словом, вел себя как мой второй отец. У него была своя семья, но он всегда был рад мне. Я любил это. Я любил его. Но странно, знаете, ты переезжаешь, получаешь от него подарки, но почему-то тебе трудно поинтересоваться, как живет твой старый конюх. А потом... потом ты заболеваешь, и ничего не можешь с этим поделать. Все мечты бесполезны и бессмысленны. Все кажется пустым и ненужным, а потом знакомая графиня на званом ужине нашептывает тебе об этом месте. Как это прекрасно, особенно когда рядом снова верный Косов, присматривающий за тобой.

Доктор кивнул.

– Вот видите? – спросил он, словно намекая на что-то, чему он не был рад.

– Вижу, – вздохнул Борис. – Может ли Косов быть связан с этими существами?

– Не знаю, – Доктор стоял, засунув руки в карманы, не отрывая взгляда от берега. – Я не уверен, что понимаю, что происходит. Но я готов к предположениям.

Мы заспорили. Насчет того, что нужно делать.

И мы не сразу поняли, что один из нас отсутствует. Рори.

Дневник Доктора Блума

7 декабря 1783

Катастрофа!

Я стоял на берегу вместе с Косовым и Пердитой. Моя жена хмурилась.

– Этот Доктор – не Знакомец, – сказал Косов печально. – Тот Доктор, созданный Морем, исчез

Он махнул рукой в сторону серой водной глади.

– Нам нужен Доктор.

Пердита мягко погладила его по руке.

– Не волнуйся – мы найдем его и мадам Понд. Мы найдем их всех.

Я хотел было возразить, но Пердита успокоила меня взглядом.

– Милый, ты слишком сильно волнуешься – лучше предоставь это нам.

Она всегда так добра ко мне.

Мы постояли там еще минуту, слушая Песню Моря, наблюдая за неспешно танцующими пациентами. Моросил небольшой дождь. Здесь часто моросит. А море было грязно-серым с белыми шапками пены, плывущими по поверхности, похожими на снежные вершины или спящих чаек.

Мы слышали кашель за нашими спинами.

– Здравствуйте, – сказал кто-то. – Вы позволите мне сказать вам пару слов?

Мы повернулись. Там стоял бедный Рори Вильямс. Он нервно помахал рукой.

«Какой он забавный», – подумал я. Его лицо казалось мягким и глупым, несмотря на то, что глаза были полны решимости. Косов дернулся было, чтобы схватить его, из его рта заструился туман, но я остановил его. Пердита выжидательно улыбнулась, и мистер Вильямс продолжил:

– Ну... я подумал, что надо пойти и поговорить с вами. Пока не... пока не произошло ничего неприятного.

Мистер Вильямс выглядел напуганным, казалось, он вот-вот убежит. Я вспомнил себя в детстве, как я боялся признаться отцу в воровстве соседских яблок. Мистер Вильямс отчаянно храбрился, совсем как я тогда.

– Я думаю, что будет правильно, будет справедливо и честно рассказать вам правду о Докторе, – сказал он.

Мы изумленно уставились на него. Он собирался предложить нам именно то, чего мы больше всего хотели. Море шуршало волнами и вдруг

замерло в ожидании. Мы нетерпеливо ждали. Некоторые мои клиенты утверждают, что я не очень терпеливый человек, но это неправда. Хороший врач быстро учится искусству ждать, плыть по течению, не вмешиваться. Много раз мне приходилось сидеть с умирающими. Я знаю, что, в конце концов, они успокаиваются. Но перед этим они кричат, плачут или смеются. Изредка умирающие просят сыграть с ними в карты.

И вот мистер Вильямс заговорил.

– Итак, – начал он, шаря глазами по берегу. – Доктор. Я теперь понимаю его очень хорошо, ибо я хранил частицы его сути в моей голове. Видите ли, то, что вы стараетесь делать, доктор Блум, очень хорошо. Вы стараетесь вылечить ужасную болезнь – и в вашем распоряжении есть все необходимое для этого. Свежий воздух, чистое белье, стерильные инструменты, все условия для отдыха. Но то, что там, в Море, что бы это ни было, – это неправильно и плохо. Оно использует вас. И сейчас я вижу сходство между вами и Доктором. Вы оба хотите как лучше. Вот только вы зачем-то дважды пытались его убить.

Я попытался было оспорить это ужасно несправедливое обвинение. Но мистер Вильямс продолжил, его голос стал тверже.

– Я хочу сказать, не беспокойтесь об этом. Я видел людей и... э... не совсем людей, которые причиняли ему куда больший вред, но к концу того же дня он приглашал их отведать пиццы. Он всегда всех прощает. Доктор просто потрясающий.

Заговорила Пердита, ее голос эхом разнесся по берегу.

– И мой муж такой, – сказала она мягко. – Мой муж – замечательный человек. Ваш Доктор хочет оставить нас в Средних веках. А мой муж изменит мир.

– Думаю, в этом-то и проблема, – вздохнул мистер Вильямс. Над его головой, тревожно крича, пролетела птица.

– Продолжайте, – улыбнулась ему моя жена.

– Дело в том, что если Доктор что-то решил, решил, что где-то что-то не так, он не успокоится, пока не добьется своего.

Мистер Вильямс скривился при этом, будто беспокоясь о чем-то своем.

– Видите ли, – продолжил он, – Доктор всегда побеждает. И если он решит, что должен остановить вас, то сделает это.

Мистер Вильямс обвел нас взглядом, слегка улыбаясь.

– Это всё? – спросила Пердита.

Он покачал головой.

– Я только... Вы делаете такое хорошее дело, и я вовсе не хотел бы, чтобы все это пошло прахом, ибо он... – он замолчал и начал царапать что-то носком ботинка на мокром песке. – Он не всегда бывает деликатным.

– Вы нам угрожаете, сэр? – поинтересовался я.

Он снова покачал головой.

– О нет. Правда, нет. Я только хочу сказать... Я люблю мирный способ решения проблем. Видите ли, когда Доктор и его противники садятся за стол переговоров, и таким образом все решают. Это было бы кстати. Потому что я сыт по горло альтернативными вариантами.

– Это какими же? – сладко спросила Пердита.

Мистер Вильямс ткнул пальцем в песок. Там было нацарапано слово «Взрыв».

– Как бы там ни было... – он пожал плечами, но не нервно, а печально, – я лишь хотел попробовать предупредить вас. Вижу, что не сработало, но я пытался... Хоть раз. Я уверен, он будет счастлив узнать, что он оказался прав. Потому что он всегда прав. Если с вами все ясно, я, пожалуй, пойду – пока вы не приказали вырубить меня или что похуже. До встречи.

И, ссутулившись, став при этом маленьким и жалким, Рори Вильямс повернулся и зашагал прочь.

Я смотрел ему вслед.

Он сделал несколько шагов и остановился. Сначала я подумал, что он собирается обернуться и сказать нам еще что-нибудь. Но вместо этого он закашлялся. Он кашлял снова и снова, обхватив себя руками, словно пытаясь сдержать этот кашель. Он боролся за глоток воздуха, но кашель не прекращался. Пердита взглянула на меня, ее глаза сияли торжеством.

– С вами все в порядке, мистер Вильямс? – как можно заботливее спросил я, подходя к нему.

Он стоял и смотрел на меня, все еще закрывая рукой рот. Потом он отнял руку от рта и в ужасе уставился на нее.

– Что со мной? – спросил он слабым голосом.

Я положил руку ему на плечо.

– Мистер Вильямс, – сказал я печально, – вы серьезно больны.

Он продолжал таращиться на свою ладонь. На ней была кровь.

Что вспомнила Эми

– Рори не моя комнатная собачка! – заорала я на Доктора.

– Лучше бы он был собачкой, – он был очень рассержен. – С собаками я могу ужиться, – он помолчал, потом спросил с надеждой: – А ты уверена, что тебе не нужен кот?

– Этим мы не вернем Рори, – непонимающе ответила я.

Он скривился.

– А кто сказал, что я хочу его вернуть? – поинтересовался он жестко. – Я всего лишь предлагаю альтернативные варианты. Например, милого маленького рыжего котика. Конечно, придется его кастрировать.

Он торжествующе улыбнулся.

– Я даже разрешу тебе придумать ему имя.

– Нет, мы найдем Рори, – непримиримо сказала я. – И потом кастрируем его, если тебе так хочется.

Потом до меня дошло, что именно я ляпнула.

Я плюхнулась на кровать. Князь Борис сочувственно погладил меня по руке.

– Вы давно замужем, моя дорогая? – спросил он.

Я заметила, что он пытается сделать Доктору намек в стиле «Ох уж эти женщины!» Я уличила его в этом, и он слегка покраснел.

Доктор указал на окно.

– Где-то там, Эми Понд, находится инопланетный разум, готовый разорвать в клочья человеческую историю. Ну, так кого ты выбираешь, чтобы отдать на растерзание этому разуму – почти тысячелетнего повелителя времени или высококвалифицированного медбрата?

– Не говори так! – прошипела я.

– Ну а что ты хочешь от меня услышать? – Доктор был в таком гневе, что почти дымился. – Ты молодец, что вышла замуж за простого медбрата, а не накопила полный набор любовников как Барбара Стрейзанд? Зачем вообще ты его выбрала? Разве в вашей деревне не было никого более подходящего?

– Только Джефф.

– А...

Я встала. И стояла долго, глядя Доктору в глаза. Это не так просто – играть в гляделки с Доктором. Не только потому, что он выше. Потому что

его взгляд – это... будто ты заглядываешь туда, куда смотреть запрещено. Когда я была маленькой, случилось солнечное затмение, и мы были вынуждены смотреть на солнце сквозь затемненные очки или карты с дырочками, чтобы не ослепнуть – и все равно некоторые умудрялись смотреть прямо на светило. На этот яростный, обжигающий свет, бьющий в глаза. Вот на что похож взгляд Доктора. Только у него еще при этом такие милые брови.

– Я выбрала Рори, и только Рори, потому что он похож на тебя, – крикнула я. – Он милый, понимающий, забавный и всегда старается творить добро. И вы оба бегаєте одинаково и в одном направлении.

– Вовсе нет, – возразил Доктор.

– А вот и да! – выкрикнула я. Последнее слово осталось за мной.

Доктор и я плюхнулись на софу напротив кровати князя Бориса, который изо всех сил старался делать вид, будто его тут нет, бедняга.

Доктор набрал воздуха, словно собираясь закричать, потом лягнул ногой пространство. Когда он заговорил снова, его голос был мягким.

– Ты на самом деле думаешь, что я такой? И точно уверена, что и он такой?

Я кивнула. Дело в том, что это очень непросто. Невозможно разговаривать о таких вещах с Доктором, потому что он всегда понимает их по-своему. Иногда у него странно обстоят дела с эмоциями. Словно он классифицирует их согласно справочнику Споттера⁹. «Это будет Гнев, это будет Страх, а это... у меня есть подозрение, что это – Любовь. Так-так-так».

Я представила его сидящим за столом и болтающим с друзьями-таймлордами (а у него есть такие друзья?), и говорящим: «Люди? Иногда ты можешь почти точно угадать, о чем они думают». А иногда кажется, будто он провел сто лет, проживая все эмоции, одну за другой и все одновременно.

Я даже не знаю, как описать все это наше «Доктор+Эми+Рори». Это похоже на... Даже не знаю. Ну к примеру.. Предположим, тебе всегда нравился Райан Рейнолдс¹⁰. Это и правда здорово. Ты встречаешь кого-то еще, который не совсем похож на Райана Рейнолдса, хотя у него такая же славная глуповатая улыбка. И ты думаешь: «Вот оно. Я счастлива». Затем появляется сам Райан Рейнолдс на доме-автофургоне и говорит: «Привет, ребята! Давайте отправимся в путешествие. Возьми с собой бойфренда.

⁹ Брит. психолог (прим. переводчика).

¹⁰ Брит. киноактер (прим. переводчика).

Будет весело». Вот только Райан Рейнолдс не спасает Вселенную. Во всяком случае, по выходным.

Я думаю, моя жизнь именно такая. Трястись в автофургоне, бросать странные взгляды на Райана-Доктора, сжимать руку любимого супруга, пристально разглядывая карту и гадая, куда отправимся на этот раз.

Пока я раздумывала над этим... ну, ничего особенного не произошло. Я имею в виду, я думала о многом, но это заняло лишь пару секунд – все эти мысли словно проносятся в моей голове со скоростью миллион миль в час. И Бог знает, что творится в мозгу Доктора. Я думаю, что его мозг похож на огромный адронный коллайдер на фабрике сладкой ваты.

Ясно, что мы молчали. Мы просто сидели там, на софе. Доктор и Эми Понд. Просто сидели, не спасая как обычно Вселенную. Не крича друг на друга. А это уже прогресс.

– Пожалуй, мы пойдем, – сказал, наконец, Доктор.

Князь Борис встал.

– Нет, нет, оставайтесь, – запротестовал он с театральным покашливанием. – Хотя я всего лишь умирающий князь, мне вовсе не трудно заварить для вас еще немного горячего чая.

Это предложение и растопило стену молчания между мной и Доктором.

Мы засуетились, помогая князю готовить и разливать чай. Все это время Мария сидела в углу, наблюдая за нами. Ее вытаращенные глаза были похожи на блюдца. Большие любопытные блюдца.

Она потянула Доктора за рукав.

– Это все настоящее? – вдруг спросила она.

Доктор наклонился к ней.

– А на ощупь оно кажется настоящим? – ответил он вопросом на вопрос.

Она кивнула.

Доктор мягко щелкнул ее по носу.

– Значит, оно настоящее, – сказал он. – Запомни это навсегда.

– Но... – она уставилась на него, пораженная тем, что это сказал ей взрослый. – Это ведь...

Доктор, все еще сгорбленный, усмехнулся.

– Мария, ты видела все своими собственными глазами. Не сомневайся в этом ни на миг. Когда вырастешь – помни это. Если ты это видишь и чувствуешь – оно настоящее. Оно существует.

Она кивнула, послушно и важно. Честно, он выкладывался на 110%, но все равно недалеко ушел от своего золотого правила «всегда будь сдержанным и замкнутым». Но я могу с уверенностью сказать, что с этого момента Доктор приобрел еще одного друга на всю жизнь.

Мария продолжала смотреть на него.

– Мне очень понравился месье Рори, – сказала она. – Он был очень добр ко мне. Пожалуйста, не бросайте его на произвол судьбы.

Доктор уставился на нее, моргнул и выхватил чашку свежесваренного чая из рук князя Бориса. Он бросил туда три кусочка сахара-рафинада, выпил залпом и поморщился.

Потом он взглянул на меня. Не обычным взглядом «Готовящаяся затея», но легким, хитрым. С самым легким, едва уловимым намеком «твоя взяла». И заговорил, очень, очень тихо.

– Эми Понд, собачки подождут. Мы идем спасать твоего мужа.

Рассказ Рори

Привет. Я Рори, и я умираю.

Вообще-то, я не сказал слишком много. Но теперь расплачиваюсь за это. Если честно, хотелось бы, чтобы на моем месте был кто-нибудь другой.

Это очень сложно. Я имею в виду, Эми всегда точно знает, что делать. Даже если и не знает, ведет себя так, будто знает. Она может выбежать из горящего космического корабля, смеясь. Поверьте мне, она делает это так непринужденно, словно находится в супермаркете.

А я... Каждый раз пролетаю, остаюсь не у дел.

Я люблю тебя, Эми Понд. Я это знаю.

И думаю, что и ты любишь меня. Иногда. Я иногда думаю, действительно ли ты любишь меня потому что любишь, или это лишь способ спастись от того, что встреча с Доктором сотворила с твоим детством. Если ты понимаешь, о чем я. Видишь ли, это меня немного злит. Злит, потому что я не люблю эту мысль, так как она ужасна, с какой стороны ни взгляни. Меня злит, что Доктор вскружил тебе голову, но если бы не он, возможно, мы бы не поженились. За это я должен быть ему благодарен. То, что я только что сказал – ложь, но то, что говорил до этого – правда. Вот.

Конечно, сейчас Доктор вскружил и мою голову, так что теперь я не знаю, что и думать.

Однажды Доктор отучил меня бросать мусор. Мы были на чудесной чужой планете. Гуляли по парку поющих пурпурных деревьев. И я кое-что бросил. Не подумайте ничего такого, не консервную банку или стекло. Обычную банановую кожуру.

Эффект же получился такой, словно я бросил гранату. Казалось, Доктор, шагавший впереди, не должен был ничего заметить, но он вдруг замер и повернулся, подозрительно глядя на меня.

– Что ты только что сделал? – спросил он.

– Ничего, – ответил я.

– Нет, правда, что? Никто никогда не делает совсем ничего, – не поверил он.

Я пожал плечами.

Доктор подошел ко мне.

Я почувствовал, как у меня пересохло в горле, и подумал, что, наверное, Далеки и другие враги Доктора ощущали в подобные моменты то же самое. Острое желание сходить по-маленькому.

Его взгляд медленно скользнул вниз, на траву.

Я проследил за его взглядом.

Банановая кожура.

Подбежала растрепанная Эми. Немного похожая на Тигру¹¹. Если только Тигра носит мини-юбки.

– Ой, ну пошли, Доктор. Это всего лишь банановая кожура.

– Да, – медленно ответил он. – Банановая. Кожура.

– Простите, – сказал я, – она биоразлагаема, но это ничего. Я сейчас подниму ее.

Пальцы Доктора впились в мое запястье.

– Повтори то слово на букву «б».

– Какое? Биоразлагаема?

– Да.

– Биоразлагаема, – нарочито писклявым голосом повторил я, надеясь развеселить его. Больше всего мне сейчас хотелось очутиться дома.

Последовавшие затем слова Доктора и его тон напомнили змеиное шипение. Он напомнил мне моего школьного учителя истории. Думаю, у всех был такой – который обожает ставить двойки и писать в тетради ехидные замечания красными чернилами.

– Это чужая планета. Совершенно уникальная экосистема. Мир, в котором до сего момента никогда не было бананов. А ты уронил здесь кожуру от одного, конечно, не нарочно, но все же...

– Я же сказал, прошу прощения, – робко сказал я. – Я ее подниму.

– Ты заразил эту планету, Рори. Представь только, что может случиться. Эта шкурка сгниет, но отдельные части прорастут, и вскоре на этом месте зашумят банановые заросли. Кто знает, что будет потом? Через 5 лет этот парк погибнет. Не станет поющих деревьев. Знаете ли, это единственные поющие деревья во Вселенной, таких больше не найдешь ни в одной звездной системе. Они настолько знамениты, что если много-много тысяч лет спустя, в эту солнечную систему прилетят две смертельно враждующие армии, то, как вы думаете, что они будут делать? Будут ли они воевать за эту планету? Нет, они приземлятся, полюбуются этими деревьями,

¹¹ Тигра – персонаж диснеевского мультика о Винни-Пухе (прим. переводчика).

наслаждаясь их пением. Они объявят перемирие в радиусе 300 ярдов слева от нас, спустя 5003 года с этого момента. Но нет. Этого не случится. Теперь уже нет. Вместо этого они найдут мертвый парк, и их война будет длиться тысячелетия, пока не будут истреблены обе цивилизации, миллиарды людей. А все потому, что кое-кто бросил банановую кожуру.

Воцарилась гнетущая тишина. Мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

– Подними ее, сейчас же! – резко сказал Доктор.

Я сунул злополучную кожуру в карман.

– Спасибо, – сказал Доктор. И озорно улыбнулся. – Ну конечно, ничего этого бы не случилось. Бананы – это хорошо. Я всегда это говорю.

Мы продолжили прогулку.

Вот видите, какие шуточки он любит шутить. Но с недавних пор я гадаю, осознает ли он, в какой кавардак он превратил жизнь Эми Понд? Это гениальный кавардак, кавардак, который я очень люблю, но только не знаю, понимает ли он, что это по его вине? И если понимает, не вызывает ли это у него бессонницу по ночам, как у меня?

Это только слова. Все это так сложно. Я даже не пытаюсь в этом разобраться.

Но вы только представьте, каково это. Ты стараешься сделать что-нибудь храброе, дерзкое. А злодеи, которых ты хотел запугать, оказываются нереально добрыми.

После того как я перестал кашлять, Доктор Блум отвел меня в свой кабинет. Он закрыл окно, и его жена протянула мне стакан с чем-то.

– Боюсь, это не бренди, – сказала она. – Это просто шерри.

Я глотнул его, не чувствуя вкуса. Я просто хотел избавиться от кашля. Это было непросто.

– Бедный мальчик, – сочувственно сказал доктор Блум. – Как долго вы себя так чувствуете?

Он протянул мне собственный носовой платочек. На нем были вышиты инициалы Й. Б. в окружении цветочков. Забавно. У меня в ушах зазвенело.

Странно. Ты работаешь в больнице, видишь все это. Благообразную пожилую леди, которая упала и ударилась головой, и очнулась в постели, крича и ругаясь на всех до тех пор, пока не умерла, словно она выпустила из себя весь гнев, накопившийся за 90 лет. Людей, становящихся хуже и

бледнее, но продолжающих хохотать над ситкомами¹². Тревогу, которая появляется на лицах пациентов, когда они думают, что их никто не видит. Матерей, которые каждый день приходят навещать больных детей и изо всех сил стараются скрыть беспокойство и страх.

Ты видишь, как люди по-разному реагируют на плохие новости. Некоторые – сразу в слезы. Другие начинают подшучивать над своей проблемой, и успокаиваются, лишь когда остаются одни. А иные замыкаются до самого конца.

Я думаю, и я такой. Слабый, тихий тип.

Я сидел в мягком кресле возле жаркого огня и откашливал кровь. И вдруг кашель постепенно начал отступать. Ненадолго. Затем он начался снова.

У меня туберкулез. Мои легкие пожираются изнутри. Медленно, но неуклонно и смертельно. Это странно. Я имею в виду, ведь эта болезнь существует и в 21 веке. И творит с людьми ужасные вещи. Но есть таблетки, антибиотики и прочие медицинские чудеса.

И вдруг я оказываюсь за 200 лет от всего этого. Сажу в кресле, пью шерри и сражаюсь за каждый вдох. Немного неловко.

У меня появилось странное ощущение. Будто мрачность всех этих мыслей давит на меня. Словно я сейчас умру, прямо сейчас, вдали от дома, от Эми...

– Сколько мне осталось? – слабо спросил я.

И зачем я это спросил?

Доктор Блум фыркнул и погладил меня по руке. Покровительственно, но не слишком заботливо. «Дорогой мой, не стоит сдаваться раньше времени. Вам повезло: вы находитесь в самом лучшем месте для лечения. Это ведь ваш первый приступ, не так ли?»

Склонившись надо мной, он приложил ухо к моей груди.

– Хм... Ауреолы слева разрушаются... Не обращайтесь внимания на мои слова. Все хорошо. Все нормально. Насколько я знаю. Просто дышите.

– Вы не можете избавить меня от кашля? – спросил я. Это действительно ужасно – кашлять кровью. Честно говорю.

Он печально покачал головой.

– Это пройдет само. Надо только потерпеть. Пейте. Расслабьтесь. Вы в очень надежных руках, мистер Вильямс.

¹² Ситком – ситуационная комедия, комедийный сериал (прим. переводчика).

Я упал обратно в кресло. И вдруг увидел их всех по-новому: такую добрую миссис Блум, мрачного Косова, воодушевленного доктора Блума.

– Что со мной будет? – спросил я.

Доктор Блум сел рядом со мной: «Не волнуйтесь. Просто расслабьтесь». Он ласково погладил меня по руке.

Я очень болен. Нахожусь во времени без антибиотиков. Без аспирина.

Я был так напуган. Я допил шерри, чувствуя, как он обжигает мне горло.

– Как я это подцепил? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Боюсь, что вы... Ну, это все-таки больница. Вас окружают больные.

Я кивнул. Что за глупый вопрос я задал! А еще медработник! Ну конечно, я заразился.

– Эми! – вскрикнул я. – Пожалуйста, найдите мою жену. Найдите мою жену и все ей расскажите!

Блум кивнул. Игры окончены.

– Конечно. Это самое простое, что мы можем для вас сделать. Куда я должен отправить милого Косова? Мне не очень-то хочется, чтобы он попусту шатался по клинике, пугая больных.

– В покои князя Бориса.

– А, да. Конечно.

Косов кивнул и вышел.

Блум наклонился ко мне.

– Не беспокойтесь, мистер Вильямс, – снова сказал он. – Вы в хороших руках. Просто сидите и расслабьтесь. Приступ пройдет, и мы начнем процедуры.

Мне было так страшно. Так страшно!

Внезапно меня озарила мысль: Доктор не позволит мне умереть, ведь так? Не бросит здесь в прошлом? Что ему стоит заскочить в ТАРДИС, найти аптечку, таблетки и...

И вдруг я опомнился. Я мог представить себе выражение лица Доктора, когда он узнает... Потому что я его уже видел. Грустное и сердитое.

Спасет ли он меня или оставит здесь умирать?

Потому что для него я всего лишь банановая шкурка на траве.

Письмо мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
7 декабря 1783*

Дорогой Октавиус!

Есть ли на свете что-то более непредсказуемое, чем женщины? Ты, небось, думаешь, что всякая будет рада, если ее парень чувствует себя лучше и при дыхании не шипит как дырявый шланг. Но нет! Только не наша драгоценная мисс Оливия Элквитин. Чертова красотка устроила мне холодный прием, когда я встретился с ней за завтраком.

Ее поведение просто непредсказуемо. А все из-за того, что я хожу на тот берег. Это ужасно несправедливо, что ей нельзя туда ходить. Я поговорил об этом с миссис Блум, и она сказала, что лечение показано не всем. А это действительно несправедливость – ведь даже худой сестре мисс Элквитин можно туда ходить.

Я подсел к Оливии за завтраком и попытался хоть как-то поухаживать за ней, но она этого не приняла.

– Я рада, что вы идете на поправку, сэр, – сказала она холодно, старательно уворачиваясь от моей руки.

– Да ерунда, Оливия, забудь, – сказал я, покраснев, ибо впервые обратился к ней на «ты». – Я просто хочу, чтобы ты была счастлива со мной!

– Вы не получите ничего, кроме моих наилучших пожеланий, мистер Невилл, – она отвесила холодный, издевательский поклон. Ну, если б кто-нибудь в Палате Общин посмел меня так оскорбить, я бы сшиб грубияна одним ударом, даже не задумываясь.

Вместо этого я просто склонил голову.

– Это ужасная несправедливость, что тебя не пускают на берег, моя дорогая, но я могу надавить на Блумов. Я не без влияния.

– Вот как? – она насмешливо изогнула бровь. – А разве вас не задевает, что лечение доступно лишь влиятельным людям?

– Нет, – ответил я не подумав. – Кроме того, здесь слишком много ненужных людей, не так ли? Всегда нужно что-нибудь вроде этого, чтобы проредить людское стадо.

Я не знаю почему, но она лишь моргнула, пожелала мне хорошего дня и ушла. Как я говорил, женщины – непредсказуемые создания!

Да и само лечение просто невероятное. Я вспоминаю о чудесном дневном сне и Стокере, псе, который жил у нас, когда я был ребенком. О, нет лучше собаки, чем преданный Стокер. От него, конечно, воняло псиной, но он был таким послушным. Забавно, что солидный человек вдруг вспомнил такие вещи.

А в целом, это место продолжает напоминать настоящий сумасшедший дом. Эти три новых постояльца оказались чокнутыми – двое парней притворялись один другим для жульничества или чего похуже. Я спрашиваю тебя, Октавиус: как подобный субъект может быть мужем леди? Такие вещи хороши для какого-нибудь варьете, а не знаменитого курорта. Конечно, один из этих парней стоит сейчас одной ногой в гробу, и поделом, если хочешь знать.

Как всегда, твой покорный слуга Генри Невилл.

Дневник доктора Блума

7 декабря 1783

Побеждай добротой! Иногда на врагов это действует так же, как и на трудных пациентов.

Доктор вошел в музыкальный зал. Нейтральная территория. Я поклонился ему.

– Я так рад, наконец, познакомиться с вами, мой дорогой сэр, – сказал я. Так вот он какой, думал я, оглядывая его с головы до ног, тот странный человек, которым так интересуется Море, с настолько интересным мозгом, что он его скрыл. А мы-то охотились то за Эми Понд, то за бедным больным мистером Вильямсом, а он был здесь все это время, обыгрывая нас по всем статьям.

Неужели то, что нашептал мне Косов, правда – то, что этот человек не только не из этого мира, не из этой страны, но и из другого времени?

Лично я считал, что он похож на довольно заносчивого студента из Женевы, вплоть до намеренно небрежной манеры одеваться. И его глаза – его глаза светились умом. Он действительно сделал все возможное, чтобы свести на нет попытки Знакомцев прочесть его – что заставило их возжелать этого еще больше. Они так сильно жаждали его, что я чувствовал, как они лезут в мои мысли. С усилием, я очистил мой рассудок.

Я заметил, что Доктор все еще стоял здесь, настороженно. В ожидании моих действий.

– Все в порядке, мой дорогой сэр, не волнуйтесь, – начал я. – Я велел Косову позвать вас с самыми добрыми намерениями, – я тепло улыбнулся. – Если бы у меня был белый флаг, я бы помахал им.

– Продолжайте, – он казался высокомерным и самодовольным. Ну что ж, потерпим еще минуту. Я кивнул Пердите, и мой милый ангел поставил перед нами две кружки дымящегося горячего шоколада. Доктор сел, царапнув краешком своего железного стула по плиткам пола, и с беспокойством огляделся по сторонам прежде чем устроиться поудобнее, настороженно, как пойманный зверь.

– Ну, я должен сказать, это все очень мило и цивилизованно, но без зефира немного не то, – Доктор недовольно рассматривал чашку с шоколадом, которую моя Пердита поставила перед ним. Я проигнорировал эту грубость.

– Все то, месье, он прекрасен, я вас уверяю. Пердита делает просто бесподобный горячий шоколад.

Доктор осторожно сделал глоток и затем улыбнулся. Он кивнул Пердите.

– Прекрасно, мадам. Мои поздравления. И не отравлено.

Пердита кивнула и улыбнулась ему в ответ куда с большей вежливостью, чем он заслуживал.

Я хмыкнул.

– Ну же, Доктор. Нейтральная территория, сэр.

Доктор гневно уставился на меня.

– Ну-ну, будьте же благоразумны, – сказал я, разведя руками.

Доктор хлопнул кулаком по столу. Его чашка подпрыгнула. Из нее вылилось немного шоколада.

– Я благоразумен. Где Рори?

– Он... недееспособен.

– Что это значит? Вы похитили его?

– Совсем нет... Мне жаль... – промямлил я. Да, непросто делать это. Сообщать плохие новости. Даже тем, кого на дух не переносишь. Я всегда ненавидел причинять другим боль. Физическую или душевную. Иногда душевная боль тяжелее физического удара.

– Ваш друг, мистер Вильямс... – продолжил я.

– Что вы с ним сделали?

– Ничего. Поверьте мне, дорогой сэр. Но он нездоров.

– Что?! – Доктор побледнел.

– Увы, – я постарался придать своему лицу наиболее сочувственное выражение. – У него запущенная стадия чахотки.

Доктор хотел было что-то сказать, но передумал. Он таращился на меня. В некоторой степени, мне было даже приятно. Он не сказал: «Вы ошибаетесь», «Вы лжете», «Это какая-то ошибка». Он просто смотрел на меня. И кивал.

– Это не вы заразили его? – спросил он, наконец.

– Клянусь, что нет. Я давал клятву Гиппократу. Я обязался не причинять вред окружающим.

– Но как... как он ее подцепил?

– Ну а как любой другой человек может подцепить эту ужасную болезнь? – вопросом на вопрос ответил я. – Я посвятил всю свою жизнь избавлению от нее. И вы это знаете.

– Это... – Доктор встал и выглянул из окна на море. Он нашел единственный повод, чтобы придаться ко мне. Он хотел закрыть мою клинику. Клинику, в которой и только в которой мог получить исцеление его друг. – Это очень удобно, – наконец, продолжил он.

– Не без этого, – согласился я.

– И все же, все же... Если бы я сказал вам, что есть сила, управляющая событиями... ведущая нас к этому... Ну, вы уловили мою мысль?

– Уловил, да.

– И, если бы я сказал вам: «Что бы вам ни обещали, не доверяйте!», вы поверили бы мне?

Я окинул Доктора взглядом, настороженно, прежде чем ответить. Что он был за человек, удивлялся я.

– Я отдал свою жизнь на службу Прогрессу, месье, – ответил я. – Конечно, вы замечаете, что иногда сама Судьба подталкивает нас к этому? Посмотрите на те счастливые совпадения, которые и привели к торжеству прогресса – например, перед тем как изобрести колесо, люди увидели бревно, катящееся по склону. Секрет выпечки хлеба, тайна свечи... возможно, их открытию поспособствовал животный жир, попавший в огонь и сгоревший, или мука, ставшая влажной в жаркий день. Но представьте руку, висящую над миром, перемешивающую эти события... это замечательная рука, и иногда мы можем заметить ее вмешательство.

Доктор упрямо покачал головой.

– Это не Судьба сделала моего друга больным.

– Может быть, в этом случае, месье, как раз и сделала. Чтобы вы увидели более полную картину.

– Итак... Мне следует позволить вам вылечить его? – Доктор встал, с грохотом отодвинув стул. – Спасибо за шоколад. Это куда приятнее, чем направленное на меня ружье. А Эми может навестить его?

Я развел руками.

– Почему нет?

Рассказ Рори

Я был на берегу. В кресле. Ветер завывал, дул все сильнее. Надвигался шторм. Надо мной склонилась Эми.

– Привет, милый. Я поправила твоё одеяло.

– Спасибо, – ответил я, стараясь не кашлять. – Здесь не очень холодно, если привыкнуть.

Она кивнула.

– Да.

– Ты выглядишь очень красиво, – сказал я ей, – с этими развевающимися на ветру волосами...

Она рассмеялась.

– Спасибо. У меня осенний имидж – рыжая, бледная и интересная. Как ты себя чувствуешь?

Я кашлянул.

– Испуганным, – я постарался улыбнуться.

В отдалении я слышал пение – или, скорее, странный мелодичный шум, который казался смутно знакомым.

Она обняла меня.

– Мне тоже страшно.

– Я немного растерян, – признался я. – Мне как-то не доводилось слышать о заболевании туберкулезом в Лидворте.

Она улыбнулась.

– Ну да.

– Это все равно что услышать о вспышке бубонной чумы. Или цинги, знаешь ли.

– Да, – она была странно немногословна.

– Я даже рад, что не вполне понимаю, что со мной, – слабо улыбнулся я. – Медики – самые ужасные и несносные пациенты. Мы всегда знаем, что с нами творится и почему. Это ужасно.

– Хотя ты выглядишь неплохо для больного, – она ободряюще сжала мое плечо.

– В некотором роде. Но я не понимаю, почему. Я всего лишь сижу на берегу... – я попытался пожать плечами, но это было нелегко.

– Думаю, это хорошо.

– Ты думаешь, Эми?

– Я не знаю. Это так странно. Такое чувство, что должно случиться что-то ужасное, – Эми замолчала и неловко переступила с ноги на ногу. – Это... Ты думаешь, Доктор прав? Ты согласен с ним, что это нужно прекратить?

Я взглянул на Эми. Потом оглядел весь берег вокруг нас. Ветер теребил одинокие клочки травы. Немного поодаль от нас сидели другие больные, спящие, кивающие головами, тихо что-то бормоча, или дремлющие в своих креслах.

Потом посмотрел на странное море.

– Я не знаю, – наконец, ответил я. – Мне так страшно. Я даже не могу мыслить трезво, – я помолчал. – Понимаешь, я должен был бы сейчас сказать, что Доктор спасет меня. Но сейчас я в этом что-то не уверен.

– Ты ему доверяешь?

– Главное, что ему доверяешь ты.

– Ладно. Но что, если я... если я скажу тебе, что я не совсем согласна с ним? Я не считаю, что он прав на этот раз.

Что, если я скажу, что не считаю эту клинику плохой? А Доктор хочет ее закрыть. То есть позволить всем здесь умереть. Это ведь несправедливо, не так ли?

Говоря это, она подтянула одеяло, расправляя его.

Я рассмеялся.

– Мы должны спасать планеты и людей, – сказал я. – Вот почему мы путешествуем во времени.

Эми повторила эти слова, кивая.

– Разве? – усмехнулась она.

– Ну да. Хотя он никогда прямо этого не говорил. Это просто происходит с нами, не так ли? Мы попадаем куда-нибудь, а когда улетаем, жизнь в этом месте налаживается. Помнишь то кафе?

– Какое?

– То, где повар не умел готовить омлет.

– Ах да, – Эми улыбнулась. Легкой сдержанной улыбкой, будто делала мне одолжение.

– А Док сказал ему: «Клод, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц», затем научил его делать по-настоящему вкусный омлет, попутно рассказывая нам о завтраках с Наполеоном, Черчиллем и Клеопатрой. А мы ели омлеты. Много омлетов.

Эми с усмешкой кивнула.

– Получается, что мы даже позавтракать не можем без его попыток что-нибудь улучшить. Но в то же время...

– Нельзя это сделать, не разбив яиц, – закончила за меня Эми.

– Ага, – согласился я.

Я заметил надвигающийся на берег туман, мягко светящийся.

– Он приближается, – сказала Эми.

– Вижу.

– Боишься?

– Немного.

– Не бойся, – успокоила она меня. – Я здесь, с тобой.

Эми обняла меня, и мне стало немного легче. Туман окутал нас обоих, странно зеленый.

– Эми... – позвал я.

– Ш-ш-ш! – зашипела она вместо ответа.

Рори Вильямс. Сидящий на кресле-каталке. На берегу моря. Почти поглощенный инопланетным туманом. Для моего же блага. Вместе с женой, которая поддерживает меня.

Еще кое-что.

Одна вещь, о которой я забыл сказать.

Никто из нас не упомянул того, что я привязан к этому креслу.

– Ты не настоящая Эми, не так ли? – спросил я.

– Ш-ш-ш, молчи! – прошипела она мне в ухо, и туман поглотил нас, полностью отрезав от внешнего мира.

Дневник Доктора Блума

7 декабря 1783

Какая наглость!

Косов сказал мне, что за мной его послал Князь Борис. Послал за мной! Я ему не слуга!

Мгновение я раздумывал, не отказать ли, но Пердита настояла на этом визите.

– Будет очень невежливо, если ты не пойдешь, – сказала она. – Он ведь содержит всю клинику, милый.

Ну да, в ее словах была доля правды.

– Как вы себя чувствуете, Ваше Высочество? – спросил я в своей лучшей профессиональной манере, безотказной, как старая удобная куртка.

Он словно не заметил моей почтительности.

– Ах! Милый доктор Блум, знаете ли, я чувствую себя превосходно! Косов и я, – он фыркнул, – очень многим обязаны вам, честно.

На мгновение он закрыл глаза, словно от усталости. Этот мерзавец такой ленивый, что я удивлюсь, как ему не лень дышать.

– Я чувствую себя таким окрыленным! – добавил он, зевнув.

– Конечно, сэр, – ответил я. Честно сказать, мне некогда было болтать с ним, слушая его восторженные излияния. Мистер Вильямс был на берегу, рассказывая Морю все, что знал, а Доктор и Эми... они очень скоро будут согласны на все мои условия. Но сейчас я был вынужден изображать внимание к этому зевающему глупцу.

– Вы ведь звали меня, чем я могу быть вам полезным? – я постарался говорить ровным голосом, не показывая своего нетерпения.

Князь Борис, на мгновение задремавший, медленно открыл один глаз.

– Честно сказать, мой дорогой Блум, это я могу быть вам полезен, – сказал он с усмешкой. – Наконец-то я снова чувствую себя человеком, здоровым человеком, впервые за все эти годы. Моя голова ясная. Мои легкие чистые. И всем этим я обязан вам. Поэтому, мой дорогой сэр, я должен вас отблагодарить за это. Вручить маленький подарок.

Он так понизил голос, что он, казалось, касался пола.

Затем он дотянулся до нижней полки своего стола и вытащил оттуда нечто, завернутое в шелк. Он неспешно распаковал Это, затем бросил на свой

поднос с завтраком, на который Оно упало с громким металлическим бряканьем.

Я уставился на Это. В ужасе.

Князь Борис фыркнул, наблюдая за моей реакцией.

– Что же вы, Блум, соберитесь, думаю, вы уже имели дело с подобными вещами, – сказал он.

Я покачал головой.

– Ну ничего, научитесь, – хмыкнул он. – Берите, дарю. Его сделал для меня лучший оружейник Петербурга.

– И вы привезли Это с собой в мое учреждение? – спросил я. Я был в шоке, иначе не задавал бы такие глупые, очевидные вопросы. Конечно же, привез. Оно было здесь. Пистолет лежал на подносе, выглядя странно на фоне яичной скорлупы, остывшего тоста и чайных ложечек.

Князь даже не потрудился ответить. Он поднял оружие и начал поворачивать его, наблюдая, как оно блестит на свету.

– Это чудесный пистолетик, Блум, – сказал он. – И скоро настанет время, когда он вам понадобится.

– Никогда! – вырвалось у меня.

Борис мрачно покачал головой.

– Вы ведь любите свою жену, не так ли? – спросил он вдруг.

Я потребовал, чтобы он объяснился.

Он прочистил горло, прежде чем ответить.

– Я не претендую на должность предсказателя будущего, но, Блум, я повидал многое, – сказал он. – Много ужасных вещей. Позвольте мне сделать предсказание. Очень скоро кто-то захочет убить вашу жену. Смею надеяться, что это ему не удастся. Но если что... – Он вложил пистолет в мои руки. Он был холодным, смертельно холодным. – Я хочу, чтобы вы были предупреждены и вооружены.

Его голос дрогнул. Я уставился на него, на пистолет, снова на него. Он отвечал мне немигающим взглядом.

Потом качнул головой, с мрачной серьезностью.

– Пожалуйста, Блум, – сказал он. – Возьмите этот пистолет. И прислушайтесь к моим словам.

Он был таким жестким. Словно подписывал смертный приговор.

Я взял пистолет, вновь завернув в шелк, сунул в карман, и замер, не зная, что делать дальше. Такого в моей практике еще не бывало. Только

представьте: сначала человек говорит вам, что кто-то собирается убить вашу жену, а потом дает вам оружие. Я не знал, как на это реагировать. И, чтобы скрыть свое замешательство, я начал говорить ему банальности о его лечении. Я даже поправил его подушки, и затем я покинул его комнату самым быстрым шагом.

Когда я спускался по лестнице, пистолет оттягивал карман моего жакета, словно пытаюсь вырваться из него при каждом моем шаге.

Я вернулся в свой кабинет и тяжело опустился в кресло.

Убедившись, что я один, я вытащил оружие из кармана и начал вращать в руке, наблюдая за бликами от света свечи.

«Кто-то захочет убить вашу жену...»

Что вспомнила Эми

Я села, онемев.

Доктор повторил свою последнюю реплику, но в моей голове стоял странный гул, мешающий мне сосредоточиться.

– Мне холодно, – сказала я, обхватив руками плечи.

Оказалось, это был совсем не тот ответ, какого от меня ждал Доктор.

– Ты слышала, что я сказал о Рори? – его голос был тихим и мягким.

Я кивнула.

– Да. Но мне холодно, правда, очень холодно.

– Вижу, – Доктор осмотрел музыкальный зал. От окна тянуло холодом, и, казалось, моросил дождь. Ну да. Крупные тяжелые капли дождя барабанили по грязной прозрачной крыше. Забавно, грязь может оказаться где угодно – даже на стеклянной крыше.

Я уверена, что в музыкальном зале было прохладно даже летом – он не был похож на теплицу, скорее на затейливую беседку, прилипшую к стене здания. И битком набитую растениями. И все они выглядели так, словно нуждались в теплом одеяле и чашке горячего какао.

Доктор стоял надо мной, сосредоточенно разминая пальцы.

– Со мной все в порядке, Доктор, – сказала я. – Я не в шоке. Я просто хочу узнать, что нам теперь делать, – я сделала глубокий вдох. – Итак, Рори умирает?

– Ну... – замялся мой друг.

– Да или нет?

– Он... Эми... мне жаль... – на него было жалко смотреть.

– Ладно. Я только хотела знать. Могу ли я увидеть его? Где он?

– Я не знаю.

– Что? Мы все время его теряем. Нельзя ли дать ему какого-нибудь космического лекарства из ТАРДИС?

Доктор скорчил кислую гримасу.

– Ну...

– Что?

– Мы потеряли и ТАРДИС.

Я была в ярости. Мой муж умирает, мы застряли в прошлом, а Доктор так возмутительно спокоен!

– Должно быть, кто-то угнал ее! – предположила я.

– Вовсе нет, – Доктор смутился. – Это такая система... Если ТАРДИС чувствует беду, то стремится покинуть место происшествия. При первых признаках опасности она убегает за кулисы.

– И чья же это гениальная идея?

Доктор сглотнул. Он часто заявляет, что является последним представителем самой продвинутой расы во Вселенной. Иногда я в этом сильно сомневаюсь.

– Ну, на бумаге это выглядит неплохо. Но когда твоя жизнь – сплошное «Убить Доктора!», иметь корабль, который прыгает на пару сотен лет влево именно когда ты больше всего в нем нуждаешься – более чем неудобно. Эта система в большинстве случаев выключена. Но когда мы падали, то перегрузили кабель программного передатчика, что и включило систему. Старая добрая Система Избегания Враждебных Действий. Я скучаю по тебе, как по дырке в голове!

Доктор начал размахивать руками, как ветряк крыльями, что он обычно делал в крайнем замешательстве.

– И где ТАРДИС сейчас? – спросила я. Пропала единственная вещь, которая могла спасти Рори, а Доктор казался лишь слегка смущенным.

– Ну... – Доктор выглядел так, словно с радостью ответил бы на любой другой вопрос. – Здесь ее точно нет. Думаю, она переместилась во времени.

– То есть она нам не поможет?

– Увы, нет, но, я думаю, она улетела не слишком далеко, – он поднял вверх два больших пальца, словно это была хорошая новость. – Переводческие соединения все еще работают, что означает, что тебе не придется в спешке учить французский. А мне – английский. А это уже кое-что.

– Подожди... что?!

Вы, наверно, не раз видели малышей, бегающих по супермаркету, и осаждающих взрослых вечными вопросами типа «Почему апельсины оранжевые?» и «Можно печенючку?», пока их родители пытаются делать покупки. Иногда мне кажется, что Доктор воспринимает меня именно так. Сейчас был именно такой момент. Я кричу: «Спаси Рори! Мы застряли в прошлом!» А Доктор пытается прочесть срок годности на упаковке лекарства для желудка.

– Сейчас не это важно, – он, казалось, прочел мои мысли. – Вопрос в том, вернется ли ТАРДИС, или ее поймали Знакомцы.

– Таким образом, картина такова – у нас нет лекарств из ТАРДИС, равно как и самой ТАРДИС, – подытожила я. – Единственная надежда для Рори – лечение доктора Блума.

Доктор слегка занервничал.

– Видишь ли, – начал он, – иногда, когда кто-то говорит тебе вещи, которые тебе не нравятся, ты словно отмечаешь их. Но если подумать... ну...

Я похолодела от страха.

– Он же не на берегу, так?

Доктор мрачно кивнул.

– Боюсь, что он именно там.

Я потрясла его за плечо.

– Ты спятил? Тогда чего ты расселся? Идем спасать его! – иногда ему просто необходим толчок извне, чтоб его!

– Нет.

– Что?! – мой желудок сжался. Мой Рори! Доктор просто не понимает. Рори очень важен.

Он начал объяснять:

– Если он уже там, то берег – последнее место, куда мы можем пойти. Мы опоздали. Они уже читают его.

– Но мы уже были на берегу! – попыталась возразить я.

– И каждый раз я вас защищал! – Доктор применил свой излюбленный «благоразумный» тон. Это жутко раздражало. – Эми, если они начали его читать, я не смогу это остановить.

– Что они с ним сделают? И вообще, зачем он им? – я отчаянно сглотнула. – Он просто Рори, самый обыкновенный...

Рука Доктора погладила меня по подбородку.

– Нет, Рори не просто обыкновенный, Понд. Больше нет. Он видел время, пространство, Вселенную. Он знает обо мне, о тебе, о ТАРДИС. Только представь, что он может им рассказать.

Я представила.

А потом вырвалась из рук Доктора и бросилась к двери. Мне нужно попасть на берег! Нужно спасти моего мужа. Сейчас же.

Доктор схватил меня за волосы. Сначала я брыкалась, как мультяшный персонаж. Потом взвыла от боли и бессилия.

– Прости, – сказал он.

Я начала бить и пинать его, плача и ругаясь. А он продолжал держать меня. Крохотной частичкой моего разума я осознавала, что дальше по коридору сестры Элквитин играли на скрипках, что на дворе бушевал шторм, что ковер не мешало бы пропылесосить... Но всеми прочими фибрами моего существа я жутко ненавидела Доктора.

Он склонился ко мне, коснувшись своим лбом моего.

– Просто подумай об этом, – сказал он ласково. – Подумай обо всем, что ты знаешь. О том, что знаю я... и о том, что знает Рори.

Я сглотнула. А потом меня одолел приступ неудержимой икоты. Я смотрела на Доктора, жутко злая на него. И икала.

– Он не знает так много, как я или ты! – прокричала я в перерыве между иканиями. – Вот что. Я иду сейчас туда. Я предлагаю им себя в обмен на мужа. Если ты такой трус...

На последнем слове Доктор опустил голову.

Я снова икнула.

– Эми Понд, – сказал он, – постарайся успокоиться. Дыши глубже.

– Я не хочу успокаиваться! – заорала я. – Это важно! У Рори высасывают мысли, а мы просто стоим...

– Икая, – хмыкнул он.

– Да.

Мы стояли, зло глядя друг на друга. Я снова икнула.

– Я серьезно, – сказал Доктор терпеливо. – Я знаю, сейчас не лучшее время для нотаций, но все же успокойся и дыши глубже.

Я стояла рядом. Икая и браня его.

– Рори знает многое... но не все, – протянул он. – Он для них – вкусная маленькая закуска. Он заставит их еще больше жаждать меня, и таким образом удержит их от причинения ему вреда.

Икнув, я удивленно уставилась на него.

– С ним все будет в порядке, честно, – Доктор улыбнулся. – Они исцелят его. Сделают все возможное, чтобы он был жив. Потому что как только они прочтут его, они поймут, что им лучше меня не злить.

Я кивнула. И снова икнула. Он погладил меня по щеке. Его руки были ледяными.

– Мне очень жаль, Эми Понд, – улыбка Доктора увяла. – Это неправильно. Я знаю. Но это лучшее, что я могу сделать. Правда, – он сжал

мои плечи. – Это все, что я смог придумать. Мне жаль, что так вышло с Рори. И прости меня за это...

Я так и не поняла, откуда он выудил этот кубик льда. Но почувствовала, как этот кубик скользнул мне за шиворот. Я ойкнула и перестала икать.

– Ну вот, – Доктор пощекотал мне подбородок. – Одну проблему решили. Если бы все было так просто...

Дневник доктора Блума

7 декабря 1783

Всё, что я хочу рассказать... Впрочем, когда я прошу мирной жизни, я ведь не требую слишком многого, не так ли?

Ничего сверхъестественного – просто всё наконец-то идет по плану. Создание из Моря заверило меня, что, когда оно сможет прочесть мысли мистера Вильямса, оно получит всё, что им нужно. Я следовал всем его инструкциям. Мы заключили сделку. Я отдавал ему своих пациентов, а оно исцеляло их.

Бывали моменты, когда меня одолевали сомнения, правильно ли я поступаю. Но рядом со мной, к счастью, всегда была Пердита, моя верная Пердита, приходившая ко мне, ободряюще сжимавшая мою руку и убеждавшая меня, что всё к лучшему.

Это не всегда было просто. Иногда в клинику приходил пациент, отчаянно нуждавшийся в исцелении, и я приказывал отвести его на берег, чтобы потом получить из Моря сообщение: «Боюсь, у него нет ничего, что нам нужно». И мне не оставалось ничего, кроме как наблюдать за его смертью.

В начале все было совсем иначе. Сначала Море хотело всех. Всех, кого я мог ему предложить. Затем оно стало привередливым.

Мой брат – такой же привереда в еде, он ест только рыбное филе, определенные куски мяса, картофель и морковь.

Забавно, но я заметил, что подобные привереды ничего не имеют против пудингов. Странно. Вот и с Морем было то же самое – оно начало отказывать простым людям, пусть даже и имевшим деньги, чтобы заплатить за лечение в моей клинике. Оно требовало только влиятельных людей – из армии или из правительства. И их всегда было недостаточно.

Я спрашивал, часто спрашивал: «Может, вам достаточно этих людей? Не могли бы вы начать исцелять и прочих, пожалуйста?» И получал ответ: «Скоро, скоро, но сначала мы должны получше узнать ваш мир. Нам нужно больше информации».

И я давал им еще.

Я не могу не признать, что это идет вразрез с моими принципами как медика. Люди должны быть вылечены, независимо от их происхождения и профессии. Но бесполезно, стоя на берегу, читать Морю лекции по

медицинской этике. Есть легенда о короле, который захотел проверить свое могущество, приказав приливу отступить. Он стоял на берегу, крича на воду, пока не утонул. У меня то же самое. Море довольно быстро дало мне понять, что им нельзя командовать. Оно сказала об этом дружелюбно, но довольно твердо.

Оно очень заинтересовалось князем Борисом. Вот почему оно приставило к нему Косова, чтобы следить за ним круглосуточно. Вот что оно сказала о князе: «Этот человек... особо интересен для нас. Он ленивый и сонный, но... он влиятельный и его семья очень жестокая. Под его ленью скрывается гений. Военный гений. Он может сделать многое. Для нас. Ждем не дождемся, пока не сделаем его здоровым. И телом, и умом».

Я подчинился им. Разве у меня был выбор?

Наконец-то, подумал я, я могу расслабиться. Просто сидеть в кресле, смотреть на огонь в камине и ни о чем не думать. Мы узнали всё, что нужно от бедного мистера Вильямса. Князь Борис под полным контролем Косова. Мы наконец-то победили. Мы испугали даже Доктора – теперь он знает, что если не поможет нам, мы не исцелим мистера Вильямса.

В общем, всё идет по плану, не так ли? Случай с пистолетом и предупреждение князя Бориса беспокоили меня, но я упорно отгонял эти мысли. Куда лучше просто сидеть у огня, упиваясь долгожданной победой.

«Кто-то захочет убить вашу жену...»

Эта жуткая мысль продолжает преследовать меня, даже когда я сижу у огня. Ну ни минуты покоя!

Что вспомнила Эми

Мы вошли в столовую, которая была почти безлюдной. От струнного квартета осталась только худая сестра Элквитин, играющая на скрипке в перерывах между приступами кашля. В разных концах столовой сидели несколько больных, бледных как привидения, так вжавшихся в свои стулья, будто собирались драться за них не на жизнь, а на смерть. В углу беззубая старушка хлебала бульон из пиалы с таким видом, словно это был последний прием пищи в ее жизни.

– Значит, исцеление получают не все? – спросила я Доктора.

Он печально передернул плечами.

– Только влиятельные люди. Вот еще одна причина, по которой мне не нравится то, что здесь происходит.

– Ты уверен, что Рори в безопасности?

– О да, – отмахнулся Доктор. – Он не сможет рассказать им ничего особо важного. Не волнуйся. Доверься мне. Когда они поймут, что он для них бесполезен, они отпустят его. Это будет чудесно. Особенно после того, что я сделаю сейчас.

Он потер руки и громко откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

Мисс Элквитин перестала пикировать, и в столовой воцарилась тишина.

– Леди и джентльмены, девочки и мальчики! – начал Доктор, – Если позволите, я хотел бы сообщить вам кое-что.

Он напомнил мне Эркюля Пуаро¹³, когда тот готовится рассказать собравшимся, кто убийца. Поначалу присутствующих в столовой не сильно заинтересовало это объявление Дока. Но Доктор продолжил. Он рассказал им многое – и кто он такой, и кто они, и почему они здесь. В общем, обо всем.

– Самое главное – то, что вы все больны ужасной болезнью, и явились сюда в надежде получить исцеление. Некоторые из вас до сих пор его ждут. Должен вас огорчить – лечение вам не поможет, потому что скоро прекратится, – сообщил он печально.

Как раз на этих его словах в комнату проскользнули несколько медсестер и санитаров с напряженными лицами. Доктор меж тем продолжал:

– Все мы знаем, что рано или поздно придет время умирать. И с прискорбием должен сообщить вам – ваше время уже пришло. Вы все

¹³ Детектив, герой произведений Агаты Кристи (прим. переводчика).

родились слишком рано. Доктор Блум – милейший человек, но его метод лечения больше не будет действовать. Потому что нельзя это ему позволять.

Хелена Элквитин с трудом приподнялась, дрожа всем телом, и указала смычком на Доктора. Казалось, она вот-вот заговорит, но нет, она снова опустилась на место.

Высокий бледнокожий мужчина начал кричать на Доктора:

– Что вы такое говорите? Что мы умираем? – он засмеялся хриплым, нездоровым смехом. – Мы знаем это уже много лет. Но некоторые из нас... некоторые из нас начали надеяться, что в один прекрасный день они будут здоровы.

Доктор вздохнул.

– К сожалению, я здесь для того, чтобы убить эту надежду.

Это прозвучало так ужасно. Атмосфера в комнате резко накалилась.

– Эта толпа отчаявшихся опасна! – шепнула я Доктору.

Он кинул на меня яростный взгляд.

– Не сейчас, Эми. – шепнул он.

Я вздохнула. Но он уже отвернулся к ним, медленно расхаживая по комнате, как будто у него была уйма времени, наклоняясь к каждому и беседуя с ним так терпеливо и ласково. Пытаясь договориться с ними, объяснить им свою правоту. И у него это неплохо получалось, должна признаться. Он убеждал, ободрял, умасливал. Но при этом сообщал им очень плохие новости.

Пока Доктор разглагольствовал, я заметила, что в комнате появились другие пациенты, пришедшие послушать его. Вошел мистер Невилл в сопровождении полненькой сестры Элквитин. Доктор подошел к низенькому хилому старичку, который печально качал головой. Я начала делать ему знаки, что нам пора уходить, что наше время вышло.

– Вот какие эти люди, Эми, – сказал Доктор, поправляя одеяло старичка. Он погладил мужчину по колену.

К нему подошла Оливия Элквитин, дрожа от ярости.

– Что, если вы лжете? – прошипела она, тыча в него пухлым пальцем.

Доктор взглянул на нее с жутким спокойствием. Это как затишье перед бурей, когда вот-вот разразится ливень, и остаются доли секунды до того, как разверзнутся небеса. Мир замирает, готовясь к этому. Таким и было спокойствие Доктора.

– Оливия, вы же знаете, я не лгу. Вы знаете. Мне жаль, – он потрепал ее по плечу.

Рядом стоял мистер Невилл, страшно испуганный. Он был старый, обрюзгший и огромный, но теперь он напоминал перепуганного мальчишку. Оливия ободряюще сжала его руку.

В этот момент в комнату ворвались доктор Блум с женой. Они были жутко разозлены. Доктор Блум был на взводе, но миссис Блум перещеголяла его.

– Мой дорогой Доктор! – прокричала она. – Как вы думаете, что вы творите? – Она с жуткой улыбкой оглядела всю комнату. – О Боже, то ли еще будет! Вам не следовало бы совать нос не в свои дела, знаете ли?

Она взяла Доктора за рукав, крепко его сжав.

– Не волнуйтесь, господа, – сказала она пациентам, – просто у этого бедолаги было жуткое сотрясение мозга. И будет лучше, если он вернется в свою палату, прежде чем он заработает Еще Одно, – она особо выделила последние два слова. – И вы, милая мадам Понд, – ее голос был сладок, словно намазанный медом нож. – Мадам Понд, вы тоже разгуливаете по клинике после перенесенной вами контузии. Придется пойти на крайние меры. Если мы не позаботимся о вас, уже завтра мы найдем вас обоих мертвыми в ваших постелях.

Это меня удивило. Ясная, конкретная угроза от миссис Блум. Сладкая, но все же... Я удивленно приподняла брови.

Она приняла мой вызов коротким сдержанным кивком, тугим, как ее локоны. Этот кивок, улыбка говорили об одном: «О да, я знаю о ваших играх, и говорю тебе сейчас – они окончены!»

Оливия Элквитин снова поднялась с места.

– Но мадам Блум! Доктор Блум! Он говорит такие ужасные вещи.

Теперь настала очередь доктора Блума, всего источающего теплоту и ласку.

– Ну конечно, моя дорогая. Этот бедняга так болен, – он фыркнул, словно прочел рождественскую шутку. – Он даже возомнил себя доктором! – И снова смех, на этот раз подхваченный Доктором. Поразительно.

Док хлопнул Блума по спине.

– Точно. Превосходно. Вы только забыли упомянуть, что я пришел сюда сообщить вашим пациентам, что они скоро умрут. Замечательная шутка. Мило.

Низенький старичок поднял глаза, красные и воспаленные, и моргнул.

– А мы получим сегодня рисовые пудинги? – спросил он без всякой причины. Я изумленно вытаращилась на него.

– Да, – ответил Доктор зло и холодно. – И рисовые пудинги для вас, и булочки для всех, и даже апельсиновый сок для Силлурианцев.

Миссис Блум снова потянула его за рукав, но обнаружила, что сжимает пустой жакет. Доктор вывернулся из него.

Он вышел в центр комнаты.

– Доктор Блум, вы замечательный человек, но вы отлично знаете: то, что вы делаете – неправильно. Это экстренная мера, временная, которая скоро прекратит свое существование. Я хочу дать вам совет – свежий воздух, отдых, гигиена. Вот что правильно. Следуйте этому. Но прекратите, умоляю вас, прекратить использовать существо на берегу для лечения людей. Это все равно не поможет.

Доктор Блум улыбнулся легкой насмешливой улыбкой «попался».

– Если лечение такое неправильное, – сказал он, – тогда почему вы позволили мне испробовать его на вашем друге мистере Вильямсе?

– Ах... – Доктор поник и отвернулся от него. И натолкнулся на шквал негодования со стороны пациентов.

Доктор Блум тут же подошел к нему, накинув ему жакет на плечи.

– Вот видите, Доктор, как вы взволновали всех. Мы вынуждены вернуть вас в постель. Идемте с нами сейчас, и прекратите устраивать безобразие.

Ответ Доктора был очень тихим и мягким, как старое полотенце.

– Я разрешаю вам вылечить Рори, потому что его не должно быть здесь. Он вообще не должен был заболеть. И потому что он слишком важен для Эми, я не должен позволить, чтобы с ним что-нибудь случилось.

– Занятно, – сказала миссис Блум, вся – сплошная заботливость. – Разве вы сами не видите, какая у вас путаница в голове? Эх, эх! Какое помешательство! Может, у вас все прояснится, после небольшого отдыха.

Очевидно, это было сигналом: санитары придвинулись ближе к Доктору, окружая его. Интересно, изобрели ли они камеру для буйных.

– О, очень мило, – нахмурился Доктор. – Вы сделали это нарочно, не так ли? Вы заразили Рори, чтобы... чтобы... – Он покачнулся, позволив санитарам себя схватить. Я почувствовала, что меня тоже ухватили чьи-то руки. Вот и все, игра окончена. Ничего, бывало и похуже.

Доктор Блум испуганно вытаращился на Доктора.

– Я этого не делал! – запротестовал он дрожащим голосом. –
Пожалуйста, поверьте мне!

Глядя ему прямо в глаза, Доктор ответил:

– Это сделали не вы, так? А если не вы, тогда кто же?

Повисла гнетущая тишина.

Доктор Блум смутился.

– Я не... то есть... я не знаю, – промямлил он.

Доктор кивнул.

– Здесь творится что-то странное, доктор Блум. Вы полагаете, что находитесь в центре этой паутины – на самом деле до него вам далеко. Вы просто муха. Но кто тогда паук?

Жена Блума сжала его плечо.

– Мой муж очень важный человек, – сказала она.

– Да, да, да, – со скучающим видом протянул Док. – Но всем управляет кто-то другой, не так ли?

Пердита молчала.

Как и все другие присутствующие в комнате.

Это было ужасно странно.

– О, – сказал Доктор, – это любопытно. Оно нас подслушивает.

– Что?

Доктор обвел рукой комнату.

– Посмотрите на них... что-то проникло к ним в головы. Что-то очень злобное и вредное.

Там стояли больные. Тихо, неловко, таращась на нас.

– Так, доктор Блум, – прошептал Доктор. – Я думаю, вам стоит прислушаться к тому, что я сейчас скажу. С вашими пациентами явно что-то не так.

– Как? – Блум выглядел сбитым с толку.

Больные шагнули вперед. Потом еще ближе. Как один, они подняли руки. БУМ! Окна распахнулись, и в комнату ворвался шторм. Свечи погасли, но комната все равно была освещена – странное зеленое сияние поднималось от пола.

Доктор взглянул на Блумов, потом на больных.

– Верно, – сказал он. – Занятно. Я мог бы назвать еще 57 синонимов этого слова. Доктор Блум, хотите, я расскажу, что произошло? Вы разбудили

на берегу нечто очень инопланетное и крайне доброжелательное. И решили использовать его для лечения людей. Но что-то иное взяло под контроль то, первое существо, и оно вместо того чтобы забирать у людей все плохое, тем самым исцеляя их, начало возвращать им это плохое.

– Правда? – проскулил Блум.

Одна из сестер Элквитин, изогнувшись, потянулась к нему, из ее рта и из-под одежды потек туман. То же самое происходило по всей комнате – юбки и жакеты лопались, высвобождая густой зеленый туман. Он вонял.

Это было ужасное зрелище, настолько жуткое, что даже вывело мистера Невилла из ступора.

– Оливия! – прорычал он. – Что с ней происходит? – спросил он. – Это ваши проделки, сэр? – он обвиняюще ткнул пальцем в Доктора.

– Нет, – Доктор был явно встревожен. – Это сильная психическая связь между существом с берега и пациентами. Кто-то использует ее, чтобы влиять сразу и на них, и на само существо.

Внутри тумана затрещали молнии – как будто гроза была в комнате.

– Это очень плохо, – Доктор покачал головой, отталкивая нас назад. – Эту психическую связь необходимо прервать. Это добром не кончится.

Мистер Невилл стоял рядом, его руки тряслись.

– У меня есть пистолет, сэр, у меня есть пистолет! – крикнул он, вынимая оружие из-за пазухи.

– Ну вы же не будете стрелять в стихию, – хмыкнул Доктор, – и при такой погоде.

– Чушь! – рявкнул Невилл. – Плевал я на это. Я хочу подстрелить парочку этих текущих туманных мерзавцев. Сейчас я их быстренько размажу, – он прицелился. Доктор хотел было оттолкнуть его руку, но не успел. В дело вмешался шторм – из тумана вылетела шаровая молния, ударив в пистолет и окружив Невилла огнями Святого Элма¹⁴. Он продолжал стоять, дергаясь и крича, как разгневанная жаба, затем смолк.

Свечение вокруг него угасло – комната погрузилась в темноту. Но вот эту тьму прорезал слабый зеленый свет – свет тумана, который струился из рта мистера Невилла.

– Этот шторм, – сказала я. – Как они это делают?

– Объясню через минуту, – Доктор схватил меня за руку. – Нам всем нужно убираться отсюда.

¹⁴ Синее электрическое свечение, возникающее при грозе (прим. переводчика).

Столовая изменилась – открытые ставни хлопали на ветру, залитые дождем, и в окна лился туман – тот самый туман с берега, клубясь у наших ног и освещая комнату призрачным зеленым светом.

Что-то копошилось в моем мозгу. Я не могла пошевелиться. В отчаянии я взглянула на Доктора, хотела позвать его, но что-то свернулось клубком в моем горле и не давало мне издать ни звука.

Доктор догадался, что со мной творится.

– Пожалуйста, поспешим. Они охотятся за мной... – он повернулся и закричал в шторм: – Да, вот он, сочный вкусный разум. Идите и возьмите его!

Я смогла оторвать ноги от пола.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Даю тебе немного времени. Беги! – Доктор стоял один, окружаемый стремительно приближающимися пациентами. Словно маскарадные зомби, они приближались к нему, шурша по полу.

– Ладно, – сказала я. – Бежим!

Мы успели выбежать за дверь, прежде чем Доктор начал кричать. Что бы с ним ни происходило, это причиняло ему сильнейшую боль.

Дневник Доктора Блума

7 декабря 1783

Не знаю, как мы сумели выбраться из комнаты. Но мы уже стояли в коридоре, спрятавшись за горшком с аспидистрой¹⁵. Доктора и Эми Понд нигде не было видно. Со стороны столовой слышался шум, похожий на гром. Я слышал всхлипывания Пердиты.

– Что происходит? – проскулил я, но впервые моя чудесная жена не могла мне ответить.

– Это ужасно, ужасно! – простонала она, прижимаясь ко мне, благоухая, как лепесток розы. – Словно что-то пытается пролезть в мой мозг!

Она поцеловала меня.

– О, Йохан, мне так страшно.

«Кто-то захочет убить Вашу жену...» – вспомнилось мне. Я поспешно отогнал эту мысль. Я махнул рукой в сторону столовой, моей столовой, светящейся фосфорическим светом.

– Что там происходит? Мои пациенты, о, мои пациенты... – застонал я.

Пердита схватилась за голову, бешено затрясла локонами, пока они не поникли бессильно по обе стороны ее лица. Я никогда не видел ее такой. Это было... завораживающе.

– Что-то пошло ужасно не так, – прошептала она. – Я чувствую. Что-то... как-то... в моей голове... Море... Оно недовольно. Кто-то проснулся и берет над ним верх...

Я прижал ее к себе. Что же нам делать?

¹⁵ Экзотическое растение (прим. переводчика).

Что вспомнила Эми

В столовой царил сущий хаос, когда мы выбегали оттуда. Настоящее светопреставление. Гром и молнии, очень страшные. Я никогда не любила шторма и грозы, но то, что творилось там, было еще хуже. Казалось, будто шторм бушует прямо в помещении.

Доктор нагнал меня, обхватив руками голову.

– Боже, – простонал он. – Как больно!

Пока мы бежали, он заговорил.

– Что-то или кто-то контролирует тех существ из моря. Что-то очень плохое. Его нужно остановить. Сейчас мы с тобой вляпались во все возможные беды сразу. Скажи что-нибудь ободряющее, Эми.

– Не могу, – ответила я, стараясь не отставать от него. – Но что оно использует для создания этого шторма?

Доктор остановился. Он взглянул на меня. Его лицо было очень бледным.

– Эми, – начал он тихо. – Помнишь, я говорил тебе, что Рори вне опасности, и нам незачем о нем беспокоиться? Так вот, я ошибался.

Ненавижу, когда он говорит такие вещи. Он тогда как анти-Санта, отнимает надежду. Ты сразу чувствуешь жуткую тяжесть в желудке, у тебя появляется чувство бессилия и отчаяния. И четкое, ясное, убийственно жуткое осознание факта, что Всё Это Добром Не Кончится и дальше будет только хуже.

Проблема еще и в том, что я точно знаю, что произойдет дальше. Примерно вот что:

- 1) Я скажу: «Ладно, тогда скорей пойдем его спасать!»
- 2) А Доктор: «Да, конечно, но...»
- 3) И потом перечислит 14 наиважнейших дел, которые нужно сделать до спасения Рори.
- 4) И объяснит, почему они важнее спасения Рори.
- 5) В этом списке точно будут бездомные раненые щенята...
- 6) Готовый взорваться автобус, набитый старушками...
- 7) И так далее... В общем, вы меня поняли.
- 8) И мы отправимся разбираться со всем этим.
- 9) Потому что это очень важно.
- 10) А Рори... Он всегда на последнем месте.

Я уже видела, как Доктор открывает рот, чтобы начать этот разговор.

– Ох, давай пропустим лекцию, – взвыла я, и прежде чем он успел как-то прореагировать, бросилась бежать на берег. Я должна спасти Рори!

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
7 декабря 1783*

Милая мамочка!

Мне было страшно. Некоторое время я была в клинике совсем одна. Все было тихо. Я вернулась в свою комнату, написала письмо, прочла книгу. И этим спаслась от беды.

Я выглянула в окно на берег, но не смогла ничего разглядеть – один сплошной туман.

Затем я отнесла письмо для тебя на столик с почтой.

Положив письмо, я уже собралась уходить, и вдруг услышала шаги позади.

Это оказались сестры Элквитин. Они стояли, перекрывая мне дорогу. С ними было явно что-то не так. Они не улыбались, просто стояли и тарасились на меня.

Я окликнула их, но они не ответили.

Они поворачивали головы из стороны в сторону, совсем как щенята во время охоты. Ну да, так и есть! Сестры охотились.

Мама, я так испугалась!

Но я не хотела выходить на улицу. И не хотела идти к ним. Мне пришлось, но я этого не хотела.

Я начала подкрадываться к ним, все ближе, прижимаясь к стене.

Их головы повернулись ко мне, следя за каждым моим движением. Они улыбались, жестокими бессмысленными улыбками.

Я проскользнула мимо них и бросилась бежать. Не оглядываясь. Я знала, что они наблюдают за мной.

Но они не преследовали меня. Значит, им была нужна не я. Это значило, что я могу спокойно бежать, пока не окажусь в безопасности.

Куда бы я ни пошла, везде наталкивалась на других больных. Во всех коридорах. Ищущих что-то или кого-то. Медленнодвигающихся вперед. Похожих на голодных призраков.

Я решила вернуться наверх, в свою комнату.

Шаг, еще один. Я поднималась по лестнице, слыша, как трещат деревянные ступени под моими ногами. Я старалась быть спокойной и храброй. Это не страшнее, чем сон в грозу, – уверяла я себя. Не страшнее.

Я добралась до площадки, повернулась, и мои ноги подкосились.

Наверху второй лестницы стоял еще один пациент, печальный старик-австриец, не умеющий играть в шахматы. Его рот был растянут в беззубой ухмылке. Он стоял так тихо. Словно ждал кого-то.

Повернувшись, я бросилась вниз. Распахнула дверь старого посудного шкафа, стоящего под лестницей, и залезла в него, дрожа.

И вдруг... О ужас!

Я осознала, что я не одна. Я слышала чье-то дыхание.

Затем шкаф озарился жутким зеленым свечением. Я уже хотела закричать, но чья-то рука зажала мне рот. О, это было так ужасно!

Мама, это было по-настоящему жутко. Но не волнуйся – видишь, я пишу это письмо тебе, значит, со мной все в порядке. Потому что мне помог Доктор.

Затем чей-то голос прошипел: «Ш-ш-ш!»

Это был Доктор. Он смотрел на меня. А зеленое свечение оказалось светом его звуковой отвертки. Доктор выглядел смущенным.

– Привет! – прошептал он.

– Привет, месье! – ответила я.

– Прошу прощения за грубость, – сказал он. – Я прячусь.

– Я тоже, – призналась я.

– Знаю, – кивнул он. Потом спросил: – Ты видела множество больных, наводнивших коридоры и ведущих себя более чем странно?

– Да, – печально кивнула я.

– Ох, – вздохнул он. – Это все из-за меня. Что-то контролирует их. Они ищут меня. Я дал им крохотную частицу своего разума. Совсем чуть-чуть. Немного воспоминаний, цвета, которые никогда не были мне по-настоящему нужны. Только чтобы отвязаться. То существо в море... это оно контролирует их. Но вмешалось что-то еще. Нечто мощное и ужасное, только сейчас осознавшее, на что способно. Эту психическую связь нужно разорвать. Думаю, я догадываюсь, кто за этим стоит, но... Нет.

– Что вы собираетесь с этим делать, месье? – спросила я.

Он застонал.

– Ну почему это всегда приходится делать мне?

– Месье Рори болен. У меня остались только вы, – сказала я просто.

– Спасибо, – пробормотал он. Мои слова его, по-видимому, не сильно обрадовали.

– Я могу найти и позвать месье Рори, если хотите. Может, он знает, что делать. Но его, наверно, нельзя беспокоить.

– Лучше не надо, – согласился со мной Доктор. – Он болен, и... – он вздохнул. – Дело в том, что... Я мог бы запросто покончить со всем этим. Но... Это не совсем правильно.

– Тогда что же правильно, месье? – спросила я.

Доктор на это улыбнулся.

– Ну, Мария, я хотел бы тебя кое о чём попросить. Чтобы ты была достаточно храброй и нашла князя Бориса. Посмотрим, может ли он договориться с Косовым. Они оба сильно связаны с тем существом в море. Может быть, это Косов контролирует его. Не говори им, где я, но узнай, может ли князь Борис как-то влиять на Косова. Наши дела плохи, но, я надеюсь, ты сможешь мне помочь.

Он пожал мою руку.

– Не волнуйтесь, месье, – заверила я его. – Я сейчас пойду.

Доктор просиял.

– Спасибо, – сказал он. – Ты очень храбрая.

– А вы что будете делать?

– Собираюсь поговорить с доктором Блумом, – ответил он. – Пока еще не поздно.

Всегда любящая тебя, Мария.

Рассказ Рори

Вот он я, сижу на берегу, беседуя с инопланетной копией моей жены. И, честно сказать, это не очень плохо.

Нет, не смотрите на меня так. Есть вещи, которые можно записать, но очень трудно сказать кому-нибудь. Неважно, как сильно ты любишь. Главное – что ты любишь.

Было время, когда Эми любила ходить по ночным клубам. Я никогда не был любителем дискотек и хорошим танцором – могу станцевать джигу вокруг бутылки пива, и хватит с меня. В отличие от Эми – она готова танцевать до упаду. Она даже знает все движения шоу-группы «Одинокие Леди». В Лидворте нет ни одного нормального ночного клуба, поэтому Эми всегда нужен личный бесплатный шофер. Это я, Рори Вильямс. Стою в углу возле пальто, потягивая апельсиновый сок, пока Эми находится на танцполе, смеюсь и танцую. Она веселится, а я стою здесь, притворяясь, что мне тяжело, с отчаявшимся выражением лица. Потому что я люблю ее. И если я покажу ей, что мне скучно, возможно она бросит меня. Я не хочу, чтобы это случилось. И поэтому я здесь, с пальто, с апельсиновым соком, надеясь, что никто не уведет наш Субару, пока мы не покинем Нью-Йорк.

Под словом «Нью-Йорк» я подразумеваю, конечно, ночной клуб, названный так точно.

То же самое можно сказать и о наших путешествиях во времени и Вселенной. Не поймите меня неправильно – это поразительно, это действительно так. Но бывают моменты, когда ты думаешь: «Я бы очень хотел сказать, что это ОК». Но ни о чем серьезном. Просто о выборе планеты или чем-нибудь подобном. Мне этого хочется больше, чем стоять в ночном клубе в Космической Флориде, держа пальто, потягивая теплый апельсиновый сок, и наблюдая за танцем Доктора и Эми.

Теперь их нет. Меня бросили. Они не вернутся за мной. Они наверно давно забыли обо мне. Сели в ТАРДИС... («Что это такое?» – прошептал голос в моей голове) Ну да, сели в ТАРДИС и улетели. Улетели сквозь время и пространство («Время и пространство?» – переспросил голос). Оставив меня на берегу, болтающим с копией моей жены. Которая с интересом меня слушает.

– Итак, – сказал я. – Я не думаю, что ты сейчас расскажешь мне ваши планы, не так ли?

– Дурачок, – улыбнулась она, ласково щелкнув меня по носу. – Море и я собираемся тебя вылечить, – она склонила голову набок и улыбнулась. – Ты ведь хочешь этого, не так ли?

– Да, – ответил я. Потому что я боялся. Так боялся умереть здесь, что готов был позволить этим существам себя вылечить. – Но почему... почему вы делаете это со мной?

Она пожала плечами.

– Мы всегда это делаем, милый мальчик. Мы в этом настоящие профи.

– Но... – начал я.

– Верно, – засмеялась она. – Да, мы можем делать это, только полностью прочитав твои мысли. И пока нам это сделать не удалось. Нужно время. Даже эта версия меня не смогла пробраться дальше поверхностных воспоминаний.

– Мои мысли? – удивился я. – Но зачем вам нужно читать мои мысли? В них нет ничего особенного.

ПсевдоЭми помолчала, потом встрепала мне волосы.

– Конечно, нет, дурачок, – она была розовая, как малина. Действительно, подмораживает. – Чей мозг мы действительно хотим прочитать – мозг Доктора. Но пока мы не смогли к нему подобраться. В этом нам поможет ты.

«Моя песенка спета», – думаю я, пока туман обвивается вокруг меня.

Письмо Марии

Сент-Кристоф,

7 декабря 1783

Милая мамочка! Это больше не похоже на сказку. Мне страшно и одиноко, я мечтаю, чтобы ты приехала за мной. Это был самый ужасный день.

Сначала Доктор отправил меня к князю Борису. Я надеялась, что князь скажет мне что-нибудь приятное, или угостит конфеткой, или поиграет со мной в карты. Вместо того чтобы обрадоваться мне, он загрустил. Вообще он был таким печальным! Когда я вошла, он был не в постели, он молча стоял у окна. Я подошла и дернула его за рукав.

Он улыбнулся мне, но эта улыбка была такой слабой и невеселой. Он поднял меня на руки и прижал к себе, щекоча бородой мою щеку, пока я не засмеялась.

– Щекотно! Щекотно! – запротестовала я.

Он опустил меня на пол и ласково погладил по голове.

– Ты такая храбрая, маленькая Мария, но тебе нужно быть еще более храброй, – сказал он. – Нам всем нужно.

– А вы будете играть со мной в карты? – спросила я.

Он коротко кивнул, и мы направились к карточному столику. Он начал профессионально тасовать колоду, рассказывая о многочисленных азартных играх, в которых он побеждал. Он пообещал научить меня очень интересной игре в покер. Меня это заинтересовало. Да, я знала, что у меня помимо этого есть дела, но уж очень я люблю игры.

Затем послышался сильный стук в дверь, и вошел Косов. Увидев его, я вскрикнула и нырнула под кровать. Косов бросился за мной, шаря под кроватью гигантскими ручищами.

– Иди сюда, иди, маленькая дрянь! – прорычал он, стараясь схватить меня, но я была слишком проворна для него, я увернулась и забила в угол. Косов поднялся на ноги и навис надо мной. Я закричала.

– И что все это значит? – поинтересовался князь Борис скучающим и одновременно властным тоном.

– О месье! – взмолилась я. – Он убьет меня, он правда хочет убить меня!

Косов пробормотал что-то, криво улынувшись.

– Дитя просто не понимает, – сказал он. – Она нуждается в лечении.

– Вовсе нет! – горячо запротестовала я. – Я здорова! Князь Борис, знаете, вы не должны доверять своему слуге. Вы знаете, он работает на доктора Блума. Вы же знаете!

Князь меланхолично завязал и вновь развязал пояс своего шикарного красного халата, прислонился к стене и посмотрел на нас.

– Какое безобразие! – фыркнул он, хотя в этом не было ничего смешного. – Вы оба такие шумные! – Он зевнул. – Я такой ленивый, так хочу отдохнуть, а никто не хочет оставить меня в покое. – Он взглянул на меня как людоед из сказки. – Мария, если бы я хотел детей, я бы женился, но мне, к сожалению, попадались только алчные твари, слишком сильно любившие бриллианты и дорогие наряды.

– А как насчет мадам Понд? – хитро улыбнувшись, спросила я.

– Ха! – хохотнул князь. – Посмотрим, как она относится к месье Рори. – Он повернулся к Косову. – А ты, мой дорогой... ты..

– Держитесь от него подальше, князь! – предупредила я. – Как можно дальше!

Князь улыбнулся мне все той же слабой улыбкой и приблизился к Косову. Великан стоял не шелохнувшись. Князь обошел его кругом, легкими шажками, не выпуская из рук пояс халата.

– Ты здесь, чтобы убить меня, Косов?

Секундное замешательство. Затем Косов поклонился.

– Я здесь, чтобы служить вам, Ваше Высочество. Моя цель – заботиться о вашем здоровье.

– Ну да, – Борис играл с бахромой на концах пояса халата. – Ну да. А сколько тебе лет?

Косов моргнул.

– Мне 35, сэр.

– Вижу. И если тебе сейчас 35, то сколько было тебе, когда ты учил меня-мальчишку верховой езде?

Косов смутился.

– Это было так давно, Ваше Высочество.

Князь Борис кивнул.

– Теперь мы ровесники, Косов. Но ты учил меня верховой езде, когда мне было всего 4 года. Объясни это.

Косов молчал. Потом сказал:

– Но Ваше Высочество, здесь какая-то ошибка...

Князь покачал головой, его лицо потемнело.

– Нет, здесь нет ошибки. И не возражай мне. Сколько тебе лет?

Косов, дрожа, сделал шаг навстречу князю.

– Пожалуйста, сэр, не надо! – воскликнул он, умоляюще протягивая к нему трясущиеся руки. Великан, просящий пощады у князя.

Но князь стоял молча, скрестив руки на груди. Внезапно, я впервые поняла, каким он был на самом деле – скорее безжалостным князем, чем простым усталым мужчиной в халате. Его лицо больше не было светлым, веселым или очаровательным. Оно было мрачным и острым, как топор палача.

– Итак, Косов, ответь: Доктору и мадам Понд угрожает опасность?

Косов молчал, грустно и дерзко.

– Что затеял доктор Блум?

Косов лишь покачал головой.

– Очень хорошо, – процедил князь. – Что ты такое?

Косов не шелохнулся.

– Ах, – это восклицание князя Бориса повисло в воздухе. – Знаешь что, Косов, мой милый друг? Я собираюсь вернуться домой. Я так скучаю. Особенно зимой. Нет ничего лучше, чем вернуться после прогулки верхом по зимнему лесу к пылающему огню и чашке горячего чая. Я собираюсь послать за своими вещами и вернуться домой. Я исцелен.

Косов издал странный звук, будто в нем что-то сломалось. Он задышал тяжело, с присвистом, как побитая собака.

– Но я собираюсь вернуться домой один, – продолжал князь. – Может быть, через Париж. Да, проведу пару дней там. И много жарких ночей. Это будет мне наградой после жидких супов доктора Блума. Когда я вернусь в поместье, я, возможно, пошлю за тобой.

Косов покачал головой, с его лба катился пот – если только это был пот.

– Или, может, – продолжал Борис, – я просто оседлаю моего коня и поеду верхом, не останавливаясь, по морозу, до самого дома. О, как это будет чудесно!

Наконец, Косов заговорил, дрожащим голосом:

– Ваше Высочество, я умоляю...

Князь пожал плечами и рассмеялся.

– О, Косов, милый Косов, ты ненастоящий. Убирайся и преследуй кого-нибудь другого. Ты не более чем голем, призрак.

Косов сделал еще один шаг ему навстречу.

– Пожалуйста... вы должны поверить... пожалуйста... для вашего же собственного блага...

Теперь уже князь Борис отрицательно покачал головой, глядя на него синими холодными глазами.

– Нет, Косов. Нет. Если бы ты был настоящим, Косов, я ни на секунду не усомнился бы в правильности твоих действий и слов. Тот, настоящий, любил меня как родного сына, и я обожал его. Я даже мечтал работать вместе с ним в конюшне – какая глупая детская мечта! Уверен, жизнь его была несладкой. Но Косов был великим человеком. А ты, сэр, – не Косов. И мне придется задать тебе те вопросы, которые я задаю каждому, кто приходит ко мне с сомнительными предложениями: кто ты, зачем ты здесь, и какая тебе от этого польза?

Косов замер с открытым ртом. Оттуда вылетел лишь жалкий цыплячий писк.

– Что, нет ответа? – печально спросил Борис. – Жаль... Ну ладно. Можешь идти. – Отвернувшись от Косова, он уставился в окно. – Я больше не нуждаюсь в тебе.

Я съежилась в своем углу, глядя во все глаза.

Некоторое время Косов стоял неподвижно. Я подумала, что он сейчас заплачет, закричит, или просто уйдет, или сделает еще что-нибудь в этом роде. Но он лишь пошатнулся. Неловко переступил с ноги на ногу. Потом потерял равновесие, и... половина его тела опустилась на пол. А его лицо! Его лицо было похоже на лед, ломающийся, тающий, текущий. Даже его одежда потекла как расплавленный воск.

Я смотрела на это так долго, сколько могла. Но потом это тающее странное существо издало жуткий булькающий звук. Словно оно плакало.

И это еще не самое ужасное. Хуже всего было то, что князь Борис, глядя на это... смеялся!

Не выдержав, я убежала.

Всегда любящая тебя Мария.

Журнал Доктора Блума

7 декабря 1783

Пердита прислонилась к стене. Она выглядела ужасно.

– Косов, – простонала она. – С ним что-то не так.

– Что? – спросил я.

Она сползла вниз, уронив голову, спрятав лицо в спутанных волосах. Она застонала.

– Слишком поздно... Иди к нему, Йохан, милый, пожалуйста!

Я бросился в покои князя Бориса и застал князя приводящим себя в порядок. Он завязывал галстук, тщательно, не отрываясь от зеркала.

– Ах, доктор Блум! – промурлыкал он, заметив меня, и даже издевательски щелкнул каблуками.

Я заметил странную вещь на полу. Оно было похоже на... туманный комок светящегося клея, только с примесью мокрых волос. Иногда больничная кошка выплевывала полупереваренную крысу на пол моего кабинета. Вот на что было похоже это нечто, только больше. От него исходила жуткая вонь. Оно еще шевелилось, медленно, лениво. Оно было странно знакомым.

– Это был Косов? – прохрипел я.

Князь Борис подмигнул мне.

– Бедный доктор Блум, да вы позеленели. Я думал, что у вас, медиков, более крепкие желудки и нервы.

– Что вы с ним сделали?

– Я убил его, – отвечал Борис, закатывая глаза. Он плюхнулся на кровать. – Он исцелил меня, и я более не нуждаюсь в нем. Я просто отослал его, – он театрально вздохнул. – Как бы я хотел проделать то же со всеми крестьянами там, дома...

Вскочив, он потер руки.

– О, я чувствую себя превосходно. Я очень признателен вам, честно. И искренне прошу прощения за беспорядок на полу.

Я старался не смотреть на Это. Что он за человек?

Он хлопнул себя по спине.

– А что касается тех существ на берегу... Какие они замечательные! Мне не терпится увидеть их снова, – сказал он. – Много лет назад отец отправил меня... с дипломатической миссией. Это была долгая, кропотливая

работа. Я прилежно занимался ею два дня, а на третий слег, – он подавил зевок. – Я чувствую, что чем бы ни было это существо, это чудо, но оно привыкло, чтобы к нему относились ласково и деликатно. Вы добрый и терпеливый человек, – Борис пожал плечами, и пригладил свою окладистую бороду. – А я нет.

Эти слова повисли в воздухе. Это была угроза. Конкретная угроза.

Он внезапно улыбнулся, и погладил меня по подбородку, как домашнего питомца.

– И все это благодаря вам, дорогой Йохан.

Меня передернуло от такой фамильярности.

– Я преобразился! Преобразился! Чувствую себя превосходно! Впервые в жизни у меня есть энергия, сила, и я могу быть тем, кем хотел быть всегда! – он небрежно хлопнул меня по плечу. – А теперь я должен узнать, что именно вы скрываете на берегу, – в его глазах был странный злой блеск. – По-моему, настало время показать всем, кто здесь главный.

С этими словами он вышел из комнаты.

Уходя, он бросил через плечо:

– Не забывайте о моем подарке, Блум. Это очень важно.

Рассказ Рори

Забавно, как легко я иногда забываю важные вещи. Например, является ли создание, столь похожее на мою жену, действительно моей женой или нет.

– Эми, – сказал я ей, совсем забыв, что передо мной была вовсе не Эми.
– Я не очень хорошо себя чувствую.

Создание, так похожее на нее, предостерегающе зашипело и приложило палец к моим губам.

– Не стоит волноваться, мой милый мальчик Рори, – прошептала она. – Мы уже почти закончили. Ты почти полностью исцелен. Я тебя даже поцелую потом. – И она улыбнулась нежной улыбкой, которая озарила весь берег ярко-зеленым светом.

Несмотря на надвигающийся шторм и дождь, я почувствовал себя лучше. Теплое свечение, исходящее от лжеЭми, согрело меня, словно чашка горячего шоколада в жутко морозный день. Я осторожно кашлянул. Никаких хрипов. Ничего плохого. Просто кашель. И моя голова очистилась от тумана. Я почувствовал себя превосходно.

Я повернулся к другим больным, дремлющим рядом со мной на берегу.

– Вы видели это? – воскликнул я. – Я исцелен! Я исцелен!

Несколько человек кивнули мне, но видно было, что им не было никакого дела до меня.

«Эми» вздохнула.

– Бедняжки, чтобы вылечить их, требуется гораздо больше усилий. Ты ведь знаешь, каково это.

– Но... почему так?

– Ну, я считаю, что не будет особого вреда, если я расскажу тебе, тем более что сейчас ты в порядке. – «Эми» фыркнула. – Ты... Ну, ты был болен лишь слегка. Маленькое такое недомогание. Но достаточно, чтобы...

Теплое милое свечение исчезло.

– Достаточно, чтобы заставить меня довериться вам, – закончил я мрачно.

«Эми» кивнула.

– Прости, малыш.

– Но ведь... Доктор Блум не стал бы... – не понимал я.

Она погладила меня по волосам.

– Он здесь ни при чем, – сказала она. – Он вообще не в курсе.

– Тогда чья же это была идея? – спросил я.

В этот момент из тумана появилась знакомая, необычно одетая фигура. Это был князь Борис, но не в пижаме или халате, а в полном военном обмундировании, в стиле игры «Заключенный Зельды»¹⁶. Он подошел ко мне и поклонился, щелкнув каблуками.

– Это была моя идея, – сказал он бархатным вкрадчивым голосом. – Это я предложил Косову заразить Вас.

Он резко повернулся к «Эми».

– Вы уже узнали у него всё, что хотели?

Она мрачно кивнула. Было что-то странное в том, как она смотрела на него, что-то пугающее.

– Мы узнали многое. Он не из этого мира. Он путешествовал во времени.

Князь Борис рассмеялся.

– О, это поистине чудесно! – он взглянул на меня с издевательским почтением. – Как оригинально! Доктор упоминал нечто подобное в нашей беседе, но я хочу узнать, как именно?

– Не скажу, – отрывисто выкрикнул я.

– В синей будке, называемой ТАРДИС, – сказала «Эми» мрачно. – Он не знает, как она работает. Единственный, кто может ей управлять – это Доктор.

– О, вот как? – сказал Борис, снова засмеявшись. – Интересно. Очень интересно. А что насчет девчонки?

«Эми» пожала плечами.

– Она очень важна для этого человека. Он опасается, что она любит не его, а Доктора.

– Ой! – вскрикнул я. – Всё намного сложнее, чем вы думаете!

«Эми» повернулась ко мне и подмигнула.

– Вовсе нет, малыш.

Князь Борис фыркнул.

– Так ты ревнуешь свою жену? – поинтересовался он.

Я постарался ответить как можно тверже.

– Да, а кто бы не стал?

– Занятно, – хмыкнул князь.

¹⁶ Компьютерная игра (прим. переводчика).

Он схватил за руку создание, похожее на мою Эми, и начал целовать его, долго, медленно, при этом наблюдая за моей реакцией. Я возненавидел его.

– Мило! – сказал он, наконец. – Конечно, если бы твоя жена по-настоящему любила тебя, то была бы сейчас здесь. А где она? – он оглядел берег, гримасничая, словно опереточный злодей, затем пожал плечами.

– О мой милый друг Рори, – сказал он. – Я вовсе не думаю, что ты важен для нее. Твои друзья бросили тебя...

«Кто бы говорил», – подумал я мрачно.

– Они оставили тебя мне, – продолжил князь. Снова схватив ложную Эми, он, смеясь, закружил ее в вальсе. – Хочу сказать вам, мистер Вильямс, именно эти создания преобразили меня. И, я думаю, они с той же охотой покорятся моей сильной воле. Я как раз собираюсь сходить и поговорить с ними. Сказать им, кто здесь главный. Вот я балбес – почти всю жизнь потратил впустую. Но ничего, скоро я наверстаю упущенные возможности!

– Что? – сощурил я глаза. – А я-то считал вас добрым человеком!

Князь Борис вздохнул и поцокал языком, словно старая леди в кондитерской.

– Нет, это была не доброта, – сказал он. – Скорее простая вежливость. А теперь, если позволите...

Он повернулся было, чтобы уйти, но «Эми» остановила его, мягко коснувшись рукой его плеча.

– Ну? – раздраженно повернулся он. – Чего тебе?

– Теперь, после того как мы вылечили мистера Вильямса, можно ли мне отпустить его и вернуться в Море? – спросила она.

Князь отрицательно покачал головой.

– Нет, нельзя. Осуши его полностью.

С этими словами он скрылся в тумане.

Дневник Доктора Блума

7 декабря 1783

Ужасная досада, но иногда даже доброта Пердиты ко мне не делает жизнь проще. Она сжала мою руку возле аспидистры.

– Все будет хорошо, мой милый! – сказала она.

Иногда ее оптимизм только раздражает меня. Вот как сейчас. Я махнул рукой в сторону коридора.

– Как, когда? Ты что, не видишь? Князь Борис взял верх! Он все испортил! Он сошел с ума. Я-то думал, что мне достаточно разобраться с Доктором, но теперь! Мои пациенты – ты только взгляни на них! Клиника превратилась в сумасшедший дом!

Пердита взглянула на меня.

– Я знаю, милый.

– Но что же нам делать?

Она подумала.

– Я знаю кое-кого, кто сможет нам помочь, – сказала она. – Но, боюсь, тебе это не понравится.

Вскоре мы оказались возле двери моего собственного кабинета и начали стучать в нее. С пылающими от смущения и злости щеками! Но Пердита ободряюще кивнула мне, позволив мне продолжить стук. Я снова постучал и стал ждать. Это напомнило мне ожидание перед дверью господина Густаффсона – нашего декана в медицинской академии Швейцарии. Я снова почувствовал себя на миг студентом, взволнованным, полным идей...

Письмо от Марии

*Сент-Кристоф,
7 декабря 1783*

Мамочка!

Я так напугана – это место такое ужасное! Я просто больше не могу здесь оставаться. Это просто жутко. Во-первых, здесь туман и гроза – они бушуют прямо в коридорах. Во-вторых, другие больные. Они ведут себя чрезвычайно странно.

И, наконец, здесь есть князь Борис, который вдруг оказался ужасно злым.

Он похож на... Ты, наверно, помнишь тетушку Клодетту, которая была такой доброй и милой до тех пор, пока не умер дядюшка Жан и не оставил ей богатое наследство. Потом она стала непредсказуемой и жестокой, и начала спускаться на всех собак. Вот и с князем то же самое, словно у него появилась возможность показать свою злобную натуру во всей красе. Мне это не нравится. Он ужасно неприятный.

Я побежала назад к Доктору, который все так же сидел в шкафу под лестницей, качая головой.

– Месье Доктор! – сказала я ему. – Как вы? Мне надо столько вам рассказать!

Он грустно покачал головой.

– Не сейчас, Мария.

Я умолкла.

Он тоже помолчал.

– Прости, прости, прости. Это было грубо, не так ли? Я вовсе не хотел грубить. Просто так много всего случилось, я все испортил, я потерял Эми и Рори, у меня болит голова... Но я рад, что хоть с тобой все в порядке. Хоть одной проблемой меньше. Так ведь? Если не возражаешь, я еще подумаю...

Я заплакала. Это всегда помогает, когда имеешь дело со взрослыми.

– Ладно, – сказал он. – Прошу прощения еще раз. Это уже слишком, не так ли? Пойдем спрячемся в каком-нибудь другом месте. Лучше всего в таком, где есть тосты.

Так мы попали в кабинет доктора Блума, пустой и незапертый, и сели у огня.

– Думай-думай-думай! – пропел Доктор. Он нашел коробку печенья, и мы поделили его. Оно было имбирное, и мне оно не понравилось, но я боялась сказать об этом Доктору, потому что он выглядел таким обеспокоенным и сердитым. Я начала было захлеб рассказывать ему о князе и Косове, но Доктор поднял руку.

– Не спеши, спокойнее, Мария. Полагаю, в здании нет пожара?

Я отрицательно покачала головой.

– Ну и славно. Еще одной проблемой меньше. Ну ладно. Ладно, – с этими словами он откусил кусочек печенья, пожевал, и скривившись, выплюнул.

– Сколько таких я съел? – спросил он.

– Четыре, месье, – ответила я.

– О Боже! Я ненавижу имбирное печенье. Фу, – он скорчил рожу. – Ну ладно, вот в чем проблема, – начал он, посерьезнев. – Доктор Блум нечаянно разбудил гигантский боевой компьютер на берегу, и, я думаю, кто-то это осознал и решил воспользоваться, но кто? Кто, вот вопрос. Нет, не перебивай, это очень важно. Потом еще все эти люди, которые были исцелены, хотя не должны были... И все эти странные познания доктора Блума. Эми в опасности. И Рори, который находится в еще большей беде. И в довершение всего исчезла машина, единственная, которая могла бы помочь. В общем, целая куча проблем, и я не знаю, с чего начать, а у имбиря противный привкус, не так ли?

Вот видишь, мама, какой он, этот Доктор. Я боюсь приглашать его к нам. Уверена, он будет рисовать и писать на скатерти. И обязательно расстроит наших слуг. Но он мне все равно нравится. Может, мы все-таки пригласим его?

– Я что-то упустил? – спросил он.

Я пожала плечами.

– Я немного растерялась.

– Я тоже, – признался он. – И что же ты предлагаешь сделать в первую очередь?

Я задумалась над этим, покачивая ногами под стулом.

– Ваши друзья, месье, – наконец сказала я. – Они очень важны для вас.

– Ну да, возможно. А как насчет всей Европы?

Я пожала плечами. Он взял последнее печенье, пожевал его, скривился и, наконец, проглотил.

- Ну вот и славно, – улыбнулся он.
- Тут раздался стук в дверь.
- Кто там еще? – сердито рявкнул Доктор.
- Я пихнула его локтем.
- Думаю, что это очень грубо, – упрекнула я его.
- Ну ладно, – вздохнул он. – Прошу прощения! Входите!
- Дверь открылась, и вошли доктор Блум с женой.
- Не могу ли я побеседовать с вами? – вежливо спросил Блум.

Дневник доктора Блума

7 декабря 1783

– Входите! – воскликнул Доктор нетерпеливо, рассерженный тем, что ему помешали.

– Надеюсь, я вас ни от чего не отвлек, – сказал я, стараясь скрыть сарказм.

Доктор только отмахнулся.

– О, вовсе нет, вовсе нет, – он протянул мне коробку. – Хотите печенья? – спросил он.

Коробка, как я заметил, была пуста. Это печенье испекла для меня Пердита.

– Хм, – сказал он, убирая коробку. – Их больше нет. Не расстраивайтесь, они были ужасны. – Он скорчил рожу.

Как он смеет, как он смеет!

Пердита успокаивающе положила руку на мое плечо.

– Дела идут не очень хорошо, доктор Блум, а ведь я вас предупреждал, – Доктор погрозил мне пальцем, словно учитель, отчитывающий нерадивого ученики.

Я набрал воздуха в грудь, чтобы ответить ему возмущенной тирадой, но тут вперед вышла Пердита.

– Мой муж так же, как и вы, встревожен таким поворотом событий. – сказала она мягко. – Вот почему мы пришли к вам.

– И вы нашли меня быстро. Слишком быстро, – Доктор недовольно посмотрел на мою любимую Пердиту. – Я догадывался. Ну да. А где остальные пациенты?

Я пожал плечами.

– Наверно, бродят по коридорам. Или сидят на берегу. В такую погоду. Это неправильно. А князь Борис...

– Неважно, – прервал меня Доктор. – Есть кое-что, что вам нужно знать, доктор Блум. Существует один способ ослабить психическую связь существ с клиникой, но я пока не хочу им воспользоваться. Гораздо важнее для меня узнать, кто за этим стоит.

Я снова попытался рассказать ему о Борисе, но тут сквозняк от открытой двери распахнул окно. И вошел князь Борис, легок на помине. Это

было очень эффектное появление. Он улыбался и даже немного пританцовывал.

– Доктор, вам не разрешается мешать работе клиники доктора Блума. Я запрещаю вам это, – он запнулся, словно поперхнувшись чем-то. – Мы не можем позволить вам стоять на пути прогресса, дорогой сэр.

Доктор испуганно уставился на князя.

– Князь Борис, вы хорошо себя чувствуете? – участливо спросил он.

Тот замялся на секунду, потеряв уверенность в себе.

– Я... я не знаю, – он прижал ладонь к виску. – Что-то пытается пробраться в мою голову. Мой разум... О, Доктор! – он умоляюще протянул к нему руки. – Больно... Пожалуйста, не можете ли вы это остановить? Я себе не принадлежу! Я не могу контролировать свои мысли! – Пошатнувшись, он прислонился к стене.

– Это психическая связь, – сказал Доктор мрачно. – Я должен остановить того, кто контролирует ее.

Борис посмотрел на него, стиснув зубы.

– Я знаю. Пожалуйста, остановите это!

Доктор повернулся ко мне. Его лицо было очень печальным. Я почувствовал, как Пердита стиснула мою руку.

– Доктор Блум... – начал он было, и смолк.

– Сделайте это! – приказал князь Борис. – Ради всего святого! – Он вздохнул, и уставился на меня. – Черт возьми, Блум, как насчет вашей жены? Ведь это она!

– Только не Пердита! – запротестовал я. – Только не моя милая жена! Она в жизни не тронула и волоска с чьей-либо головы. Она моя защита и опора.

И тут Доктор сделал нечто ужасное. Я до сих пор не могу поверить в случившееся.

– Доктор Блум, – начал он, – прошу прощения за вопрос, но как долго вы знаете свою жену?

Что за глупый вопрос! Я сказал ему, что он идиот.

– Нет, ну, в самом деле? – продолжал смотреть на меня Доктор. – Подумайте об этом. Когда вы впервые познакомились?

Я ответил ему таким же сердито-изумленным взглядом.

Пердита сжала мою руку.

– Скажи ему, дорогой.

Я застыл, словно прикипев к месту. Чувствуя себя ужасно неловко. Я взглянул на Пердиту. На ее руку, сжимающую мою. На ее улыбку.

– Я... А это важно?

– Да, – ответил Доктор. – Это очень важно. Я должен попытаться ослабить психическое давление Моря. Вынужден. Я должен что-то сделать. Скажите мне, доктор Блум. Когда вы впервые встретили свою жену?

Я облизнул губы и нахмурился.

– Я не помню, – я повернулся к Пердите. – Когда мы познакомились, любимая?

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Когда тебе будет угодно, милый.

Я пошатнулся. Мои колени подкосились. Желудок сжался. Но я продолжал держать ее за руку.

– Нет, Пердита, любовь моя, когда мы встретились?

Она продолжала смотреть на меня, спокойная как стоячий пруд.

«Пожалуйста, пожалуйста, только не...» – мысленно взмолился я.

– Когда тебе угодно, милый, – повторила она. – Тебе лучше знать. Ты всегда знаешь, что лучше.

Я хотел отвернуться от нее, но не мог. Я хотел посмотреть Доктору в лицо и накричать на него. Но я продолжал смотреть на Пердиту, на мою любовь, моего наставника и лучшего друга.

– Доктор... – прошептал я.

– Я знаю, – ответил он тревожным шепотом. – Можешь не говорить.

– Но... – я погладил Пердиту по щеке, такой теплой и мягкой. – Моя Пердита, моя милая Пердита...

– Доктор Блум, мне очень жаль, – казалось, Доктор вот-вот заплачет. Я не видел. Я не хотел видеть. – Ваша жена – не человек. Она – Знакомец. Она никогда не была человеком. Море дало ее вам. Она контролировала вас, заставляя делать то, что нужно было Моря. Мне очень жаль.

«Ваша жена – Знакомец. Она никогда не была человеком. Море дало ее Вам» – эти слова Доктора словно молотом дробили мой мозг, разрывали в клочья мое сердце.

И вдруг я вспомнил... Вспомнил, как стоял на берегу и внезапно почувствовал прикосновение чьей-то руки к моим волосам. Как эта рука спустилась ниже и мягко погладила мое плечо. И нежный теплый смех в морозный день. Это была она. Моя жена.

Пердита склонила голову набок.

– Что он сказал, милый?

– Он сказал... он сказал... он сказал, что ты не человек, – ответил я, дрожа.

Но Пердита только рассмеялась.

– Ну что он может знать, этот Доктор? Он и наполовину не так умен, как ты. Ты всегда знаешь, что правильно. Ты всегда прав.

– Нет, – сказал я. – Кажется, на этот раз прав он, Доктор.

Я сжал ее руку. И закрыл глаза. Я видел, что осталось от Косова. И догадывался, что сейчас произойдет.

– Я люблю тебя, – прошептал я.

– И я люблю тебя, – ответила Пердита. И впервые за все время я заметил, каким неестественно спокойным и ровным был ее голос.

Потом началось Это. Раздался жуткий влажный звук, будто тающий лед капал с крыши.

Когда я открыл глаза, ее уже не было.

Рассказ Рори

– Чувствую себя просто ужасно, – сказал я.

Вот уж никогда бы не подумал – как я уже говорил, танцор из меня никудышный. Но вот он я, танцую. На берегу. С Эми, вернее, с похожим на нее инопланетным созданием. Под дождем. Без дворцевого, держащего над нами зонт. Вокруг нас танцевали другие пациенты. Очень медленно. Слишком медленно и странно.

Все они недавно пришли сюда оттуда, из здания, медленно скользя по склону, с клубящимся вокруг них туманом, выползающим у них из рукавов. Мария говорила мне, что прозвала их Мертвецами. Так вот, сейчас они действительно напоминали оживших мертвецов – эти странные безжизненные танцующие фигуры.

Некоторые из них плакали. Мимо нас прошел мистер Невилл, мрачно кружа в вальсе Оливию Элквитин, а возле их ног крутилась собака. «Дорогая, я так устал, – простонал Невилл, склонившись к партнерше. – Так устал». Он пошатнулся и осел на землю. Оливия, наклонившись к нему, помогла ему подняться, – кто бы мог подумать, что у нее силы больше, чем у него?

– Знаю, милый, – мягко ответила она ему. – Но эта собака, она не дает нам останавливаться.

– Мне очень жаль, – вздохнул Невилл. – Это Стокер. Старый друг, который всегда радовал меня. Но не сейчас... Я больше не нуждаюсь в нем, потому что теперь у меня есть ты. – Он сильнее сжал ее руку, и они продолжили танец.

Я же взглянул на Эми, вернее, ту, что так сильно напоминала мою любимую жену, которая кружила меня снова и снова.

– Зачем вы это делаете?

Она улыбнулась мне краем губ.

– Ты нужен нам в качестве топлива. Равно как и все пациенты. Для поддержки. Для создания шторма.

– Ясно, – сказал я. Я ощутил, как начинают дрожать и подкашиваться ноги. – Надеюсь, наш танец продлится не очень долго?

«Эми» продолжала тащить и кружить меня.

– Мы будем танцевать до тех пор, пока ты не упадешь замертво, – ответила она, смеясь.

Письмо от Марии

Сент-Кристоф,

7 декабря 1783

Милая мама! Я больше не люблю Доктора. Он убил мадам Блум.

Я чувствую себя виноватой за то, что никогда не любила ее. Это так. Но я не могу отменить все те плохие слова, которые я ей говорила, все те мысли, которые о ней думала. Или могу, мама, потому что я так этого хочу?

Я увидела лицо доктора Блума после случившегося. Как сильно он ее любил! Он не осмеливался, не мог себя заставить взглянуть на ковер, на эту пузырящуюся массу с волосами его жены.

Я очень разозлилась на Доктора. Еще больше я возненавидела князя Бориса за то, что он заставил Доктора это сделать. Я так разозлилась на Доктора, что закричала на него.

А он только кивал, так печально.

– Мне жаль, – сказал он тихо. – Мне правда очень жаль. Но... Доктор Блум, Йохан... Это нужно было сделать. Необходимо!

У него был вид человека, надеющегося на то, что его слова – правда.

– То создание из моря, оно использовало вас. Мне нужно было разорвать эту связь. Теперь это просто создание. Само по себе.

Я хотела сказать ему, что он заблуждается, что он не прав. Но он не слушал. Он просто смотрел на доктора Блума.

– Откройте же глаза, – сказал Доктор мягко, умоляюще. – Пожалуйста. Посмотрите на меня, и скажите, что понимаете меня.

Повисла гнетущая тишина. Я поняла, что Доктор пытался убедить Блума сказать, что все в порядке, что все так и должно быть. Что он смирился с утратой жены и прощает Доктора! Я не понимала Доктора – что он за человек? И какими он считал других людей?

Доктор Блум покачал головой.

– Она умерла? – спросил он, не открывая зажмуренных глаз.

Доктор схватил одеяло со спинки стула и набросил его на ту массу на ковре. Я старалась не обращать внимания на производимый массой влажный звук.

– Более или менее, – ответил он.

Доктор погладил доктора Блума по плечу.

– Йохан, прошу вас... Я был вынужден. Психическая связь. Теперь ее больше нет.

И в этот момент князь Борис прочистил горло, собираясь заговорить.

– На самом деле, не совсем так, – сказал он, улыбаясь. – Видите ли, Доктор, вы всего лишь расчистили путь для меня, упрочили мою связь с существом.

– Что?! – повернувшись к нему, вытаращил на него глаза Доктор.

Князь кивнул.

– Я взял верх над Блумом недавно, но он и его женушка отчаянно сопротивлялись моему влиянию. Больше он с ними не связан. Я должен поблагодарить вас за это.

Доктор молча смотрел на него.

Я потянула его за рукав.

– Месье, – сказала я. – Именно это я и пыталась вам рассказать!

– Ах, – Доктор кивнул. – Оказывается, надо всегда прислушиваться к детям. Прости, Мария. Прости, мне было некогда выслушивать тебя. Итак... Борис, так вы и есть злодей?

– Не совсем так, дорогой сэр, – хмыкнул тот.

– Вы просто хмыкаете, – процедил Доктор. – Но фыркание – плохая отмазка, так сказано в моих книгах. Так же, как и стойка уперев руки в бока, и презрение к человеку, потерявшему жену. Это признаки злодея.

Он сунул руки в карманы.

– Итак, – сказал он. – Теперь все по порядку. Выходит, я совершил ужасную, опасную ошибку, доверившись вам, не так ли?

Князь Борис рассмеялся.

– Именно. Не волнуйтесь из-за этого. Мы все ошибаемся.

Доктор снова повернулся к Блуму и вздохнул.

– Мне очень жаль.

Потом снова к князю, покачив головой.

– Ах, Борис. Какой ужас, какой позор! Вы так мне нравились!

Борис подошел к нему, и погладил его по волосам.

– И вы мне тоже понравились, милый Доктор. Но ведь это... это такие восхитительные возможности! Вы не можете не согласиться. Это блестяще!

– Разве? – приподнял бровь Доктор.

– Ну, я говорю, конечно, не об этой маленькой клинике с ее печальными жалкими пациентами. Я говорю о том создании, точнее,

созданиях, на берегу. Они поистине превосходны! Они как библиотека – впитали в себя мысли и знания всех здесь присутствующих. Это самые умные создания в мире. И я могу влиять на них, я связан с ними. Только подумайте, сколько своей жизни я потратил зря. Но к счастью, когда эти создания сотворили Косова, чтобы исцелить меня, я вступил с ними в контакт. Я могу видеть их. Могу направлять их. Могу заключать с ними сделки.

– Что? – переспросил Доктор. – Так это вы направляли Знакомцев все это время?

– Ну, не все время, – усмехнулся князь, – и не столько командовал, сколько помогал им. А они помогали мне. У меня была пара задумок. И теперь они почти осуществились. Они готовы. Они знают всё – кто из пациентов имеет вес в правительстве, кто силен телом и духом, а кто слабохарактерный. Это ключ к мощным армиям, богатствам, национальным лидерам и слабостям каждой из стран Европы. Там, на берегу, находится гигантский мозг, готовый к войне. И он готов поведать мне все, что нужно, чтобы я стал самым могущественным человеком в мире!

– О! – сказал Доктор.

Дверь открылась, и вошли две сестры Элквитин, глядя на нас пустыми глазами.

– А вот и моя армия! – засмеялся Борис. – Итак, пришло время вам, Доктор, отправиться в гости к Морю. И они наконец-то познакомятся с вами поближе!

Рассказ Рори

Я так слаб... Я больше не могу танцевать. Я закрываю глаза, и мне почему-то вспоминается...

Однажды руководство моей больницы организовало Веселые старты. Хотя, по-моему, в них нет ничего веселого. Я помню тот ненастный день, когда я наматывал круги по Лидворту под дождем. Эми говорила, что придет поболеть за меня, но проспала. И на финише меня встретил ее отец с коробкой из-под посуды, полной сэндвичей с отварной солониной и термосом чая.

– Два часа беготни, а? – спросил он, отхлебывая чай из маленькой пластиковой кружки. – Ну и каков результат? Какое место?

– Здесь главное – не победа, а участие, – объяснил я, чувствуя себя жалким неудачником. Как, впрочем, всегда в присутствии отца Эми.

– Ну, я думаю, бедный мальчик все-таки заслужил небольшой утешительный приз, – улыбнулся он, потрепав меня по плечу. – Сколько там дают за победу?

– Двенадцать фунтов и тринадцать пенсов, – с несчастным видом промямлил я.

Мы еще немного посидели, жуя сэндвичи. В них было много чатни. Отец Эми любит чатни.

– Ясно, – кивнул он, протягивая мне двадцатифунтовую банкноту. – Пойдем домой, посмотрим, не проснулась ли наша принцесса Эми.

Очнувшись от воспоминаний, я посмотрел на ложную Эми. Ее вечная улыбка и застывший взгляд пугали меня.

– Пожалуйста, – прохрипел я, спотыкаясь. – Пожалуйста, можно мы остановимся?

– Нет, – ответила она. – Мы должны продолжать танец. Обязаны. Немного осталось. Двигайся, малыш.

И снова потащила меня вперед. Я наступил ей на ногу. Если честно, уже не в первый раз. Сначала это получилось нечаянно, потом я начал делать это нарочно, ей в отместку. Она не жаловалась. Потому что это была не Эми. Настоящая Эми давно бросила меня, оставила танцевать со смертью...

Злое создание продолжало тащить меня по берегу. Некоторые пациенты вокруг нас уже совсем выбились из сил. Мистер Невилл лежал на песке, поливаемый дождем, а собака неистово теребила его за воротник, заставляя подняться. Оливии Элквитин рядом с ними не было.

Вокруг бушевал шторм.

Вдруг чья-то рука похлопала меня по плечу, потом коснулась ложной Эми.

– Привет! – сказал знакомый голос. – Можно мне присоединиться?

Это была Эми. Настоящая Эми. Здесь! Она не забыла обо мне! Она пришла мне на выручку!! Выражение лица моей жены не сулило ничего хорошего.

Ложная Эми улыбнулась ей, безразлично как всегда.

– Ну, – сказала Моя Эми. – Ты еще не сообщила Рори, что танцор из него никудышный? Я бы на твоём месте давно сказала.

– Я люблю его, – ответила Ложная Эми.

Настоящая Эми закатила глаза.

– Ну и кого из нас ты предпочтешь, милый муженек? – поинтересовалась она. Ее брови угрожающе сошлись. – Подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

– Ну... – начал я. – Она неплохо отнеслась ко мне.. поначалу... Даже нежно.

– Рори Вильямс! – прогремела Моя Эми. – Ты же не любишь нежностей.

– Я изменился.

– Я тебя люблю, Рори, – пропела Ложная Эми. – Ты так хорошо танцуешь, лучше Доктора.

– Глупо, – Настоящая Эми пихнула ее в ребра. – Тоже мне новость. Даже бегемоты танцуют лучше Доктора, – она снова повернулась ко мне. – Рори, слушай внимательно. Ты должен сказать это вслух, ей в лицо. Я знаю, ты догадываешься об этом, но сейчас ты должен это сказать.

– Что сказать? – не понял я.

Эми пнула своего двойника.

– Скажи же. Давай. Правду о ней.

– Сказать, что она ненастоящая? – уточнил я.

– В точку! – засмеялась моя Эми. – Скажи это ей в лицо со всей серьезностью.

– Не слушай ее, любимый! – взмолилась ложная Эми, но я твердо произнес: «Ты не настоящая!» Она пораженно посмотрела на меня, потом упала, растворившись в тумане.

– Отлично! – хмыкнула Эми, обнимая меня.

Я прижался к ней. Она пахла еще прекраснее, чем обычно. Я так по ней соскучился!

– Я так устал, – прошептал я, потом упал на песок и заснул.

Дневник доктора Блума

7 декабря 1783

Дурак! Дурак! Дурак!

В этом дневнике – история труда всей моей жизни. И хотя теперь моя жизнь близится к концу, кажется странным, что моя работа будет продолжена.

Мне так глупо и неловко признаться даже самому себе в том, что я понятия не имел о том, что большая часть моей жизни была обманом. Кем была Пердита на самом деле? Существовала ли она в реальности? Смутное воспоминание – о встрече с очаровательной женщиной, с которой мы сидели за одним столиком в кафе у Женевского озера, угощаясь вкусными пирожными. Неужели за основу моей жены была взята именно эта женщина? Всего лишь воспоминание о прекрасном дне? Действительно ли Море подарило мне то, чего мне не хватало – компаньона, подругу, спутницу жизни просто по доброте душевной, из самых лучших побуждений, или всего лишь для воплощения своих планов?

Действительно ли я исцелял людей? Или я просто приносил Морю регулярные жертвы? Что же я делал?

Теперь я могу, наконец, всё честно проанализировать. Кто я сейчас? Великий доктор Йохан Блум, известный всей Европе? Нет. В данный момент я просто мужчина, смотрящий в ужасе на нечто, накрытое одеялом, и тоскующий по нему. Оплакивающий свою жену. Для меня она всегда была реальным человеком. Самым прекрасным человеком, какого я когда-либо знал, и которого у меня отняли...

Я так долго работал с ней. Построив эту клинику, это поистине чудесное место. Управляя ею. Занимаясь поистине чудесной работой. Проводя с любимой дни напролет. Радуюсь, когда мне удавалось ее развеселить. Без всякой задней мысли восхищаясь тем, что она всегда знала что сказать. Я любил ее. Очень сильно любил. И до сих пор люблю. Пусть все это оказалось обманом.

И теперь я знаю, что мне делать.

Что вспомнила Эми

Если честно, всё оказалось проще, чем я думала. Я вернула Рори и уничтожила собственного злобного инопланетного двойника. Я была рада, что туман довольно быстро скрыл ее от меня – хотя я успела мельком увидеть то, что происходило с ней, и это было не очень приятным зрелищем.

Я подхватила Рори. Бедный мальчик еле стоял на ногах. Он выглядел ужасно. Я потащила его вверх по берегу на песчаную площадку. Вокруг нас бушевал шторм – и это было просто невероятно. Земля, небо и море – всё смешалось в одну огромную туманную серозеленую массу. Туман, дождь, крутящийся песок – все это было вокруг нас. Влажное и удушающее.

Само море светилось, светилось ярким зеленым свечением, прорывающимся сквозь туман и дождь.

Это было поистине ужасно. И в середине всей этой круговерти находились все эти странные танцующие фигуры в бальных платьях, париках, костюмах, продираясь сквозь шторм и спотыкаясь, словно сломанные заводные куклы.

Я похлопала Рори по щеке. Он открыл глаза.

– Эми, – слабо улыбнулся он, и снова закрыл глаза.

– Ну же, дорогой, – встряхнула я его, – вставай. Нам нужно спасти всех этих людей на берегу от танцев.

– Правда? – промямлил он. – Но почему именно сейчас... я так устал...

– Потому что с ними происходит то же, что было и с тобой, – пояснила я. – Из них тянут энергию, чтобы создавать этот шторм.

– Ладно, – Рори нахмурился. Он встал, слегка покачиваясь. Потом пристально посмотрел на берег. – Черт! – сказал он, затем повернулся ко мне.

– Эми, ты выглядишь потрясающе!

– Спасибо, муженек, – я пихнула его в бок. – Теперь идем.

– Секундочку, – он поднял руку. – Скажи мне сначала, что ты думаешь о моем умении танцевать?

– Ты никудышный танцор, – ответила я.

Рори кивнул.

– Просто проверял, – сказал он немного печально. – Значит, ты не инопланетянка. Ну так давай прекратим все это.

Прошло немного времени. Мы медленно оттаскивали людей от их партнеров по танцам, возвращая их на коляски. Некоторые из них выглядели

не лучшим образом и покорно шли за нами. Другие же не спешили прекращать изнурительный танец.

Маленькая пожилая леди танцевала с мальчиком. Она не хотела его отпускать и все время кричала:

– О, мои дорогие, только посмотрите, как танцует мой малыш! Посмотрите, как он счастлив! Мамочка так устала, но она будет продолжать танцевать, потому что это веселит ее мальчика. О да, она будет!

Но мы все же оттащили ее.

Мистер Невилл, дремавший на своем кресле-каталке, открыл глаза.

– Куда исчез Стокер? – спросил он меня. – Он был чудесным псом, знаете ли. Такой послушный. Воспитанный. А где Оливия? Вы ее не видели?

Откинувшись назад, он закрыл глаза и захрапел.

Голос Рори позвал меня со стороны моря. Его схватил мальчик. Дитя парило в воздухе, царапая ручонками как когтями глаза Рори. Я бросилась к мужу, пытаюсь оторвать от него ребенка.

– На помощь! – закричал Рори.

Я подошла ближе, и тут все стало еще хуже. Маленькие пухлые ручки ребенка начали царапать мои щеки, он зашипел на меня, раздирая мою кожу. Все это время его мамаша билась меня и кричала на меня:

– Это мой ребенок! Не обижай его!

Туман снова за клубился вокруг нас, и все, что я видела, был только этот странный жуткий ребенок, с короткими вьющимися волосами, блестящими глазами и цепкими ручонками. Одна из них закрыла мне нос и рот, душа меня и толкая вниз.

– Ты не настоящий! Ты не настоящий! – хотела крикнуть я, но жуткое создание лишь покачало головой. Я чувствовала, как кровь пульсирует в моей голове, перед глазами заплесали звездочки. Меня душил летающий ребенок. Кое-как вырвавшись, я отступила назад, оступилась, попав ногами в воду. Ребенок вновь подлетел ко мне, и надавил сильнее. Я подняла руки и упала на спину.

В отдалении, сквозь пульсацию крови в голове я слышала крик Рори:

– Эми, Эми! Держись подальше от воды...

Море оказалось ошеломляюще ледяным и ярко-зеленым, похожим на самый яркий гороховый суп, какой только можно вообразить. И оттуда, из глубины, ко мне потянулись руки, дергая меня, таща вниз. Я больше не могла

сопротивляться. Просто не могла. Мне было необходимо дышать, подняться, необходимо...

Мальчик всей тяжестью навалился на мое лицо, опуская мою голову под воду. Мои легкие, отчаянно требуя воздуха, втянули ледяную соленую воду, и я начала захлебываться. Всплыла на мгновение, закашлялась, и снова ушла под воду, влекомая теми странными руками.

Чья-то рука потянула меня вверх. Рори.

– Как я рада тебя видеть... – простонала я.

Крик с берега насторожил меня. Там стоял Рори. Еще один.

Все ясно. Один из них – ложный. Вот только какой?

– Ты в порядке? – спросил Рори, держащий меня за руку.

ОК. 10 очков в его пользу.

Я повернулась к Рори на берегу.

– Ну а ты что скажешь в свою защиту?

– Я настоящий! – донеслось до меня. – Черт возьми!

– Ну, ну, что еще? – фыркнула я.

– Ну, слава Богу, они не создали двойника Доктора, – был ответ с берега.

Хмм... Ревнует. 20 очков в его пользу. И действительно весомый аргумент. Иногда нужен толчок от гигантского инопланетного водяного разума, чтобы правильно расставить приоритеты.

Я повернулась к тому Рори, что держал меня за руку.

– Ну, а ты что на это скажешь, Рори?

Второй Рори выглядел растерянным.

– Мне нет никакого дела до Доктора, совсем никакого, – ответил он просто.

– Ну вот и все, – вздохнула я, отшвырнула двойника, и вышла из воды к моему мужу. – Вот и славно.

Мы стояли на песке, окруженные светящимся туманом.

– Какой ужасный кавардак, – сказала я.

Рори кивнул.

– Ну и каковы у нас успехи? – спросила я.

– Мы уже освободили трех танцоров.

– Трех из скольких?

– Ну... из дюжины или около того. Я их не считал.

– Отлично, – я уставилась на пустые коляски, скрипящие на ветру. – Шторм все еще очень сильный.

– Да, – кивнул мой супруг.

– Но и это уже хорошая новость, – подбодрила его я. – А скоро придет Доктор и поможет нам. Скоро придет Доктор!

– Кто-то звал Доктора? – словно в ответ на мои слова послышался из тумана знакомый голос. Доктор!

Мы с Рори бросились на голос, снова и снова зовя нашего друга.

Вот и он.

– Доктор!! – воскликнула я. – Ты в порядке?

– Ох, – ответил он. – И да, и нет.

Туман вокруг него немного рассеялся. И мы увидели, что его удерживают с двух сторон бледные сестры Элквитин.

– Хм, – сказал Доктор, – познакомьтесь с моими конвоирами. Для милых леди они неплохо справляются.

Туман рассеялся еще немного. И мы увидели позади Доктора князя Бориса. Он смеялся.

– Что происходит? – спросила я.

– Ах, Эми, – вздохнул Доктор, – иногда бывают хорошие дни. А этот день ужасный. Если честно, все пошло немного не так, как хотелось бы. Как в фильме «Все из-за Пита Тонга»¹⁷.

Две леди потащили Доктора к воде.

– Самое грустное, что я даже не могу сопротивляться, – сказал Доктор, – они находятся под прямым психическим контролем. Если я выберусь отсюда живым, боюсь, у меня останутся синяки до Второго пришествия. У этих леди хватка просто стальная. Отлично, девочки. Думаю, у вас нет проблем с открыванием бутылок.

Они подтащили его к самой кромке воды.

– Так что все-таки происходит? – спросил Рори.

– Ничего хорошего, – вздохнул Доктор, – они собираются скормить меня созданиям Моря. Плохая идея, очень плохая идея.

Они подтащили его еще ближе.

¹⁷ Британский диджей (прим. переводчика).

Письмо от Марии

Сент-Кристоф.

7 декабря 1783

Милая мама, вот что еще произошло сегодня.

Я побежала на берег. Там было очень холодно и очень тихо. Все стояли молча и неподвижно, словно ожидая начала игры – все эти взрослые, глядящие друг на друга.

Здесь были все пациенты-танцоры, безмолвным хороводом окружившие Доктора, еле стоящего на ногах и удерживаемого на месте сестрами Элквитин.

На возвышении над толпой стоял князь Борис, улыбающийся, ожидающий чего-то приятного. Он выглядел таким счастливым, что это испугало меня. Я ему больше не доверяю.

Кажется, никто не заметил меня. За исключением Эми, которая прошептала: «Уходи, дитя!» Но я осталась на месте. Я хотела посмотреть, что будет дальше.

Эми поддерживала Рори, который выглядел просто ужасно. Бедный месье, он выглядел таким усталым.

Вокруг шумело море, переливаясь и шепча. Я начала различать слова в шуме волн, голоса, бубнящие и шипящие «Накорми нас, дай его нам» снова и снова.

Я поежилась и забеспокоилась, мама, – вспомнила: ведь ты тоже приходила сюда, на берег. Что с тобой здесь происходило?

А потом произошло самое невероятное и интересное. За то короткое время, какое я знаю Доктора, я видела его разным, делающим самые неожиданные вещи. Но я никогда не видела его умоляющим.

Он упал на колени перед князем Борисом.

– Пожалуйста! – взмолился он. – Вы не должны позволять Морю сканировать меня. Вы не можете...

Князь Борис улыбнулся.

– Море так сильно жаждет узнать то, что скрыто в вашей голове, Доктор. Да и я, признаться, заинтригован. Ага, они уже начали к вам подбираться!

Доктор пошатнулся, застонал жалобно, скривившись словно от сильнейшей зубной боли.

Улыбка на лице князя стала шире, глаза тоже расширились от удивления.

– Вот как... Вы путешествовали так далеко, встречали столько удивительных людей и других существ... А коробка, о, эта волшебная коробка! – он хлопнул в ладоши. – И это лишь небольшая часть того, что они нашли в самых поверхностных слоях вашего разума.

Он нагнулся к Доктору, царапая бородой его нос.

– Но им этого мало. Они хотят знать больше. Они хотят достать то, что скрыто там, в глубинах вашего мозга. Я, пожалуй, позволю им полностью поглотить вас.

Тихо, шепотом, но так, что слышал весь берег, Доктор произнес всего одно слово.

– Нет.

Князь Борис засмеялся

– Вы очень забавный человек. У вас отличное чувство юмора! Мне это нравится. И даже очень. Но...

Вдруг, казалось бы, без малейших усилий, Доктор освободился от захвата и встал. Сестры Элквитин в смятении отступили назад. И хотя князь Борис был на целую голову выше Доктора, их взгляды скрестились.

– Нет, – повторил Доктор громко и твердо. Он не кричал, но его голос разнесся эхом по окрестным скалам, и это обрадовало меня. Доктор свободен. Значит, все будет в порядке. Я заметила, как обнялись Эми и Рори. Все будет хорошо.

Туман вокруг него постепенно рассеивался, открывая берег, пациентов, встревоженного князя Бориса и...

О, мамочка, к нам по берегу несся доктор Блум. Вот он остановился и замер, тяжело дыша. Он плакал, очень сильно. К моему изумлению и ужасу, я поняла, что в руках у него был пистолет!

– Вы! – прокричал он, глядя на Доктора. Его руки тряслись так, что пистолет брякал. – Вы убили мою жену!

Он нажал на курок, и звук выстрела пронзил тишину на берегу.

Доктор упал, издав лишь слабое изумленное «Ох!» как раз в тот момент, когда в его лбу появилось пулевое отверстие.

Что вспомнила Эми

Я видела, как умер Доктор.

Это было поистине ужасно. Однажды я видела собаку, попавшую под машину. Собака перебегала дорогу, не глядя по сторонам, и не заметила быстро приближающийся белый грузовик. Я помню это происшествие до мельчайших подробностей – логотип на грузовике, хитрое выражение собачьей морды, как она бежала через улицу, высунув язык между двумя рядами острых зубов и красных десен, помню людей на той стороне улицы, рекламу в окне магазина на углу, детскую коляску с висющими на ручках тремя сумками, мужчину, завязывающего шнурки, даже половину первой полосы газеты на лобовом стекле грузовика...

Ну вы меня поняли. Так же и здесь. Доктор был мертв. Вот так просто.

Я видела, как это случилось, и почувствовала, что часть меня, мое детство умерли вместе с ним. Все эти надежды, приключения, идеи – все упало на землю вместе с ним. Это мой Доктор, и кто-то просто застрелил его. Это не клон, не дубликат, не игра, не инсценировка. И умер он не от впечатляющего взрыва, не от телесных повреждений, а от бесспорно смертельного выстрела. Меткого выстрела, не излета или рикошета. Доктору Блуму повезло, как начинающему стрелку. Забавно, что в такой момент я могу рассуждать об этом.

Моим первым порывом было спросить Доктора, что он думает обо всем этом, я ожидала услышать в ответ что-нибудь забавное и остроумное. Что-то остроумное и Докторское. И ободряющее. Но он ничего не сказал. Он просто лежал неподвижно на мокром песке. Потому что он был мертв. Мой Доктор-в-лохмотьях.

Потом я повернулась к Рори, чью руку я сжимала изо всех сил.

– Сделай что-нибудь! – прокричала я.

Рассказ Рори

Доктор был мертв.

Эми начала кричать. Не думаю, что она осознавала что делает. Вы наверно видели в новостях тех бедных женщин, которые в одночасье лишились своих семей из-за землетрясения, взрыва или селевого потока? Эми издавала такой же крик. Просто горе без слов, ибо не существует таких слов, чтобы его выразить.

И дело даже было не в громкости этого крика. Это был не такой крик, от которого дрожала земля и лопалось стекло. Нет, он был просто громкий и ужасный.

Она схватила мою руку, сжала ее очень сильно, ломая ее. Я позволил ей это. Единственное, что я мог для нее сделать. Я просто смотрел на Доктора, лежащего на берегу, и волны, накатывающие на него. Он был таким высоким секунду назад, сейчас он казался таким маленьким, словно ненастоящим. Дождь мочил его одежду.

Помимо криков Эми я слышал странный тоненький тренькающий звук снова и снова. Это руки доктора Блума тряслись так, что пистолет в них брякал. Его лицо... он словно не понимал в полной мере, что натворил. Он был просто в шоке. И выглядел таким несчастным, что мне даже захотелось утешить его. Но я не мог. Я держал Эми, и никогда бы ее не отпустил.

Забавно. Самый удивительный человек во Вселенной убит на твоих глазах, а ты собираешься подойти и обнять его убийцу потому только, что он кажется тебе несчастным.

Пистолет выпал у Блума из рук и с влажным шлепком упал на песок. Блум взглянул на князя Бориса.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь вы довольны?

Князь равнодушно махнул рукой.

– Более-менее, – ответил он. – Море так жаждало покопаться в мозгах Доктора. А меня он просто раздражал.

– Он убил мою жену, – промямлил Блум. – Вы сказали мне, что он это сделает. Я не смог это предотвратить. Но нужно было что-то сделать.

– Я знаю, – устало зевнул князь. – Вам надо было застрелить его раньше. Сейчас уже немного поздно.

– Да, – кивнул несчастный Блум, – да.

Доктор просто лежал на берегу. Первоначальный шок рассеялся, уступив место очень тревожным мыслям. Ужасно эгоистичным. Если Доктор мертв, то это значит, что мы застряли в прошлом. И нам придется доживать остатки своих жизней здесь. Без нормального водопровода, с ужасной едой и... ах да, еще и Великая Французская революция не за горами. Что нам делать? Как мы будем жить? Что, если вернется ТАРДИС – сможем ли мы войти в нее? Сможем ли ей управлять? Как мы вернемся назад в Лидворт? Да и захочет ли Эми туда возвращаться?

Она еще сильнее вцепилась в меня.

– Сделай что-нибудь! – прокричала она.

Не очень-то здравая мысль. И рад бы помочь, но как? Но тут медицинский опыт взял свое.

Я подошел к телу, перевернул его. Удивился тому, какой маленькой была дырочка от пули, каким бледным и спокойным было лицо Доктора. Странно – я никогда не видел его лицо таким спокойным и неподвижным. Даже когда он был погружен в раздумья, даже когда сердито смотрел на нас, его лицо всегда было подвижным, живым. Но не сейчас. Сейчас оно было мертвым.

Я послушал его сердце. И то, второе, раздражающее своей невозможной неправильностью. Тишина. Ни малейших признаков жизни. Выстрел в голову.

И вдруг я осознал, что делаю ему искусственное дыхание рот в рот. Очень смешно – целую Доктора. По правде, на моем месте должна была быть Эми, с прощальным поцелуем. Но может быть, может быть... он же пришелец все-таки, – подумал я. Может, у него ум не в голове. Может, он хранит самое жизненно важное где-нибудь в аппендиксе или другом незаметном месте? Может, с ним все в порядке. Может, ему нужен лишь небольшой реанимационный толчок как от дефибриллятора, чтобы привести его в чувство.

Ничего. Абсолютно.

Я почувствовал прикосновение Эми к моему плечу. Более нежное. Она плакала.

– Рори, – всхлипнула она. – Перестань. Уже все.

Но я сделал еще один, контрольный, вдох.

Наконец, я встал, позволив Эми обнять себя. Мы вместе смотрели на тело Доктора, которое вдруг начало слабо светиться.

– Готов поспорить, он об этом не подумал, – сказал я.

Эми снова всхлипнула.

Князь Борис по-прежнему стоял в стороне, увиденное его забавляло. Это ведь русские стравливают медведей и других зверей между собой, заставляя их драться? Или я что-то путаю?

На лице князя застыло выражение триумфа и скуки. Это окончательно взбесило меня.

И я решил – это не конец. Еще не вечер.

Я носил мысли Доктора в своей голове. Я знаю, каково быть героем. Настало время самому им стать.

Что вспомнила Эми

Я люблю Рори Вильямса.

Он подошел к Морю. Поднял Доктора с песка, повернулся к Морю и прокричал:

– Исцелите его! Ну же! Исцелите его!

Рори начал тащить Доктора по песку прямо в прибой, волны накатывались на них. Я подбежала к нему, и мы вместе стали удерживать там Доктора, пока Море шумело вокруг нас, эти зеленые жадные волны. Под поверхностью бушевало сумасшедшее свечение.

Мы держали Доктора, висящего у нас на руках, ощущая давление тумана и волн, пытающихся вырвать его у нас.

– Исцелите его! – снова закричал Рори, и на сей раз я присоединилась к нему.

– Давайте же! Вот он, тот, за кем вы гонялись все это время! Сделайте это! – сказала я, помолчала секунду, затем добавила, немного смущенно: – Пожалуйста!

Я надеялась, что все будет хорошо. Правда надеялась.

Помните собаку, попавшую под машину? Я до сих пор помню водителя грузовика, глядящего ее, и повторяющего одно и то же, снова и снова, отчаянно желая, чтобы все кончилось хорошо.

А теперь я, Эми Понд, стою в волнах ледяного моря, держа мертвое тело воображаемого друга, и кричу на море, требуя от него помощи. Ну-ну. Видели бы меня сейчас мои психиатры, которых я когда-то покусала.

Да, все было так. Я знала, что князь Борис и доктор Блум наблюдают за нами. Князь Борис откровенно забавлялся – в стиле «Ах эти англичане такие смешные». Доктор Блум был похож на заброшенный дом, который покинула жизнь.

А море... оно с новой силой нахлынуло на Доктора. Мы с Рори упали, или были отброшены – я не уверена. Но мы упали на берег, мокрые и взволнованные.

Рори помог мне подняться, и мы стояли там, трясаясь от холода и шока. Мы не видели Доктора – его скрывал густой туман.

Наконец туман слегка рассеялся, и мы увидели, что море стало выглядеть еще более неправильно. Оно стало ядовито-зеленым, того самого оттенка, в который ты красишь волосы в 14 лет, в знак протеста. Небо

светилось таким же нездоровым цветом. Все кипело и бурлило, как в чайнике, полном спятившей жидкости.

Затем Море разделилось на две неравные части и отхлынуло, оставив скорченное тело Доктора на каменистом островке, окруженном толстой стеной шипящей и плюющей воды.

И вдруг... Тело зашевелилось и поднялось. Доктор был жив!!!

Я прижалась к Рори и поцеловала его. Мой герой.

Доктор проигнорировал гигантскую, невозможную водяную стену перед собой, он повернулся к нам. Он весело помахал князю Борису и доктору Блуму, потом погрозил жестом, означавшим «с вами я потом разберусь». Потом посмотрел на нас с Рори.

– Привет! – сказал он как ни в чем ни бывало.

– Привет! – ответили мы. Немного неуклюже. Мы просто не знали, что еще сказать.

– Рори Вильямс, – Доктор сунул руку в карман, вытащил оттуда живую рыбу, нахмурившись, выбросил ее прочь. И продолжил: – Эх, Рори, Рори, Рори! Скажи, это была твоя идея позволить Морю вылечить меня?

– Да, – ответил Рори, улыбаясь.

– Это было блестяще, – просиял Доктор, потом поник, – невероятно ужасно.

– Что? Почему? – удивились мы.

– Единственное, чего я всеми силами пытался избежать! Я старался не позволить Морю просканировать меня!

– Но у меня не было выбора! – запротестовал Рори. – Ты был мертв! Я бы никогда не предал тебя! Не позволил бы им выиграть!

– Ладно, проехали, – вздохнул Доктор. Если честно, я подумал, что он стал таким неблагодарным. – А теперь... просто бегите. Вы все!

Вот одно из правил, которое ты запоминаешь сразу, в первые же дни знакомства с Доктором – никогда не задавай вопросов и не возражай, когда слышишь от него это короткое слово. Просто беги. Это так же просто, как дважды два.

И мы побежали, а с морем начало происходить что-то ужасное.

Доктор стоял на том же месте. Он начал кричать во весь голос. Он спорил с морем.

– Прошу прощения! – кричал он. – Я изо всех сил старался это предотвратить.

Море издало шум, даже крик. Как будто кричала сама вода.

Голос Доктора стал еще громче.

– Вы, Знакомцы, читаете мысли людей, превращаясь в то, чего им не хватает. Вы делаете это очень хорошо, надо признать. Вы забираете боль людей, все их печальные мысли, взамен отдавая им то, чего они лишились. Вот почему я так не хотел, чтобы вы хоть на минутку оказались возле меня. Я очень старался.

Море закричало снова, шипя и бурля вокруг него.

– Я живу так долго, я потерял так много! – Доктор протянул руку, коснувшись бурлящих волн. – Я – самое ужасное, что вам когда-либо доводилось сканировать.

Ветер завывал, сбивая нас с ног, запорашивая нам глаза песком. Но я продолжала смотреть – даже сквозь сумятицу грозы я видела, как Море извивалось, менялось, превращаясь в нечто.... невообразимо ужасное. Гигантское водяное чудовище – с щупальцами, когтями, зубами, металлическими пластинами и сотнями пастей. Оно беспрерывно кричало. Оно изменялось, крутилось, завывало, подпирая макушкой небеса. Оно пузырилось и вращалось, расширялось и сжималось... Иногда оно выглядело как мешок с дергающимися конечностями и завывающими лицами, иногда как замок с блестящими серебряными башнями, принимало формы, которые я не в силах описать – в общем, гигантский кошмар, который становился все больше и больше в разрастающейся агонии...

Сквозь его вопли, я расслышала Доктора, кричавшего на пределе своих сил:

– Я последний Повелитель Времени! – и затем добавил тихо и печально. – Незапланированный груз в багажном отделении.

Затем Создание из моря взорвалось.

Письмо Марии

*Сент-Кристоф,
8 декабря 1783*

Дорогая мама!

Я очнулась от долгого сна. Доктор строил замок из песка. Он увидел, что я смотрю на него и улыбнулся.

– Привет, Мария! – сказал он. – Все остальные еще спят. Это была длинная ночь.

Я встала и заметила, что мое платье было все в песке. Я отряхнулась и осмотрелась. Берег был усеян спящими телами. Эми и Рори спали в обнимку, другие больные лежали вповалку тут и там. Было прекрасное ясное утро. Первое по-настоящему спокойное за все время моего пребывания здесь. Море раскинулось до самого горизонта, чистое, синее. На поверхности воды лениво качались чайки.

Я подошла к Доктору, чтобы помочь ему строить замок, но он предостерегающе вытянул руку.

– Не спеши, Мария, такие вещи надо делать аккуратно, – пояснил он. Я посмотрела на его творение. Это был чудесный замок с бойницами, башенками и окнами.

– Месье, он уже закончен, не так ли? – спросила я грустно.

Он покачал головой.

– Зачем замок, если в нем нет жителей?

И мы начали делать человечков из песка.

Он сделал принцессу, немного похожую на меня. Я попыталась сделать нескольких воинов, но они получились довольно неказистыми. Я бросила это занятие и спросила:

– А что с другими людьми на берегу?

Доктор оглядел берег.

– Они пережили серьезную психическую травму, и сейчас восстанавливаются во сне, поэтому их лучше не беспокоить. Но с ними все будет в порядке, я гарантирую. Я прошмыгнул в здание и принес несколько старых одеял. После всего, что они пережили, было бы обидно, если бы они еще и простуду подцепили.

Вздыхнув, он погладил только что созданную им фигурку храброго рыцаря на коне.

Мы продолжили делать человечков.

– Ну вот, мои готовы, – сказал Доктор. – Милые и изящные, – он помолчал. – А это кто, Мария?

Я указала на свое войско.

– Это армия захватчиков, которые атакуют замок. Вам придется принять их.

Доктор вздохнул.

– Ну ладно, если ты так хочешь.

Он выглядел таким печальным, что я сказала:

– Месье, я могу избавиться от них, если хотите. Они же из песка.

Он покачал головой, став таким старым и уставшим.

– Нет, Мария, ты права. Они нужны.

Мы немного помолчали.

– А что с Эми и Рори? – спросила я.

Доктор улыбнулся.

– Они тоже спят. Они слишком взрослые для песочных замков.

– А зачем вообще этот замок? – спросила я. – Ведь все равно море смоем его.

Доктор нахмурился.

– Такой же вопрос задавала бы и Эми, – сказал он. – Может, ты тоже слишком взрослая для строительства замков... – Он щелкнул меня по носу и печально улыбнулся.

Я покачала головой. Какой же он смешной!

Он начал рыть ров.

– Если сделать хорошую траншею, морю понадобится больше времени, чтобы испортить замок, – пояснил он. – Она вышла не очень, но это лучшее, что у меня вышло.

Он откинулся назад.

– Иногда это лучшее, на что можно надеяться, – сказал он.

– Что все-таки случилось с ними? – любопытствовала я.

– Ох, – он посмотрел на меня так, словно мой вопрос был для него неприятен. – Ну ладно. Море стало домом для редких и прекрасных созданий. Они старались помогать людям. Но они были нездоровы, они были ранены. Они вырвались, ища ум, чтобы контролировать – так они привыкли делать. Сначала они нашли доктора Блума, но он оказался недостаточно силен для них. Тогда они нашли князя Бориса. Они дали ему то, о чем он

даже не мечтал. Они исцелили его болезнь, но также и его лень. Звучит глупо. Но именно мысль о том, что не стоит себя утруждать, и не давала ему проявить свою ужасную натуру. Вы, люди, всегда такие странные и глупые.

Да, мам, он правда сказал «вы, люди» таким тоном, словно сам не был человеком, и это очень странно, если подумать.

А он продолжал:

– Как только мы прибыли сюда, я почувствовал, что создания пытались залезть мне в голову – я понял, что это такое, и что им нельзя давать читать меня. Ему просто нельзя. Люди, которых я потерял, вещи, которые я видел... все это разорвало их. Это были такие замечательные, благородные, добрые существа.. Я правда хотел их спасти, – он издал протяжный вздох, почти стон. – И у меня это не очень-то получилось. – Он взглянул на едва заметное зеленое свечение на волнах. – Это наверно лишь их тень...

Я погладила его по руке.

– Но вы старались, месье.

Он взял мою руку и пожал ее.

– Спасибо.

Шурша по песку, прибежала Эми, и, резко затормозив, столкнула в траншею песок.

– Эх ты! – крикнула она Доктору. – Замки из песка строишь? Ты что, маленький мальчик? Тебе сколько лет, пять?

Отрывок письма князя Бориса

...Вот так и закончилась, мой милый Андрей, попытка твоего брата подчинить себе весь мир!

До сегодняшнего момента я считал, что только ты и мама знали, какой я на самом деле (несмотря ни на что, она всегда была на моей стороне, благослови ее Бог). Но теперь я осознал, что меня разгадал и Доктор.

Я проснулся в своей постели и увидел, что он сидит неподалеку и читает газету.

Я приветствовал его.

– Привет! – ответил он. – Нет, нет, не надо вставать – вы слишком слабы. Боюсь, вы находились ближе всего к источнику психического взрыва. Наверно, ваш позвоночник до сих пор колеблется, словно колокольчик на ветру.

Я вздохнул.

– Догадываюсь, что мне не избежать очередной лекции-нотации.

К моему удивлению, он пожал плечами.

– А что, вы хотите ее услышать? Знаете ли, я провел сотни лет в спорах с подобными вам. И знаете ли, за это время ни один из них не изменил своего мнения. Спорить с вами – все равно что с интернетом, – он усмехнулся. – Не волнуйтесь. Я не буду тратить понапрасну ни свое, ни ваше дыхание.

Он расхохотался, и я смеялся вместе с ним, пока его улыбка не пропала.

– Итак, – сказал он, – если вы хотите, я могу рассказать. Те бедные создания, которых вы старались эксплуатировать, исчезли. Их больше нет, равно как и психической связи с пациентами. Ничего не осталось. Напрасная и ужасная трата сил и времени. Вы довольны?

– Вообще-то не очень, но попробовать стоило, – ответил я, поправляя одеяло.

– Правда? – вскочил он. – Честно? Ну вот.

– Такие вещи нельзя не попробовать, всегда заманчиво, – отмахнулся я. – Вам, моралистам, не понять.

– Да уж, – хмыкнул он. – Беда в том, что я это понимаю. И всегда побеждаю таких, как вы. И это нисколько не надоедает.

– А вот это уже похоже на лекцию, мой милый Доктор, – сказал я, зевая.

Он кивнул.

– Я просто хотел узнать... Вы всегда были таким? Всегда? Правда?

Я развел руками.

– Грешен...

– А теперь вы просто невинная овечка, – Доктор начал гневно расхаживать по комнате. – Так наивны! Я имею в виду, что, как вы думаете, случилось бы, если бы я вам не помешал? Вы подчинили бы себе мир? Знаете ли, вы не оригинальны. Подобные мысли посещали людей всегда, и сейчас тоже, сплошь и рядом. Это внезапно стало модным. Через несколько лет это попытается сделать один француз... Так что в любом случае... Я не шучу.

И снова засмеялся, очень заразительно. Мы смеялись вместе.

Я снова поправил одеяло.

– Я скажу вам правду, Доктор. Да, я всегда был таким, но не всё так просто, как кажется. Вы ведь знаете, каково это, когда стоишь одной ногой в могиле? И когда внезапно я почувствовал себя лучше, когда осознал все возможности существ и как этим можно воспользоваться...

– Понимаю, – согласился со мной Доктор. И рассказал мне, что если бы у него была такая сила, он использовал бы ее для разрушения целых миров, даже не задумываясь о последствиях. Ну, он сказал не совсем такими словами, но смысл был такой.

– Я восхищаюсь вами, – сказал Доктор. – Нет, правда. Получить второй шанс и так ужасно, абсолютно, совершенно упустить его...

– А вот здесь вы ошибаетесь, – возразил я. – Это такие как вы проигрывают и промахиваются. Я же рисковал. Вот что делает меня великим человеком, а таких как вы ничтожествами.

Доктор, ничуть не обидевшись, пожал плечами.

– Ну, в таком случае я предпочитаю быть ничтожеством.

Потом он взглянул мне в глаза. Не мигая, словно и не нуждался в этом.

– Ну, – сказал он. – Вы рисковали, так ведь по-вашему?

– И вот как много я потерял, – вздохнул я. – Капелька удачи – и я мог бы жить вечно.

– А вместо этого... – скривился он.

– Ну да, – ответил я. – Знаю. Исцеляющее действие проходит.

– И что вы теперь будете делать? – спросил он.

– Ну... постараюсь по максимуму использовать отпущенное мне время.

Надеюсь дочитать пару-тройку книг.

– Лучше возьмите небольшие книги, – улыбнулся он. – А мне пора улаживать то, что натворил. Я просто хотел убедиться, что с вами все в порядке.

– Щедрость победителя? – криво ухмыльнулся я.

– Не только и не совсем, – отвечал он. – Мне вас жаль. Как я говорил, вы мне понравились.

– Взаимно! – ответил я.

И мы снова засмеялись. Потом мой смех перешел в надсадный кашель. Приступ оказался продолжительным.

Когда я прокашлялся и поднял голову, Доктора в комнате уже не было.

Что вспомнила Эми

Вот рассказ о том, как все это закончилось. Солнце, как обычно, появилось над стеклянной крышей столовой. Было холодное ветреное утро. Вокруг нас сидели тихие мрачные пациенты и слушали, как сестры Элквитин играют грустный реквием.

Вошел Доктор, стараясь не обращать внимания на обвиняющие взгляды окружающих. Он подсел ко мне и Рори за столик подальше от камина. Он молчал.

– Итак, – сказал наконец Рори, – все улажено, не так ли?

Доктор скривился.

– Ну да, история вернулась на круги своя. Сумбурная и не для всех окончившаяся счастливо.

Я махнула рукой в сторону других больных. Я старалась не встречаться взглядом с Оливией Элквитин.

– Что будет с ними? – спросила я.

– Ну... по-разному, – ответил Доктор с непринужденным видом. – Некоторые из них исцелятся, некоторые нет. Зависит от того, что именно пытались исправить существа, с чем именно они работали и насколько интенсивно. Я буду в порядке, и Рори тоже. И те, кто успел покинуть клинику... Но что с теми, кто еще лечится? – он вздохнул. – Им придется вновь довериться доктору Блуму. Свежий воздух, гигиена, экология – все это очень прогрессивно. Это обязательно прибавит им лет жизни – а этого и добивается доктор Блум. А я больше не буду вмешиваться – пусть история идет своим чередом.

– Правда? – сощурилась я.

– Честное слово, – ответил Доктор, избегая смотреть нам в глаза. – Ну... – пробубнил он, – в некотором роде...

Он заметил, что мы негодуяще и недоверчиво смотрим на него.

– Ну а что я должен делать, вышвырнуть их пинками отсюда? – сердито поинтересовался он.

– Ну попробуй, – фыркнул Рори. – Сестры Элквитин живо вернут тебя с небес на землю.

Доктор кивнул.

– Будем считать это не счастливым концом, а менее печальным.

Я посмотрела на его лицо, такое усталое и печальное.

– А князь Борис? – спросила я.

Доктор надул щеки, с силой выдохнул и отвернулся к морю.

– Он оказался слишком милым человеком. Мне следует держаться подальше от слишком обаятельных людей, – ответил он, и слабая улыбка скользнула по его губам. – К счастью, к тебе, Рори, это не относится.

– Вот как, – хмыкнул Рори.

– А как же ТАРДИС? – спросила я. – Она вернется к нам?

– О, конечно, она вернется. Думаю, она уже в пути, как последняя электричка.

– Надеюсь, – улыбнулась я.

– Ну, в другом случае нам придется здесь задержаться и подыскать работу, – невозмутимо сказал он.

Мы изумленно уставились на него.

– Ну, не в этой клинике, – смутился Доктор. – И не во Франции. И ненадолго. Нет.

Затем он принялся раскачиваться на своем стуле, до тех пор, пока тот не опрокинулся.

– Вот и результат, – сказал он.

Вот рассказ о том, как все это закончилось. Солнце, как обычно, появилось над стеклянной крышей столовой. Было холодное ветреное утро. Вокруг нас сидели тихие мрачные пациенты и слушали, как сестры Элквитин играют грустный реквием.

Вошел Доктор, стараясь не обращать внимания на обвиняющие взгляды окружающих. Он подсел ко мне и Рори за столик подальше от камина. Он молчал.

– Итак, – сказал, наконец, Рори, – все улажено, не так ли?

Доктор скривился.

– Ну да, история вернулась на круги своя. Сумбурная и не для всех окончившаяся счастливо.

Я махнула рукой в сторону других больных. Я старалась не встречаться взглядом с Оливией Элквитин.

– Что будет с ними? – спросила я.

– Ну... по-разному, – ответил Доктор с непринужденным видом. – Некоторые из них исцелятся, некоторые нет. Зависит от того, что именно пытались исправить существа, с чем именно они работали и насколько интенсивно. Я буду в порядке, и Рори тоже. И те, кто успел покинуть клинику... Но что с теми, кто еще лечится? – он вздохнул. – Им придется вновь довериться доктору Блуму. Свежий воздух, гигиена, экология – все это очень прогрессивно. Это обязательно прибавит им лет жизни – а этого и добивается доктор Блум. А я больше не буду вмешиваться – пусть история идет своим чередом.

– Правда? – сощурилась я.

– Честное слово, – ответил Доктор, избегая смотреть нам в глаза. – Ну... – пробубнил он, – в некотором роде...

Он заметил, что мы негодуя и недоверчиво смотрим на него.

– Ну а что я должен делать, вышвырнуть их пинками отсюда? – сердито поинтересовался он.

– Ну попробуй, – фыркнул Рори. – Сестры Элквитин живо вернут тебя с небес на землю.

Доктор кивнул.

– Будем считать это не счастливым концом, а менее печальным.

Я посмотрела на его лицо, такое усталое и печальное.

– А князь Борис? – спросила я.

Доктор надул щеки, с силой выдохнул и отвернулся к морю.

– Он оказался слишком милым человеком. Мне следует держаться подальше от слишком обаятельных людей, – ответил он, и слабая улыбка скользнула по его губам. – К счастью, к тебе, Рори, это не относится.

– Вот как, – хмыкнул Рори.

– А как же ТАРДИС? – спросила я. – Она вернется к нам?

– О, конечно, она вернется. Думаю, она уже в пути, как последняя электричка.

– Надеюсь, – улыбнулась я.

– Ну, в другом случае нам придется здесь задержаться и подыскать работу, – невозмутимо сказал он.

Мы изумленно уставились на него.

– Ну, не в этой клинике, – смутился Доктор. – И не во Франции. И ненадолго. Нет.

Затем он принялся раскачиваться на своем стуле, до тех пор, пока тот не опрокинулся.

– Вот и результат, – сказал он.

Письмо от Марии

Сент-Кристоф,

9 декабря 1783

Милая мамочка!

Доктор прогнал всех монстров. Могу ли я теперь вернуться домой? Я так скучаю. Я решила, что назову щенят Эми и Рори!

Здесь так тихо теперь, не слышно ничего, кроме кашля. Мне так одиноко, тем более что Доктор, Эми и Рори собираются уезжать. Я не хочу оставаться тут одна.

Любящая тебя Мария.

Письмо от мистера Невилла

*Сент-Кристоф,
9 декабря 1783*

Дорогой Октавиус!

У меня есть для тебя, старый плут, и хорошие новости, и плохие.

Плохая новость – целительный эффект проходит. А хорошая новость – что я не вернусь домой. Таким образом позволив тебе избежать моего гнева и порки, которых ты заслуживаешь.

Я решил провести остаток своих дней здесь в Сент-Кристофе – здесь неплохая атмосфера и я даже завел себе друзей. Здесь я наконец-то обрел покой и хорошую компанию, хотя сейчас я не так часто могу позволить себе прогулки по берегу моря.

Зима тут хорошая – холодно, но сильных морозов нет, и иногда снег красиво ложится на море. Девушка-иностранка снова разговаривает со мной, а врач, который всем тут заправляет, в общем-то неплохой малый. Заслуживает еще одного шанса. Кто знает, может, я еще увижу весну...

Твой покорный слуга Генри Невилл

Дневник доктора Блума

9 декабря 1783

Раздался стук в дверь. Когда я крикнул: «Войдите!», вошел Доктор с чайным подносом.

– Доброе утро, доктор Блум! – сказал он.

Я не ответил, продолжая смотреть на море.

Он заговорил снова.

– Прошу еще раз прощения за то, что произошло с вашей женой.

– А я прошу прощения за то, что стрелял в вас, – ответил я.

– Ну вот и славно, – Доктор с грохотом поставил поднос на стол. – Значит, мир. Мы квиты.

Вот он, человек, который убил мою жену. Сидит напротив меня и улыбается. Но я же убил его. Решился на преступление. Нажал на курок. Заранее смирился с последствиями... И вот он, живехонек!

Доктор протянул мне бокал с чем-то. Это был не чай.

– Вы в шоке, – сказал он мягко. – Думаю, это бренди или шерри. Попробуйте, это вкусно. И коричневого цвета.

Взяв бокал, я отхлебнул из него, но мои руки сильно дрожали. Я поставил бокал на стол.

Доктор сидел передо мной, глядя мне в глаза. Совершенно не моргая.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Знаете ли, я мог бы свалить всю вину на князя Бориса... Он здорово манипулировал всеми нами. Превосходный стратег. Но я-то думал, что поступаю правильно... В любом случае...

– Она была моей женой, – всхлипнул я.

Доктор покачал головой и повторил свою ложь. Что она была ненастоящей. Что та, которая любила меня на протяжении этих месяцев, была иллюзией, выдумкой. Созданной, чтобы контролировать меня, заставить поверить существам из моря... Ложь. Я знал Пердиту. Лучшую из женщин, что когда-либо любили меня.

Не могу поверить, что она ненастоящая.

– Вам нужно время, чтобы это осознать и смириться, – сказал Доктор.

Я заметил, что солнце уже садится. Зимой дни такие короткие.

– Я знаю, что вы обо мне сейчас думаете, – сказал он так тихо. Его голос, созданный для смеха и радости, звучал так, словно ему не так часто приходилось это делать. – Я хочу рассказать вам историю о человеке,

который путешествует, и делает жизнь лучше, куда бы ни приехал. Нет, нет, это не я. Того человека не существует. Хотел бы я, чтобы он существовал, – он улыбнулся. – Я бы верил в него.

Он похлопал меня по колену.

– Я просто стараюсь делать всё, от меня зависящее. Изю всех сил. Совсем как вы – вы просто чудесны, делаете такие потрясающие вещи. Люди, подобные вам, скоро уничтожат эту ужасную болезнь, но не вы. Это не значит, что вам не надо бороться. Просто всему свое время. Спустя сто лет места, подобные этому, появятся повсюду, и люди поймут механизм этой болезни. Но этого не случится, не будь таких как вы, реально делающих что-то, а не говорящих несчастным больным, что они вампиры, не заставляющих их пить смолу и так далее...

Он помолчал.

– Я был так близок к победе, – сказал я голосом, в котором не было ничего, кроме надежды.

– Я знаю, – кивнул он. – Но на самом деле не были. Вы просто бежали вслепую и попали в тупик. Со всеми случается. Вы думали, что лечите напасть, но вместо этого случайно выпустили в мир нечто еще более страшное. Причем из самых лучших побуждений, – он вздохнул. – Ненавижу такие вот дни.

– Неужели ее нельзя воскресить? – спросил я.

Доктор покачал головой.

– Вы питали ее, а она – вас.

– А что будет с моими пациентами?

Встав, он выглянул в окно.

– Неплохая погода для зимы, не находите? Довольно мягкий климат, так и должно быть. Как раз то, что надо.

И я понял, что это и было лучшим ответом на мой вопрос от этого странного человека.

Он, склонившись, начал перебирать бумаги на моем столе, приводя его в порядок. И внезапно замер, держа в руках исписанный лист бумаги.

– Что это? – спросил он.

– А на что это похоже? – вопросом на вопрос ответил я.

Он начал вытаскивать лист за листом из аккуратной стопки. Стопки писем.

– Это от Марии? – улыбнулся он, просматривая их. – Это ведь она написала? О, благослови ее Бог. Она так мила и умна для одиннадцатилетней. – Он углубился в чтение. – Нет, всё происходило совсем не так, она не поняла... и еще она неправа: галстук-бабочка – это круто.

Помолчав, он уставился на меня.

– Вообще-то нехорошо читать чужие письма, – упрекнул он, прежде чем продолжить чтение.

– А я и не читаю, – ответил я. – Давно уже не читаю.

– Тогда зачем вы их здесь храните? – сердито спросил он. – Почему не отправили их ее матери?

Я покачал головой.

– Боюсь, этого не стоит делать.

Доктор замер с поднятой рукой.

– Почему не стоит?

Я начал, тщательно подбирая слова, словно прокладывая дорогу на скользком льду.

– Дело в том, что мать девочки больше не желает вступать с ней в контакт.

– Что?! Она ее бросила? – Доктор был просто взбешен. – Родная мать бросила ее только за то, что она больна? Это бесчеловечно! Больная девочка не должна быть сиротой!

– Она не пациентка, Доктор, и ничем не больна, – вздохнул я, сделав паузу прежде чем продолжить. – Больной была ее мама.

Доктор замер с раскрытым ртом. Вытащив еще одно письмо, он начал читать его вслух: *«Я чувствую себя лучше... почему я здесь? Когда ты забереешь меня домой?»*

Я вспомнил тот ужасный день, плачущую женщину, полностью готовую к путешествию, и Марию, прыгающую рядом в предвкушении возвращения в Париж.

Ее мать встревоженно и выжидательно посмотрела на меня. Я подошел ближе.

– Мария, солнышко, мне кажется, у тебя повышенная температурка, – я коснулся лба ребенка. – Ну да, немного повышена. Мне очень жаль, но я просто не могу, не имею права отпускать тебя в такое далекое путешествие вместе с мамой. Для твоего же блага. Не сейчас.

– Но мама! – запротестовала Мария, не замечая выражения лица матери.

Девочка заплакала. Тут же к ней подбежала моя любимая Пердита.

– Ну тише, тише, Мария, успокойся, – сказала она. – Мы очень волнуемся за тебя – этот грязный воздух Парижа, знаешь ли... Ничего хорошего. Так нельзя. Я вынуждена запретить тебе ехать. Ты останешься здесь, до тех пор пока окончательно не поправишься.

– Мадам Блум права, – кивнула мама Марии, ее глаза блестели от слез. – Тебе лучше остаться.

Она помолчала, раздираемая сомнениями.

– Я думаю, думаю, что ей лучше остаться, так, доктор Блум? – спросила она.

И нерешительно отступила на шаг.

Моя Пердита кивнула, крепко обхватив Марию за плечи, пока ее мать не села в экипаж и не уехала.

Последними словами Марии к матери было:

– Я буду писать тебе, мамочка! Можно?

Я с невыразимой грустью вспомнил все это.

– Ее мать была одной из моих первых пациенток, Доктор, – начал я. – Как только она поправилась, она решила бросить Марию. Это было самым лучшим выходом для нее, уехать от нее как можно дальше, от всех страданий и боли. Это было слишком сильным ударом для нее.

Голос Доктора был так глух и печален.

– Мария ничего не знает, не так ли?

– Бедная женщина слегла сразу после смерти дочери. Существа из моря с легкостью прочитали ее. Они вернули ей ее дочь, тем самым исцелив ее.

Доктор опустил на стул, глядя на меня. Держа в руках последнее письмо.

– Мне жаль, Доктор, – сказал я. – Мария – всего лишь создание Моря. Она ненастоящая.

Эпилог: Рассказ Рори

Знаете что? Доктор не всегда прав, и не может спасти всех. Иногда Эми закрывает на это глаза. Она видит его сияющим ангелом с рождественской елки – и не замечает, как холодны порой его глаза, как он смеется даже тогда, когда шутка перестает быть смешной.

В то утро взволнованная Эми прибежала с берега с сообщением, что вернулась ТАРДИС. Доктор сразу же помчался туда. Сначала он делал вид, будто ему все равно, но потом понесся пулей. ТАРДИС для него и дом, и самая лучшая подруга. Когда меня и Эми больше не будет на свете, он все еще будет летать в своем синем волшебном шкафу-Нарнии.

Я остался в столовой на последний завтрак. Но не только из-за еды, а скорее чтобы попрощаться с людьми, о которых забыл Доктор. К моему столу подошли сестры Элквитин. Оливия тяжело дышала. Ее сестра была очень изможденной и походила на палку от метлы.

Подошел мистер Невилл. Я заметил, что он не отходил от Оливии. Как мило – старый сухарь влюбился. Он хотел было что-то сказать, но Оливия ожгла его строгим взглядом. Потому что то, что она хотела сказать, было чисто семейным делом.

Они сели за мой столик.

– Молодой человек, я слышала, вы собираетесь уезжать? – спросила Оливия.

Я кивнул.

– Ладно, – она скрестила руки на груди. – Моя сестра хотела бы кое-что сказать. Кое-что для Доктора. Вы не передадите ему?

Я снова кивнул. И осознал, что еще ни разу не слышал голоса Хелены.

– Она берегла дыхание для этого момента, – важно сказала Оливия. – Я полагаю, что он не собирается возвращаться, не так ли?

Я понял ее правоту, как только она это сказала.

– Нет, – ответил я.

Она сдержанно кивнула.

Худая сестра наклонилась ко мне, сжав мою руку своей костлявой.

– Скажите ему... передайте ему, что я его ненавижу! – сказала она хрипло, и откинулась на спинку стула, задыхаясь от приложенных усилий.

– То же можно сказать и обо мне, – хмыкнула Оливия, протянув руку за выпечкой.

Я пошел на берег, где Мария и Эми бегали по песку. Эми бросилась ко мне и стиснула в объятиях.

– Вот мой любимый Рори! – сказала она, прижимаясь ко мне.

– Здесь морозец, – сказал я.

– Мой мальчик жалуется, – фыркнула Эми, подмигнув засмеявшейся Марии.

Мария взглянула на ТАРДИС. Доктор определенно был уже внутри.

– Это и есть ваш экипаж? – спросила она. – Он неправильный, месье. У него нет колес.

– Потому что они не нужны, – засмеялась Эми. – Это английский экипаж. У них нет колес.

– Его толкает месье Рори?

– При необходимости, – фыркнула Эми.

Мы замолчали. Мы с нетерпением ждали, когда Доктор выйдет из будки. Немного странно, словно ожидая немного опаздывающий автобус.

Вместо того, чтобы высунуть голову из будки, Доктор высунулся откуда-то из-за ТАРДИС. Он загадочно улыбался.

– Мария! – сказал он торжественно. – У меня есть для тебя сюрприз!

Мария недоверчиво посмотрела на него.

– Английский сюрприз?

Доктор покачал головой.

– Нет-нет-нет! Зачем бы я стал показывать тебе что-то подобное? Это было бы глупо. Это милый и красивый парижский сюрприз.

Доктор вышел к нам в сопровождении элегантной женщины в плаще.

Мария, ахнув, бросилась вперед.

– Мапочка!!! – закричала она, зарываясь лицом в юбку женщины.

Наклонившись, женщина, поцеловала девочку.

– О моя радость! – сказала она. – Я так скучала по тебе. Ты выглядишь просто потрясающе. Я рада, что ты наконец выздоровела!

– Я знала! Мне нужно столько тебе рассказать! – захлебывалась от восторга малышка. – А Доктор! Ну разве он не прекрасен? Он самый лучший! И такой умный – прямо гений!

Мама Марии посмотрела на Доктора, на мгновение холодно и отстраненно, словно он ей не понравился.

– Ну может быть, – сказала она.

– Мы вернемся в Париж? – спросила Мария.

Ее мама покачала головой.

– Нет, вернее, не сразу. Я решила, что сначала мы немножко попутешествуем. Посетим несколько стран.

Она сдержанно кивнула нам.

– Идем, милая, – с улыбкой сказала она дочери. – Туда, в Сент-Кристоф, я хотела бы нанять экипаж.

– А разве ты приехала не в экипаже? – удивилась девочка.

Ее мама снова улыбнулась, немного смущенно и растерянно.

– Вообще-то да, но он уехал. Я встретила на берегу Доктора и немного прогулялась с ним. Он многое объяснил мне по дороге.

С этими словами она взяла Марию за руку, и они зашагали прочь. И хотя ноги женщины не касались земли, Мария этого совсем не замечала.

Доктор открыл дверь ТАРДИС.

– Как я и говорил, осталась лишь одна особь, лишь слабый призрак. Но и этого оказалось достаточно, чтобы обрадовать еще одного Знакомца. Чудесное создание. Ему нужно было найти свое место в жизни, – он толкнул нас внутрь. – И кого-то, чтобы любить.

Эми побежала к консоли. Мы наблюдали за ней. Доктор повернулся ко мне, изучая мое лицо.

– Как ты, Рори? – спросил он.

Я посмотрел на Эми, прежде чем ответить.

– Сейчас нормально. Но быть тобой было так странно.

– Разве? – Доктор улыбнулся, но глаза оставались серьезными.

– И как ты только со всем этим справляешься?

– Ну... – Доктор провел пальцем по двери. – Ну, я просто подбираюсь как можно ближе к счастливому концу, затем закрываю за собой дверь и отправляюсь дальше.

Я кивнул.

Мы закрыли за собой дверь и полетели дальше. Как всегда.

Оглавление

Что Эми забыла.....	3
Письмо Марии	6
Что Эми вспомнила	8
Дневник Доктора Блума.....	11
Письмо от Марии.....	14
Что Эми вспомнила	21
Дневник Доктора Блума.....	23
Письмо от Мистера Невилла	25
Дневник Доктора Блума.....	28
Что подумал Доктор Смит.....	34
Письмо от Марии.....	36
Что вспомнила Эми	41
Письмо от Мистера Невилла	43
Дневник Доктора Блума.....	45
Письмо Марии	49
Дневник Доктора Блума.....	53
Что вспомнила Эми	54
Письмо Марии	57
Письмо от мистера Невилла	62
Что вспомнила Эми	64
Дневник доктора Блума	68
Что подумал Доктор Смит.....	71
Письмо Марии	72
Что вспомнила Эми	75
Письмо Марии	77
Дневник Доктора Блума.....	79
Что Эми забыла.....	82
Что Эми вспомнила	85
Письмо Марии	88
Письмо мистера Невилла.....	91
Что вспомнила Эми	92
Дневник Доктора Блума.....	99
Что вспомнила Эми	102
Рассказ Рори.....	106
Письмо мистера Невилла.....	111
Дневник доктора Блума	113
Рассказ Рори.....	116

Дневник Доктора Блума.....	119
Что вспомнила Эми	122
Дневник доктора Блума	127
Что вспомнила Эми	129
Дневник Доктора Блума.....	136
Что вспомнила Эми	137
Письмо Марии	139
Рассказ Рори.....	142
Письмо Марии	144
Журнал Доктора Блума	148
Рассказ Рори.....	150
Дневник Доктора Блума.....	153
Письмо от Марии.....	154
Дневник доктора Блума	157
Рассказ Рори.....	161
Письмо от Марии.....	162
Рассказ Рори.....	165
Дневник доктора Блума	168
Что вспомнила Эми	169
Письмо от Марии.....	173
Что вспомнила Эми	175
Рассказ Рори.....	176
Что вспомнила Эми	179
Письмо Марии	182
Отрывок письма князя Бориса	185
Что вспомнила Эми	188
Письмо от Марии.....	192
Письмо от мистера Невилла	193
Дневник доктора Блума	194
Эпилог: Рассказ Рори	198
Оглавление	201